

№40/2020

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
 - Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
 - Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
 - Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
 - Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
 - Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
 - Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
 - Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
 - Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
 - Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
 - Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
 - Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
 - Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
 - Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
 - Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
 - Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
 - Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
 - Chan Jiang (Peking University, China)
- and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>

CONTENT

ECONOMIC SCIENCES

Gersonskaya I.	Subota M.
FUNCTIONING OF THE RUSSIAN PUBLIC SECTOR OF ECONOMY IN MODERN CONDITIONS	SOCIO-ECONOMIC SECURITY OF AN ENTERPRISE: WORLD EXPERIENCE.....
3	19
Glushchenko V.	Shakhovskaya L., Timonina V.
THEORY OF TECHNOLOGICAL STRUCTURES: CONCEPTUAL TRANSFORMATIONS IN THE WORK OF UNIVERSITIES IN THE PERIOD OF THE SIXTH TECHNOLOGICAL STRUCTURE.....	RUSSIAN STRATEGY IN THE WORLD GAS MARKET: CLEAN BUSINESS OR POLITICAL CALCULATION?
5	22
Petrynyak A.	
EVALUATION OF MARKETING EFFICIENCY IN THE MANAGEMENT OF MANUFACTURING MINERAL WATER.....	
15	

HISTORICAL SCIENCES

Biltayeva A.	Tershak A.
CLASSIFICATION OF TURKIC PEOPLES BY THE LANGUAGE SYSTEM	TO THE BASE OF SOURCES OF ADVENTIAL COMMUNITY OF THE CITY OF UZHGOROD 1940-s...30
28	

JURISPRUDENCE

Nigmetova V., Leonova A., Lopashenko N.	
SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL REGULATION OF BEATINGS	
35	

PEDAGOGICAL SCIENCES

Brovko C.	Chupakhina S.
FORMATION OF THE REFLEXIVE COMPONENT OF CORPORATE CULTURE OF UNIVERSITY STUDENTS: EMPIRICAL ASPECT OF THE RESEARCH	FORMATION TECHNOLOGY OF INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS AS A BENCHMARK FOR INCLUSIVE LEARNING JUNIOR PUPILS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS.....48
38	
Kondratska G., Budinkevich S., Matieshin I.	
VOLLEYBALL AS A METHOD OF MYOPIA PREVENTION OF 5-8 GRADES CHILDREN.....43	

PHILOLOGICAL SCIENCES

Trusova A., Chigrinova A.	
TO THE QUESTION OF THE USE OF UTTERANCE INTENSIFICATION MEANS IN AUTOBIOGRAPHICAL WORKS	
56	

POLITICAL SCIENCES

Bezena I.	Sulkhanova E., Rudyka N.
«COMMUNICATIVE ACTION» BY JÜRGEN HABERMAS IN THE DEVELOPMENT CONTEXT OF MODERN UKRAINE	PUBLIC RELATIONS AS A TOOL OF POLITICAL ADVANCE.....67
60	
Pozdniakov E.	
CONSOLIDATION OF THE ANGLO-SAXON BLOC AS A POLITICAL TREND IN THE NEW DECADE	64

ECONOMIC SCIENCES

FUNCTIONING OF THE RUSSIAN PUBLIC SECTOR OF ECONOMY IN MODERN CONDITIONS

Gersonskaya I.

*Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Economy and Finance Department,
Russian Academy of national economy and public administration under the
President of the Russian Federation, Lipetsk branch, Russia*

Abstract

The article substantiates the importance of the public sector of the Russian economy in the process of social development. The elements of the state sector of the Russian economy are presented. The main indicators of the functioning of state-owned enterprises and the public administration sector are analyzed. The influence of the public sector on the growth of social welfare is established.

Keywords: public sector of economy, public corporations, investments, public administration, social sphere, public goods

In modern conditions of Russia's development, the state sector of the economy is assigned one of the key positions. This sector is a part of the national economy and is characterized by a combination of enterprises, institutions and organizations of various industries that are controlled by the state and are its property. At the same time, the state is not only the owner of property, but also the subject of management of all objects in the public sector of the economy. In Russia, this sector of the economy includes all state-owned companies and corporations, budgetary institutions, organizations and various state institutions whose property is in Federal ownership, the property of the subjects of the Russian Federation and municipalities. The state sector of the Russian economy today is a «multi-component, multi-level and multi-functional complex that operates on the basis of state property in different areas of the economy» [4, p. 41]. This is why such a sector of the Russian economy is managed both at the Federal level and at the regional level. The Federal administration covers the military-industrial complex, space development, aircraft construction, shipbuilding and automotive industry, extraction and processing of strategic raw materials, nuclear energy, transport, communications and telecommunications. Regional authorities are responsible for managing municipal property and developing the production of public goods.

The public sector performs important tasks for society, including stabilizing the processes taking place in the national economy. Today, this sector of the economy comprehensively covers the system of various «enterprises, institutions and organizations operating on the economic and legal basis of state ownership in order to implement the functions of the state in the economic, social and political spheres» [3, p. 2028]. The performance of the public sector is characterized by various socio-economic indicators.

The public sector of the economy has three main functions: efficient allocation of production and financial resources, redistribution of income, and stabilization of the national economy. Implementation of the functions of the public sector of the economy «is carried out primarily in the formation and execution of

budgets» [1, p. 8]. Therefore, the public sector in the process of carrying out its activities disposes of a certain set of resources, including financial ones, which are accumulated through the state budget.

Recently, the number of public sector enterprises in Russia has been declining. The number of unitary enterprises decreased by 11.8%, business companies – by 10.8%, state institutions – by 2.9% [7, p. 405]. According to Rosstat, only 98.8 thousand state-owned companies operated in 2018 [5, 6]. In comparison with the level of 2010, their number decreased by 20.6 thousand or 17.3%, and in comparison with 2017, the decrease was by 4.3 thousand or 4.2%. Such changes are caused by the reorganization of enterprises and organizations in the public sector, as well as by the privatization processes that are still characteristic of the Russian economy. A similar pattern is observed for companies with municipal ownership. In 2018, there were 189.9 thousand [5, 6] such enterprises and organizations in the regions of the Russian Federation, while in 2010 – 246.4 thousand, and in 2017 – 195.9 thousand. Thus, their steady decline is observed annually.

However, despite the decrease in the number of Russian companies with state participation, investments in fixed assets are steadily increasing, which expands the production potential of enterprises and contributes to their innovative and high-tech development. Total investment in Russia is steadily increasing, which has a positive effect on economic development. At the same time, investments in fixed assets in the public sector also tend to grow. The next element of the public sector of the Russian economy is state corporations. Today, the public sector is making innovative development of strategic sectors of the economy. Currently, the sphere of activity of Russian state corporations is quite diverse. The business sector of the state is 9.8% and it consists of state corporations that carry out their economic activities in strategically important sectors of the national economy. These include the military-industrial complex and the space sector, oil and gas production, precious metals and stones, and rare earth metals, as well as the fuel and energy complex, shipbuilding, air-

craft and automobile manufacturing, mail and communications, and transport infrastructure. The military-industrial complex accounts for 42.2% of state corporations in Russia, or the absolute majority of innovative sectors of the economy. For the space sector - 18.6%, and for shipbuilding and marine equipment - 12.7%. This is the second and third place for innovative development. About 10% is accounted for by the energy sector. Production and processing of raw materials takes 5.9%, and transport and infrastructure - 4.9%.

Today, the innovative development of the economy in Russia is supported by organizations that perform fundamental research and development. Such organizations are also part of the public sector of the economy, providing innovative and technical and technological development of the most important sectors of the national economy. Recently, the Russian Federation has seen «...positive changes in the development of University science and the activation of the position of regional authorities in relation to scientific and technological development» [7, p. 489].

In Russia, the public sector of the economy also includes objects of the social sphere, the operation of which is designed to ensure the production of necessary public goods. The state is called upon to solve social problems aimed at increasing the welfare of the population and significantly improving the quality of their living standards. Such social objects of the national economy primarily include educational organizations and medical institutions, institutions of culture and art, as well as public services and environmental organizations. The current structure of public spending in recent years indicates significant funding for priority areas of the national economy. The majority of public spending, namely 59.5%, is spent on financing social and cultural events.

The activities of the public sector of the economy are aimed at solving important socio-economic problems and relieving social tension in society, reducing unemployment and the population living below the poverty line, improving the quality of life of all members of society, that is, has a positive impact on improving the level of public welfare. We present the dynamics of the main socio-economic indicators of the population's standard of living in Russia for the analyzed period. Data from Rosstat in recent years reflect a steady positive trend aimed at increasing the quality of life of the population. There is an increase in the average per capita and real disposable income of the population, an increase in social transfers and other payments to citizens. In General, in 2018, the population's income and pensions in real terms amounted to 100.1 and 100.8% of the level of 2017, respectively [7, p. 334]. At the same time, social transfers in 2018 increased to 8087 billion rubles, and expenses of the state administration that provides individual services – to 7654 billion rubles, and other social payments amounted to 11102 billion rubles [5, 6].

In modern conditions of development of the national economy, financial investments by the state in the development of human capital, as well as in the innovative development of the national economy, namely «in science, education, including their material and

technical base, are considered not as current expenses, but as the most effective type of investment» [2, p. 271]. Therefore, the state sector of the Russian economy makes comprehensive use of financial resources for the production of public goods and services, such as education, medicine, social protection of the population, culture and art, development of public transport, territorial infrastructure, environmental safety, etc. The Expansion of produced public goods largely contributes to improving the quality of life of the population and the development of human capital. The state sector of the economy finances basic scientific research, implements projects to ensure public security, makes capital investments and investment projects, and provides financial support to strategic sectors of the national economy.

The public administration sector in Russia has a special status and occupies a special position, as it is necessary for state regulation of processes occurring in the national economy, coordination of public sector entities and creation of prerequisites for sustainable economic growth. The public administration sector provides a system of functioning and «... optimization of economic processes, norms and rules of economic activity of economic entities, citizens, consolidation of their initiative and opportunities for mastering the productive forces and their use...» [2, p. 271-272].

The activity of the public administration sector is characterized by various indicators, namely the dynamics of the number of public servants, expenditures on public administration, etc. recently, the change in the number of employees of public authorities has a multi-directional character. Rosstat data [5, 6] show that until 2017, the number of employees of state authorities in Russia increased annually due to the expansion of public sector functions. But 2018 is characterized by the optimization of the number that had declined in 2017 year by 16.6 thousand persons, and in particular at the regional level by 16.5 thousand people downsizing in government is connected first of all with the optimization of the control system, as well as processes of digitalization taking place in the public sector. At the same time, the number of Federal bodies in 2018 decreased by 10.7 thousand people, in state bodies of the Russian Federation subjects by 2.9 thousand people and in local governments by 3.0 thousand people.

The functioning of the public administration sector in Russia requires quite significant expenditures. Therefore, we present data on the use of GDP for public administration. The data of Rosstat [5, 6] indicate that expenditures on public administration in Russia tend to grow and in 2018 they formed at the level of 18049 billion rubles, which is more than in 2010 by 9378 billion rubles and in 2017 by 1400 billion rubles. A positive point is the fact that in 2018 the growth rate of expenditures on public administration is 8.4% lower than the GDP growth rate. At the same time, government spending on individual goods and services in 2018 amounted to 7654 billion rubles, and spending on collective services – 10395 billion rubles. In the structure of GDP, the share of public administration spending is fairly constant. In 2018, the GDP structure decreased to

17.5%, including spending on individual goods and services to 7.4%, and spending on collective services to 10.1%.

Thus, the functioning of the public sector of the economy is aimed at meeting public needs and sustainable socio-economic development. Through the structures that make up the public sector, the government regulates the national economy, produces the necessary public goods that the business sector of the economy cannot meet, and creates the prerequisites for sustainable economic growth. Today, the Russian public sector includes state corporations, public administration bodies, and social institutions. The public sector produces the necessary goods for society and provides social services, as well as carries out state regulation of the national economy. The state sector of the economy largely contributes to the increase of the country's national wealth, creates prerequisites for dynamic socio-economic development and sustainable growth, and also helps to overcome the crisis phenomena that periodically arise in market relations. The state supports commercial projects and private enterprises that are important for the national economy, as well as guarantees the fulfillment of social obligations to society. With the direct participation of the state sector of the economy, social development aimed at improving the level of well-being takes place.

REFERENCES:

1. Alyokhin E.V. State and municipal sector of economy in the Russian Federation: Textbook. Penza: PSU publishing House, 2011. 126 PP.
2. Volostnov N.S. State sector in the market economy of Russia: essence and functions // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2012. No. 3 (1). Pp. 269-273.
3. Kozhevina O.V. Foreign practice of using organizational models of efficiency management in the public sector of the economy // Fundamental research. 2014. No. 11 (part 9). Pp. 2027-2031.
4. Kononkova N.P. On the issue of the state sector of the economy // Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economy. 2011. No. 2. 37-45.
5. Russia in numbers. 2018: a Brief stat. collection / Rosstat. Moscow: August Borg, 2018. 522 PP.
6. Russia in numbers. 2019: a Brief stat. collection / Rosstat. M.: Buki Vedi, 2019. 549 PP.
7. Russian economy in 2018. Trends and prospects. (Vol. 40) / V. Mau et al.; pod nauch. ed. d-RA Ekon. A.L. Kudrin, doctor of Economics. Sciences S.G. Sinelnikov-Murylev. Moscow: Gaidar publishing house, 2019. 656 PP.

УДК 338.4.62.

THEORY OF TECHNOLOGICAL STRUCTURES: CONCEPTUAL TRANSFORMATIONS IN THE WORK OF UNIVERSITIES IN THE PERIOD OF THE SIXTH TECHNOLOGICAL STRUCTURE

Glushchenko V.

Dr. tech. Sciences, associate Professor, Moscow, Russia

ТЕОРИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РАБОТЕ УНИВЕРСИТЕТОВ В ПЕРИОД ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

Глущенко В.В.

Д-р техн. наук, доцент, Москва, Россия

Abstract

The aim of this article is the prediction of the conceptual transformations in the work of universities in the period of the sixth technological structure in terms of recovery from the global crisis, the object of this article is the sixth technological structure, the aim is to increase the quality of education in universities during the development of the sixth technological structure, to achieve the goals the following tasks: develop foundations of the theory of technological modes; clarify the concept and structure of the conceptual foundations of the functioning of post-industrial universities; forecasting of conceptual features, characteristics and specifics of economic entities of the sixth technological order; projecting possible trends and characteristics of transformation a conceptual framework for the functioning of universities in the conditions of the sixth technological structure, scientific methods in the article are deduction and induction, search, normative logic and heuristic forecasting, historical, comparative and systematic analysis, synthesis, scientific novelty of work is determined by the formation of the project of conceptual transformations in the work of universities in the development of industries of the sixth technological order and what is happening world-system and socio-economic changes.

Аннотация

Предметом статьи выступает прогнозирование концептуальных трансформаций в работе университетов в период шестого технологического уклада в условиях выхода из глобального кризиса, объектом статьи является шестой технологический уклад, целью работы является рост качества образования в университетах в период развития шестого технологического уклада, для достижения поставленных целей решаются следующие задачи: развиваются основы теории технологических укладов; уточнения понятия и структуры концептуальных основ функционирования постиндустриальных университетов; прогнозирова-

ние концептуальных особенностей, характерных черт и специфики экономических субъектов шестого технологического уклада; проектирование возможных направлений и особенностей трансформации концептуальных основ функционирования университетов в условиях шестого технологического уклада, научными методами в статья являются дедукция и индукция, поисковое, нормативное логическое и эвристическое прогнозирование, исторический, сравнительный и системный анализ, синтез, научная новизна работы определяется формированием проекта концептуальных трансформаций в работе университетов в условиях развития производств шестого технологического уклада и происходящих миросистемных и социально-экономических изменений

Keywords: forecasting, concept, transformation, University, technological structure, crisis, education, science, market, structure, product, integration

Ключевые слова: прогнозирование, концепция, трансформация, университет, технологический уклад, кризис, образование, наука, рынок, структура, продукт, интеграция

Актуальность данной работы связана с необходимостью опережающего формирования концептуальных положений теории исследования технологических укладов и научно-образовательной работы университетов в ситуации научно-технической революции открывающей путь к шестому технологическому укладу с учетом необходимости преодоления на этом пути глобального кризиса.

Дополнительную актуальность этой статье придает то, что в 2020 году образование в России по числу занятых и влиянию результатов деятельности на темпы социально-экономического развития может быть признано одной из ведущих отраслей национальной экономики, формирующей весь облик национальной экономики.

Гипотезой статьи является предположение о том, что для обеспечения эффективности процессов развития нового технологического уклада путем роста качества образования в российских университетах, снижения рисков в развитии университетов в период развития шестого технологического уклада и с учетом происходящих научно-технической революции, миросистемных и социальных изменений необходимы концептуальные разработки в области связанной с этими процессами трансформации научно-педагогической деятельности университетов.

Целью работы является рост качества образования в российских университетах в период развития шестого технологического уклада на основе общей теории технологических укладов и с учетом происходящих научно-технической революции, миросистемных и социально-экономических изменений.

Для достижения поставленных целей решаются следующие задачи:

- описание теоретических основ изучения сущности и особенностей шестого технологического уклада;

- уточнения понятия и структуры концептуальных основ функционирования постиндустриальных университетов;

- прогнозирование концептуальных особенностей, характерных черт и специфики экономики шестого технологического уклада;

- проектирование возможных направлений и особенностей трансформации концептуальных основ функционирования университетов в условиях шестого технологического уклада.

Объектом статьи являются шестой технологический уклад.

Предметом статьи выступают прогнозирование концептуальных трансформаций в работе университетов.

В связи с началом формирования шестого технологического уклада была сформулирована общая теория технологических укладов. В рамках этой теории были определены научный метод, объект, предмет, функции и роли этой теории. Общей теорией технологических укладов предложено называть научную методологию направленную на формирование научных о технологических укладах и их значении в социально –экономическом развитии. В качестве функций общей теории технологических укладов предложено выделять методическую, познавательную, инструментальную, законотворческую и другие. В качестве ролей общей теории технологических укладов были определены повышение экономической эффективности и снижением рисков процессов становления нового шестого технологического уклада в экономике. В качестве ключевых технологий нового уклада могут быть признаны нанотехнологии, нейротехнологии, искусственного интеллекта, цифровизации, «зеленые» технологии [1, с. 60-74].

В ходе исследований выявлено, что технологический уклад как сложная система обладает рядом свойств (большое число и разнородность элементов, иерархичность, эмергентность, эффективность, многофункциональность и другие). В качестве функций технологических укладов были определены: агрегирующая функция объединения элементов уклада в единое целое; развития новых видов социально-производственных отношений (институтов), совершенствования кредитно-денежных отношений, развития методов управления, умножения (мультипликации) экономического эффекта от использования новых технологий и другие [2].

Обосновано, что инновации станут практически непрерывными и это будет фактором повышение роли и значения повышения эффективности функционирования научно-педагогических школ [3, с. 47-59].

В связи со становлением шестого технологического уклада должны произойти и концептуальные изменения в высшем образовании.

При этом в начале 21 века в российском высшем образовании основным наблюдавшимся трендом были концепции: «смарт-образования» [4, с. 40-45]; трансформацией концепции фундаментальных (академических знаний) в концепцию оказания образовательных услуг [5, с. 67-75].

При этом отмечают, что работодатели остаются недовольны качеством высшего образования, а основой методологии образовательной деятельности в университетах остается предметный подход [6, с. 3-10].

Исследователи высказывают точку зрения о том, что концепция университета может рассматриваться как основа формирования его организационно-управленческой модели [7, с. 40-48].

В связи с этим формирование концепции функционирования университета имеет большое практическое значение [8, с. 2-58].

Помимо разработки общей концепции деятельности университета наблюдается формирование частных концепций (подконцепций) по отдельным направлениям работы университетов: обеспечения профессиональной компетентности выпускников [9, с. 93-96]; воспитательной деятельности [10, с. 2-19]; интеграции науки и образования [11, с. 18-27]; цифровой модернизации университетов [12, с. 12-17]; концепция развития предпринимательских университетов и передачи технологий [13, с. 67-72]; концепция устойчивого университета [14, с. 119-133].

В 21 веке в ходе развития отечественного высшего образования наблюдалось снижение значения научных школ в высшем образовании, что вероятно может расцениваться как одна из причин снижения относительного (по сравнению с требованиями работодателей) качества высшего образования.

При этом ряд исследователей считают, что в университетах именно научные школы могут рассматриваться: во-первых, как основа качественного высшего профессионального образования [15, с. 3-8]; во-вторых, как институт трансформации высшего образования [16, с. 15-21].

Наблюдающей глобальной тенденцией является интернационализация высшего образования [17, с. 58-65], сопровождающаяся обострением конкурентной борьбы на глобальном рынке образовательных услуг.

Миссия работы университета рассматривается как важный элемент концепции университетов [18, с. 185-189].

Существенным элементом функционирования современных университетов выступает развитие системы дополнительного образования в виде разного рода программ и курсов [19, с. 210-212].

Частью концептуального подхода может считаться и подконцепция финансирования высших учебных заведений [20, с. 140-145].

С учетом всего этого концептуальный подход к развитию системы образования может рассматриваться как составляющий элемент концепции структурной политики [21, с. 17-27], частью важных мер

по обеспечению социально-экономического развития нашей страны [22, с. 3-15].

В связи с этим в работе [22, с. 14] отмечают, что в России ставится задача выйти в число десяти наиболее экономически развитых стран. И если говорить об образовании, то по международным рейтингам наша страна в области высшего образования в начале 21 века занимает 33-е место. А при уровне расходов в 4% от ВВП наша страна находится по расходам на образование на 88-м месте в мире. Рекомендуется в нашей стране увеличивать инвестиции в человеческий капитал [22, с. 14].

В этой ситуации формирование эффективной концепции высшего образования предстает крайне важной задачей в настоящее время.

Дополнительную актуальность проблеме формирования концептуального подхода и концептуальной трансформации деятельности университетов придает и то, что, считающийся ядром шестого технологического уклада сегмент нанотехнологий пока не имеет существенного значения в реальной экономике и финансах [23, с. 18-28].

Так следователи развития шестого технологического уклада отмечают, что, в частности, развитие нанотехнологий пока еще не привело к созданию в России полномасшабной индустрии и больше представляет собой любопытное статистическое явление [23, с. 18].

Такое положение вещей может ставить под вопрос и темпы развития шестого технологического уклада в отечественной экономике в целом?

В такой ситуации естественным образом возникает проблема контроля эффективности расходов на исследования и инновации. Наблюдается необходимость разработки единого подхода к анализу и оценке эффективности таких расходов в разрезе участников государственных программ (федеральных органов исполнительной власти) [24, с. 130-138].

Однако, следует помнить, что любая оценка может быть корректной только в рамках определенной концепции, в рамках этой статьи -это концепция развития университета.

При этом именно технологические новшества, их создание, использование, оценка финансовых результатов [25, с. 137- 155] являются инструментами формирования шестого технологического уклада в реальной экономике и концептуальных трансформаций в работе университетов.

В начале 21 века исследования технологических укладов больше освещают влияние нанотехнологий, статистическую сторону соотношений технологических укладов в реальной экономике и другие вопросы [26, с. 3-29; 27, с. 70—75], но пока не распространяются на сферу концептуальных трансформаций в реальной экономике и, в частности, в работе университетов, в период формирования шестого технологического уклада.

При этом есть основания полагать, что доминирование бюрократического подхода в вузах [28, с. 922] может быть одной из существенных причин сдерживания процессов формирования шестого

технологического уклада и осуществления концептуальных трансформаций в функционировании университетов.

Следует отметить, что существующие в начале 21 века концепции работы университетов (особенно в рамках «смарт»-образования, пока не учитывают сам факт существования неявных знаний [29, с. 800].

При этом есть основания полагать, что именно не учет фактора существования неявных знаний может существенно влиять на проблему адекватности и практическую эффективность концепции работы университета в условиях шестого технологического уклада.

При описании концептуальных трансформаций в работе университетов рекомендуется учитывать инструменты формирования отдельных направлений шестого технологического уклада [30, с. 44-63] и элементы механизма интеграции науки, образования и практики в постиндустриальных условиях [31, с. 25-40].

При этом возможно наблюдаются и некоторые методологические деформации в самой системе высшего образования связанные с тем, что при нормативно закрепленном системно-деятельностном подходе в начальной школе [32, с. 37-41], эта методология пока не нашла своего применения в высшей школе нашей страны, пока находится в стадии теоретической разработки [33, с. 5-25].

Определенное отрицательное влияние на развитие и повышение качества высшего образования в университетах шестого технологического уклада может оказать и (пока отсутствующее) формирование систем управления социальным развитием персонала университетов [34, с. 2].

Кроме того представляется важным учитывать особенности поколения Z, которое станет субъектами образовательной и трудовой деятельности в условиях формирования шестого технологического уклада [35, с. 109—111].

В целом, по результатам анализа итогов исследований концептуальной составляющей работы университетов в условиях шестого технологического уклада, можно сказать:

- в процессе перехода к работе в условиях шестого технологического уклада концептуальный аспект может сыграть большую роль в эффективности процессов необходимых трансформаций;

- методология концептуального подхода в работе университетов имеет фрагментарный характер:

- проблема формирования программы необходимых концептуальных трансформаций в университетах пока не сформулирована и не обсуждается в научной литературе. Это подтверждает актуальность темы настоящей статьи.

Под концепцией функционирования университета в условиях шестого технологического уклада, в настоящей статье станем понимать системный взгляд на процессы функционирования этого университета, представление университета как сложной научно-образовательно-воспитательной системы, работающего в постиндустриальных условиях и связанной с формированием шестого

технологического уклада научно-технической революцией.

В ходе разработки концептуальной базы функционирования университета в условиях шестого технологического уклада условимся учитывать то, что в связи со сложностью научно-образовательно-воспитательных процессов и концепция функционирования университета должна иметь сложную структуру. Эта структура может быть отражена в виде граф-дерева концепций функционирования университета. Это граф-дерево концепции научно-образовательно-воспитательного функционирования университета может быть составлено с использованием методики, по своей сущности похожей на методику синтеза граф-дерева целей организации.

Научно-методическое значение формирования граф-дерева концепций работы университета состоит в разработке, учитывая особенностей работы университета, варианта системного подхода и/или метода декомпозиции работы университета. Построение такого граф-дерева позволяет управленцам глубоко и, при этом, с системных позиций изучать происходящие в университете процессы.

Граф-дерево концепций функционирования университета имеет и практический смысл, который выражается в большей систематизации практических действий, что приводит к снижению рисков недостаточного знания об объекте управления (рисков изучения) и рисков неправильных практических действий менеджеров (риска действия). Такой эффект объясняется тем, что наличие описания граф-дерева концепции университета повышает уровень практической координации действий всех субъектов процессов функционирования университетов в условиях шестого технологического уклада.

Концепция деятельности университета имеет сложную структуру, которую можно исследовать на основе ряда принципов ее декомпозиции:

- на основе назначения могут быть выделены теоретическая, практическая и управленческая концепция работы университета в различных областях;

- в соответствии с принципом декомпозиции по направлениям деятельности могут быть выделены концепции научной, образовательной и воспитательной деятельности;

- в рамках принципа декомпозиции, основанного на содержании деятельности могут быть выделены философская, идеологическая, методологическая, политическая концепции, концепция организационной культуры университета;

- по временному интервалу последствий могут быть структурированы стратегическая и тактическая концепции работы университета и другие.

При этом каждая из этих концепций может быть иерархически (с учетом отношений подчинения) разделена дополнительно на другие виды концепций. Например, управленческая концепция работы университета может быть разделена на подконцепции планирования, организации, мотивации и контроля в работе университета.

Кроме того должна учитываться взаимосвязь различных концепций, в частности, то, что базовые

постулаты (принципы) философской концепции работы университета влияют на все стороны его работы, выступают в качестве ценностей в составе организационной культуры университета.

Управленческая концепция работы университета находит свое отражение в миссии и видении работы университета. Миссия университета отражает пользу обществу от его работы. А видение развития университета представляет собой вдохновляющий сценарий его развития.

Поэтому стоит обратить внимание и на то, что исследователи отмечают, что изменение концепции может сопровождаться и изменением (реконфигурацией) миссии деятельности университета [5, с. 67-75].

В процессе концептуальной трансформации высшего профессионального образования могут быть структурированы организационный, институциональный, системный и ситуационный аспекты.

Организационный аспект заключается в изменении принципов выделения структурных подразделений (департаментизации) и/или организационной структуры университета.

Институциональный аспект такой трансформации состоит в изменении системы отношений между субъектами образовательного процесса,

Системный аспект концептуальной трансформации работы университетов заключается в необходимости рассмотрения всех элементов концепции в их взаимной связи и влиянии.

Ситуационный аспект этой трансформации отражает специфику конкретной ситуации в национальной экономике и обществе в период осуществления такой трансформации, например, имеющий место уровень расходов на образование и его влияние на работу университетов [22, с. 14].

При проектировании процесса концептуальных трансформаций университета при переходе к шестому технологическому укладу, стоит учитывать, что в 2020 году под термином «технологический уклад» наиболее часто подразумевают комплекс взаимодействующих в рамках бизнес-процессов университета связанных между собой технологий научно-образовательно-воспитательной деятельности. При этом данные взаимодействующие технологии на основании выделенных признаков могут быть отнесены к единому технико-технологическому уровню, а их развитие происходит одновременно и синхронно [27, с. 70-75].

В работе [30, с. 44-63] было предложено выделять узкую (совпадающую с вышеупомянутой) и широкую трактовку понятия «технологический уклад». При этом широкая трактовка этого понятия («технологический уклад») может обозначать системное объединение технологий функционирования фирмы и университетов с характерными для этой фирмы или университета производственно-социальными отношениями, культурно-философской парадигмой управления научно-образовательными-воспитательными отношениями в университете или фирме на конкретном этапе (ступени) их исторического, экономического, социального, культурного, технологического состояния.

Концепция формирования технологического базиса университета шестого технологического уклада призвана давать ответы вопросы о составе и сущности технологий, используемых в работе университета. При этом в перечень сегментов технологического базиса университета шестого технологического уклада есть основания принять: технологии преобразования аналоговых сигналов в цифровые (цифровизация) в научной, образовательной и воспитательной сферах; технологии, основанные на исследованиях атомного и молекулярного уровня (нанотехнологии); интеллектуальные и информационные технологии; различные виды технологий, основанных на исследованиях и использовании биохимических сигналов мозга, знаний о психологии и поведении людей (нейротехнологии, включая, нейромаркетинг, нейроменеджмент и др.); технологии, основанные на использовании и усилении возможностей мыслительной деятельности (искусственного интеллекта); экологически чистые (включая экологию человека) и энергосберегающие технологии и другое.

Последующее развитие, системная интеграция всех /или части из названных технологий и скординированное с процессом развития технологий изменение производственных и социальных отношений и должны привести к становлению шестого технологического уклада как качественно новому этапу в развитии производительных сил и социально-экономических отношений в обществе. При этом нужно принимать во внимание, что эти виды технологий и новые общественные отношения уже находились на некотором развития в структуре предыдущего пятого технологического уклада. А их дальнейшее развитие в составе последующего (шестого) технологического уклада как раз и может привести к качественному скачку (переходу количества в качество) в процессах производства, научных исследований, высшего образования, способов потребления продуктов и услуг, которые и станут характеризовать шестой технологический уклад.

Есть основания прогнозировать, что в ходе формирования шестого технологического уклада между субъектами этого процесса и перечисленными видами технологий (где это возможно) могут иметь место интенсивная интеграция и, параллельно, расти их специализация, а одновременно с этим будет наблюдаться и обострение конкуренции за рынки, ресурсы и, прежде всего, за финансовые и интеллектуальные ресурсы.

При этом объем и качество получаемых и передаваемых знаний, эффективность практического использования знаний в национальной экономике, функционирование рынков знаний и инноваций в большой степени определяются эффективностью функционирования университетов, обеспечиваемой трансформацией их концепций функционирования.

При этом отсутствие адекватной концептуальной трансформации работы университетов может стать причиной кризиса в развитии университетов и способствовать дальнейшему продолжению глобализации.

бального кризиса [36, с. 24-29]. Поэтому концептуальная трансформация работы университетов при переходе к шестому технологическому укладу имеет и антикризисную направленность и содержание.

Постиндустриальный характер деятельности университетов в рамках шестого технологического уклада будет приводить к тому, что университеты в рамках этого уклада не будут ждать возникновения настойчивой потребности в определенных услугах от своих потребителей, но сами будут создавать конкретные научно-образовательные потребности и разрабатывать научно-образовательно-воспитательные продукты для их удовлетворения. Например, в связи с дальнейшей активизацией инновационной деятельности можно ожидать дальнейшего роста спроса в экономике на услуги рискового (венчурного) инвестирования. В связи с этим может потребоваться выпуск студентов по таким новым специальностям как венчурный инвестор (бизне-ангел), инновационный брокер (отбирает инновационные проекты для инвесторов), инновационный оценщик (сюрвейер- осуществляет оценку экономической эффективности инновационных проектов) и других.

Предметный подход в образовательной деятельности университетов (по причине того, что он не обеспечивает необходимое качество высшего образования [6, с. 3-10]) будет постепенно заменяться на продуктовый (объектный) [41, с. 18-38] подход и/или системно-деятельностный подход не только в начальном [32, с. 37-41], но и высшем профессиональном образовании [33, с. 5-25].

При этом под научно-образовательным продуктом может пониматься системное объединение компетенций в составе научных знаний, практических навыков, а также организационной культуры, необходимых для выполнения определенных профессиональных обязанностей на конкретной позиции в организационной структуре высокотехнологичных фирм шестого технологического уклада.

Для повышения качества высшего образования в условиях ограниченного финансирования [22, с. 14] может быть рекомендовано комплексное использование в концепции деятельности университета: продуктового (объектного) [41, с. 18-38] и системно-деятельностного подхода в высшем профессиональном образовании [33, с. 5-25]; методов теории бережливого производства [42, с. 298-322]; педагогико-психологической системы в высшем образовании [43, с. 639-661].

С учетом этого возможно эвристическое прогнозирование таких концептуальных трансформаций, начиная с изменения концепции конкуренции университетов на рынках научных и образовательно-воспитательных услуг. Ожидается, что на смену имевшей место ранее ценовой и неценовой конкуренции на рынке научных, образовательных и воспитательных услуг станет развиваться между университетами конкурентная борьба на уровне организационных культур университетов. Конкурентная борьба будет осуществляться не только за заказчиков НИР и обучающихся (покупателей), но и за

возможность заключения контрактов (найма) наиболее квалифицированных и ценностно ориентированных научно-педагогических работников.

Экстраполяция наблюдаемых в университете ском секторе тенденций позволяет предположить, что в условиях шестого технологического уклада и дальнейшего ускорения НТП быстрая смена продуктов (товаров и услуг) и их короткий жизненный цикл приведут к тому, что:

- в общественном производстве будет ускорено продуцироваться запрос на все новые специальности, например, в нашей стране в начале 21 века ежегодно появляется около 500 новых профессий [34, с. 97];

- университетам для обеспечения их конкурентоспособности потребуется большая свобода, в частности, в области открытия новых и закрытия устаревших образовательных направлений и специальностей, найма персонала, выбора форм интеграции науки-практики и образования;

- управления и контроль в университетах (в том числе государственный надзор) получат новый объект – они должны будут быть направлены не только на конкретные образовательные продукты, сколько на формирование конкурентоспособной организационной культуры университетов и другое.

В конкурентной борьбе университетов все больший вес будут иметь маркетинговая философия деятельности, управление брендами (брэндинг) и имиджем университетов.

При этом концептуальной трансформации могут быть подвержены такие составляющие организационной культуры университета как подконцепции: национальной и социальной ответственности; правил и ценностей конкурентной борьбы; научных, образовательных и воспитательных ценностей университета; стереотипов и норм поведения администрации, научно-педагогических работников и обучающихся (студентов) и другое.

Поэтому концепция создания и обеспечения работы организационной культуры с заданными свойствами и определенным уровнем результативности будет рассматриваться как ключевой элемент процесса концептуальных трансформаций при переходе к шестому технологическому укладу в университетах.

При этом основным содержанием концептуальной трансформации в области организационной культуры университетов может считаться переход от бюрократической культуры [28, с.922] к культуре сопричастного управления. Необходимость в такой трансформации объясняется тем, что бюрократическая культура управления университетом может быть продуктивна только при заранее и однозначно определенных целях работы организации. А для работы университетов в условиях шестого технологического уклада будет характерна постиндустриальная [31, с. 25-40; 44, с. 413-416] направленность деятельности на поиск и формирование новых научно-образовательных потребностей клиентов. Поэтому выработка гибких целей станет одним из этапов и элементом процесса управления. Это предопределяет снижение эффективности бюрократической

культуры и создает необходимость развития со-причастной культуры управления в условиях шестого технологического уклада.

Такой переход будет сопровождаться переходом от механистической философской парадигмы деятельности университетов [45, с. 102-103] к органической парадигме их работы. Для органической парадигмы работы университета будет характерно: слабое или умеренное использование формальных инструкций и правил; рациональное распределение власти; участие в принятии решений научно-педагогических работников; широкое понимание ответственности в работе; гибкость власти и малое количество уровней иерархии; рост влияния личной (экспертной, права на власть, потребности во власти, власти информации, харизмы и т.п.) власти и другое.

При этом можно прогнозировать возрастание значимости экспертной власти в университетах шестого технологического уклада [18, с. 126-127].

Концептуальная трансформация механистического подхода в органическую концепцию может сопровождаться изменениями таких сторон деятельности фирмы: взаимодействие университета с научно-педагогическими работниками (НПР) университета; принципы распределения власти в университете; структура информационных потоков; повышение значимости горизонтальных связей и другое.

Основной задачей концептуальной трансформации в работе университета в области социально-образовательных отношений условимся считать уход от концепции кадровой работы и концепции управления персоналом в область дальнейшего теоретического развития и эффективного практического использования концепции управления человеческими ресурсами. Специфика названных концепций отражена в работе [34, с.13-19].

В ходе развития концепции управления человеческим ресурсами университетов упор будет делаться на методы управления социальным развитием НПР [34, с.3]. В том числе, дополнительно (по сравнению кадровой работой и управлением персоналом) получат: разработка индивидуальных схем мотивации, индивидуальное планирование карьер НПР, мотивация к самоактуализации (раскрытия скрытых возможностей) НПР и другое.

Дополнительно может получить развитие теоретическая концепция и практика командной работы НПР в рамках научных исследований и реализации отдельных образовательных продуктов [46, с. 642; 3, с. 47-59].

Ожидается развитие в университетах и концептуальной трансформации организационных структур в сторону перехода от функциональных структур к более эффективным в ситуации постиндустриальной динамичной внешней среды к матричным оргструктурам университетов [31,с. 25-40;45, с. 117-118].

При этом в качестве отдельной подконцепции может рассматриваться общий взгляд на систему отношений университета с кластерами и технологическим платформами и интеграцию с ними [31,с. 25-40].

Можно ожидать, что концептуальная трансформация коснется и самой философии научной и инновационной деятельности университета, которая будет направлена на теоретическое обоснование и практическое обеспечение упреждающего развития науки и инноваций по отношению к образовательному процессу и воспитанию студентов.

Однако с другой стороны само упреждающее научное обеспечение образовательного процесса возможно при формировании соответствующей научной организационной культуры в университетах.

В ходе такой концептуальной трансформации рекомендуется учитывать, что в науке шестого технологического уклада будет происходить концептуальная трансформация связанная с кастомизацией науки и образования и определяемой этой кастомизацией приоритетность объектных научных исследований по отношению к предметным исследованиям [47,с. 65-87].

Кроме этого рассматриваемая концептуальная трансформация должна научно-образовательной деятельности университетов должны учитывать и то обстоятельство, что ожидается возрастание значения неявных знаний в науке, образовательной работе, организационной культуре университетов шестого технологического уклада [29,с.800; 47,с. 65-87]. Как ожидается, баланс соотношения неявное/явное знание может изменяться в сторону увеличения доли неявных знаний. Это может быть связано с тем, что в условиях шестого технологического уклада будет возникать все больше научных и инновационных направлений на стыках различных наук. Поскольку эти знания прямо не относятся ни к одной из ранее развитых научных областей, то они будут носить неявный характер. При этом спецификой неявных знания является то, что именно такие знания являются основой возникновения синергетического эффекта в результате их применения на практике.

В ситуации роста значимости неявных знаний увеличивается и актуальность поставки вопроса об областях использования и практической эффективности в реальной экономике и обществе основанного на явных знаниях смарт-образования [4, с.40-45]?

Важно отметить и то, что увеличение объемов и практической роли неявных знаний порождает тренд на увеличение роли научных школ в парадигме и оргкультуре научно-образовательной-воспитательной деятельности университетов.

При этом научные школы могут рассматриваться как особого рода команды, состоящие из НПР, координирующих свою научную и инновационную, воспитательную деятельность в рамках определенного научного и/или образовательного направления в составе вуза [3, с. 47-59].

Поскольку ресурсоемкость научной деятельности постоянно растет, то важным структурным элементом концептуальной трансформации в работе университета должен стать переход к концепции бережливого производства научных и образовательных услуг в университете шестого технологического уклада, которая развивалась, в частности, в работе [42,с. 298-322].

В рамках предпринимательской составляющей в деятельности университета шестого технологического уклада ожидается усиление взаимодействия между университетами и организациями, входящими в технологические платформы и кластеры, что может повысить не эффективность процессов генерирования знаний, но и их практического использования.

В связи с активным участием университетов работе кластеров и технологических платформ можно ожидать большей заинтересованности регионов в повышении эффективности деятельности университетов.

Как уже отмечалось, постиндустриальный характер маркетинговой деятельности вузов в условиях шестого технологического уклада может находить свое выражение в том, что на основе опережающих научных исследований, университеты будут формировать свои модели функционирования рынков в будущем и проектировать свои образовательные услуги на основе таких концептуальных прогнозов и отвечающих им моделей функционирования рынков и/или производств.

Особенностью взаимодействия университета с клиентами при постиндустриальной модели деятельности вуза может стать то, что практики могут более активно участвовать в определении первоочередных проблем научных исследований, инновационных разработок и определять уровень требований к компетентности и организационной культуре выпускников вузов. Это может быть сделано, в частности, с применением используемых за рубежом квалификационных карт, карт компетенций, перечня ценностей организационной культуры. На базе этих карт и ценностей (с участием студентов и работодателей) университетом могут формироваться индивидуальные траектории прохождения учебных курсов и образовательных программ конкретными обучающимися в рамках системно-деятельностного или продуктового подхода в научно-образовательной деятельности университетов. Для повышения эффективности научных исследований и образовательной деятельности могут использоваться научно-образовательные варранты и форвардные контракты [31, с. 25-40].

Как показывают исследования [48, с. 25-33], существенным фактором, сдерживающим коммерциализацию инноваций является неразвитость инфраструктуры рыночной деятельности в нашей стране. В свою очередь вероятной причиной неразвитости коллективных форм венчурного инвестирования может быть недостаточно высокий уровень доверия в экономике. Поэтому для развития венчурных инвестиций было рекомендовано использовать структуру коллективного венчурного инвестирования с индивидуальным принятием инвестиционных решений подобную той, которая использовалась известной страховой компанией Ллойд [30, с. 44-63]. Преимуществом этой структуры является то, что каждый из инвесторов индивидуально принимает решение об инвестиции в конкретный инновационный проект самостоятельно.

Для успешного функционирования такой структуры в области венчурного инвестирования и для расширения рыночной инфраструктуры инвестиций в инновации университеты могут предложить своим клиентам подготовку специалистов по развитию рыночной инфраструктуры рыночной инновационной деятельности: бизнес-ангелов, венчурных инвесторов, акселераторов, инновационных брокеров, оценщики инновационных проектов и т.п. При этом университет должен разъяснить своим потенциальным клиентам перспективность такой специальности.

Подготовка специалистов в сфере коммерциализации инноваций и организации коммерческой инновационной деятельности может быть основана на продуктовом подходе, заключающемся в этом случае в интеграции знаний и умений (компетенций) в области маркетинга, инноватики, технических наук, экономических наук с учетом особенностей ценностей и организационной культуры процесса коммерциализации инноваций.

При этом должно учитываться, что рыночной миссией работы инновационных брокеров является ускорение научно-технического прогресса на основе повышения доли успешных в коммерческом плане инноваций. Содержательными составляющими работы инновационных брокеров будут: анализ информации; синтез проектов потребностей; подбор перспективных удовлетворения этой потребности патентов, промышленных образцов, моделей; поиск венчурных инвесторов; подготовка договоров инвестирования и другое.

Независимым венчурным инвесторам (бизнес – ангелам, акселераторам) может потребоваться независимая оценка перспективных инновационных проектов. Эту рыночную потребность должны будут удовлетворить инновационные сюрveyеры (оценщики инновационных проектов). Оценщики инновационных проектов могут оказывать независимые рыночные услуги направленные на: определение емкости потенциальных сегментов рынка для определенного инновационного продукта, контроля уровня организации и качества инновационных процессов в фирме; определения уровня цен на предлагаемые продукты; оценку влияния предлагаемой инновации на рынок и общество.

В связи с интенсификацией инновационной деятельности может прогнозироваться возникновение потребности в специализированных кадровых агентствах, занимающихся формирование команд инновационных проектов и оценкой эффективности таких команд.

В свою очередь для обеспечения работы таких агентств и внутренних потребностей корпораций может быть начат выпуск специалистов (бакалавров) по управлению человеческими ресурсами в области инноваций.

Концептуальная трансформация работы университета шестого технологического уклада должна учитывать и изменения в психо-физическом облике обучающихся, относящихся к поколению Z. Это поколение людей рожденных после 1995

года, вся жизнь которых протекает в эпоху интернета. Этих людей отличают: pragmatism в деловых вопросах и личной жизни; ориентация на результат (а не процесс); ранее стремление делать карьеру в крупных компаниях или стремление создать свой собственный бизнес; пониженное стремление к публичности [35, с. 109—111].

Стремление (потребность) поколения Z может породить предложение со стороны университетов предпринимательских образовательных продуктов, например, таких как бизнес-ангел, инновационный брокер и др.

При этом данное поколение Z несет риск зависимости от гаджетов (что уже официально признано болезнью). Поэтому для профилактики возможных негативных последствий для здоровья обучающихся университетам, вероятно, потребуется создавать службу психологов и медиков в области профилактики зависимости от гаджетов, нормировать и ограничивать использование технических средств обучения и информационных технологий?

В связи с тем, что рынок образовательных продукции университетов шестого технологического уклада будет иметь глобальный (или глобально-сегментный) вид, то концептуальная трансформация работы университетов должна учитывать и текtonические сдвиги, происходящие во внешней среде университетов:

- geopolитический процесс формирования многополярного мира приведет к формированию и соответствующих технологических, финансовых и образовательных полюсов мира, сегментации рынка, в том числе образовательных услуг;

- сфера образования в связи с ростом ее geopolитической значимости может быть отнесена к отраслям национальной geopolитической экономики;

- в связи с повышением степени включенности университетов в работу кластеров и технологических платформ можно ожидать и увеличение уровня кастомизации в работе университетов [47, с. 65-87];

- по причине повышения ресурсоемкости научной и образовательной деятельности университетов можно ожидать увеличения интереса со стороны администраций университетов к методам бережливого производства в научно-педагогической работе университетов [40, с. 298-322];

- в связи с ростом сложности постиндустриальной деятельности университетов в условиях шестого технологического уклада возрастет значение концептуальной составляющей деятельности университетов.

В статье развиваются основы общей теории технологических укладов, обоснована необходимость концептуальных изменений в работе вузов, изучается и уточняется термин «концепция работы университета» и понятие концептуальной трансформации работы университета, обсуждаются узкий и широкий подход к понятию шестого технологического уклада, определены теоретическое и практическое значение концепции работы университета, описана структура концепции работы университета и ее представление граф-деревом концепции университета, исследованы направления концептуальной трансформации в работе

университетов в условиях постиндустриальной экономики шестого технологического уклада, предложены инструменты рыночной интеграции науки-практики-образования в работе университетов, отражено влияние внешних и внутренних факторов, а так же специфики студентов поколения Z на концепцию функционирования университетов, предложена постиндустриальная модель развития рискового инвестирования в инновации, обоснована необходимость выпуска университетами новых образовательных продуктов для удовлетворения нужд экономики шестого технологического уклада с учетом происходящих миросистемных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Глушенко В.В. Задачи общей теории технологических укладов // Kazakhstan Science Journal, 2020, № 2 (15), с. 60-74 <https://sciencejournal.press/sj/article/view/154/131> (дата обращения 13.02.2020).
2. Глушенко В.В. Функции и роли технологических укладов в управления технологическим и социально-экономическим развитием// Kazakhstan Science Journal, 2020, № 3 (16), <https://sciencejournal.press/sj/article/view/161/138> (дата обращения 05.03.2020).
3. Глушенко В.В. Значение научно-педагогических школ в высшем образовании третьего тысячелетия// Kazakhstan Science Journal, 2020, Т. 3, № 2 (15), с. 47-59. <https://sciencejournal.press/sj/article/view/155/132> (дата обращения 16.02.2020).
4. Нестеров А.В. Приведет ли смарт-образование к «закату» университетов?//Компетентность, 2015, № 2, с. 40-45.
5. Загидуллина М.В.Реконфигурация миссии университета: от концепции "академического знания" к концепции "образовательных услуг"//Челябинский гуманитарий. 2016. № 1 (34). С. 67-75.
6. Аванесов В.С., Балаба В.И., Кершенбаум В.Я. Контент образовательных технологий в задачах формирования профессиональных компетенций//Компетентность, № 3(124),2015, с. 3-10.
7. Громыко В.В.Организационно-управленческая модель университета в свете концепции устойчивого развития в условиях предела//Вестник Российской экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2013. № 1 (55). С. 40-48.
8. Концепция развития Магнитогорского государственного университета//М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Магнитогорский гос.ун-т ; [авт. и сост. В. Ф. Романов и др.]. Магнитогорск, 2006. – 59 с.
9. Филатов С.В. Концепция формирования профессиональной компетентности бакалавра в техническом университете//Транспортное дело России. 2012. № 3. С. 93-96.
10. Вебер В.Р., Раненко М.Э.Концепция воспитательной деятельности Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого и

- методические рекомендации по планированию воспитательной работы//В. Р. Вебер, М. Э. Раненко ; М-во образования и науки Российской Федерации, Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. -19 с.
11. Жураковский В.М., Воров А.Б. Интеграция образования и науки в национальных исследовательских университетах: системный эффект для российской высшей школы//Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 4 (20). С. 18-27.
12. Жук О.Л. Высшее образование в условиях цифровой трансформации: от университета 3.0 к университету 4.0//В сборнике: Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы материалы XII Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Российский университет дружбы народов. 2019. С. 12-17.
13. Калиничева Г.И. Деятельность предпринимательских университетов как фактор интеграции высшего образования, науки и трансфера технологий//В сборнике: Приоритеты мировой науки: эксперимент и научная дискуссия Материалы VIII международной научной конференции. Научно-издательский центр «Открытие». 2015. С. 67-72.
14. Согомонов А.Ю. "Устойчивый университет" (академическая наука, высшее образование и прикладная этика)//Ведомости прикладной этики. 2018. № 52. С. 119-133.
15. Владимиров А.И. Научно-педагогические школы губкинского университета - фундаментальная основа высшего нефтегазового образования//Химия и технология топлив и масел. 2010. № 2 (558). С. 3-8.
16. Евсеев С.П., Таймазов В.А., Филиппов С.С. Научно-педагогические школы университета как фактор модернизации высшего физкультурного образования//Высшее образование в России. 2013. № 7. С. 15-21.
17. Лебедева С.Н., Щепинин В.Э. Интернационализация высшего образования: глобальные тенденции и направления сотрудничества университетов Республики Беларусь и Российской Федерации//Потребительская кооперация. 2019. № 2 (65). С. 58-65.
18. Панькова Н.М. Миссия университета в современных концепциях высшего университетского образования//Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 312. № 6. С. 185-189.
19. Хохлова А.А. Массовые открытые онлайн курсы в системе высшего образования на примере Самарского государственного технического университета//Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-2 (71). С. 210-212.
20. Куршева В.С. Финансирование государственных учреждений высшего образования: реалии и перспективы (по материалам деятельности кольского филиала Петрозаводского государственного университета)//В сборнике: Актуальные вопросы образования в XXI веке Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор Т.В. Белевских. 2017. С. 140-145.
21. Фальцман В.К., Крахина М.В. К концепции структурной политики на долгосрочную перспективу //Проблемы прогнозирования, 2019, № 3, с.17-27.
22. Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста//Проблемы прогнозирования, 2019, №1, с.3-15.
23. Ганичев Н.А., Кошовец О.Б. Российский рынок нанотехнологий: высокотехнологичная индустрия или статистический феномен//Проблемы прогнозирования, 2018, №1, с.18-28.
24. Ильина И.Е., Жарова Е.Н., Бурланков С.П. Анализ эффективности расходов на исследования и разработки в рамках государственных программ//Проблемы прогнозирования, 2018, № 2, с.130- 138.
25. Комков Н.И., Кулакин Г.К. Технологические инновации: создание, применение, результаты //Проблемы прогнозирования, 2018, № 5, с.137-155.
26. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии//Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 2. С. 3-29.
27. Гуриева Л. К. Концепция технологических укладов // Инновации : журнал. — СПб., 2004. — № 10. — С. 70—75.
[http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/779e63082286adb
bc325672f003bdcf2/88e58149614c800fc325703000360bb3](http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/779e63082286adbbc325672f003bdcf2/88e58149614c800fc325703000360bb3)
28. Балацкий Е.В., Верёвкин О.Л. "Бюрократическая модель" успеха российских экономических вузов//Вестник РАН, 2015, №10, с.922.
29. Цветков В.Я., Сигов А.С. Неявное знание: оппозиционный логический анализ и типологизация//Вестник РАН, 2015, № 9, с.800.
30. Глушенко В.В. Инструменты развития нейротехнологической платформы в машиностроении шестого технологического уклада// Kazakhstan Science Journal, 2020, № 1 (14), т. , с.44-63.
<https://sciencejournal.press/sj/article/view/138/123>
(дата обращения 11.01.2020).
31. Глушенко В.В. Механизм повышения эффективности интеграции науки практики образования в постиндустриальных условиях // Kazakhstan Science Journal, 2019, № 8 (9), т.2, с.25-40.
<https://sciencejournal.press/sj/article/view/107/98>
32. Котова С. К. Системно-деятельностный подход в реализации ФГОС НОО// Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 19. – С. 37–41. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56247.htm>.
33. Глушенко В.В. Системно-деятельностная модель образовательного процесса в высшем транспортном отраслевом образовании// Kazakhstan Science Journal, 2019, № 10(11), с. 5-25 .
<https://sciencejournal.press/sj/article/view/118/108>
34. Башмаков В.И. Управление социальным развитием персонала : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. И. Башмаков, Е. В. Тихонова. — 2-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», 2014. — 240 с. — (Сер. Бакалавриат).

35. Howe, Neil; Strauss, William. Millennials & K-12 Schools (неопр.). — LifeCourse Associates, 2008. — С. 109—111. — ISBN 0971260656.
36. Глущенко В.В. Кризисология: общая теория кризиса, образ посткризисного будущего, кризисный подход к исследованию и рисковая теория фирмы, парадигма интеллектуального управления рисками. - г. Москва: ИП Глущенко Валерий Владимирович, 2011. – 80 с.
37. Пухова М.Ю. От создания управляющих советов к формированию стратегий и качеству управления образованием//Источник. 2014. № 2. С. 21-22.
38. Алпатов Ю.М., Грудына Л.Ю., Молчанов С.В.Глобализация и управление национальными образовательными системами//Образование и право. 2017. № 7. С. 202-208.
39. Гребенников В.В.Инновационные основы многоканального финансирования учреждений высшего образования в России//Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 4 (39). С. 84-89.
40. Глущенко В.В., Глущенко И.И. Механизм финансирования повышения компетентности персонала организаций посредством дополнительного образования// Финансовое право и управление. — 2016. - № 1. - С.85-95.
41. Глущенко В.В., Вавилов Н.Е. , Пшукова К.А. Концепция продуктового подхода в научно-педагогической работе отраслевых вузов [Электронный ресурс] // Молодежный научный вестник. 2018. № 11(35), с. 18-38.
42. Глущенко В. В., Глущенко И. И. Методология и организационная культура повышения качества образования в вузе на основе теории бережливости в условиях развития экономики знаний //
- Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №7. С. 298-322. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/v-glushchenko> (дата обращения 15.07.2018). DOI:10.5281/zenodo.1312241.
43. Глущенко В. В., Глущенко И. И. Практическая психологическая система повышения качества высшего образования в условиях информационных технологий // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №5. С. 639-661. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/glushchenko5> (дата обращения 15.05.2018).
44. Сургутская Е.В. Постиндустриальный технологический способ производства и развитие шестого технологического уклада//В сборнике: Энергия науки сборник материалов V международной научно-практической Интернет-конференции студентов и аспирантов. 2015. С. 413-416.
45. Глущенко В. В. Менеджмент: системные основы. изд. 2-е– г. Железнодорожный, Моск.обл., ТОО НПЦ «Крылья», 1998. –224 с.
46. Дафт Р. Менеджмент. –СПб.: ПИТЕР, 2009,- 800 с.
47. Глущенко В.В. Парадигма кастомизации образовательной и научной работы в региональных и отраслевых университетах // Kazakhstan Science Journal, 2019, № 8(9), т.2, с.65-87 . <https://sciencejournal.press/sj/article/view/112/102>
48. Глущенко В. В., Глущенко И. И. Методические проблемы развития инновационного предпринимательства в высокотехнологичном машиностроении в России в условиях глобального кризиса// Проблемы машиностроения и автоматизации, 2015, № 1, с. 25-33

EVALUATION OF MARKETING EFFICIENCY IN THE MANAGEMENT OF MANUFACTURING MINERAL WATER

Petrynyak A.

*Assistant Professor of Meat Technology, meat and oil and fat products
Lviv National University of Veterinary Medicine and biotechnology Stepan Grzycki Lviv, Ukraine*

Abstract

The article explores the issue of improving the efficiency of development management of enterprises of mineral water producers. We will evaluate the effectiveness of marketing tools used in the management of enterprises producing mineral waters. The main economic indicators of PJSC "Morshyn Oscar Mineral Water Plant" are analyzed. The basic steps necessary for assessing the effectiveness of the use of marketing tools in the management of enterprises producing mineral waters are identified.

Keywords: management, development, marketing tools, mineral water companies, evaluation, products.

Improving the efficiency of management of the development of enterprises producing mineral waters in the present, based on marketing tools, should contribute to improving their productivity, competitiveness, will contribute to the achievement of national interests of economic growth.

Problems of marketing effectiveness in the development of business entities were addressed by both domestic and foreign scientists, namely: S. Vasylchuk, V. Gerasimchuk, I. Gerchikova, V. Zagorsky, M. Knysh,

I. Ansoff, P. Doyle, F. Kotler, A. Strickland, U. Petrynyak, Thompson and others. However, the question of evaluating the effectiveness of marketing in managing the development of enterprises producing mineral waters still remains poorly understood.

The purpose of the article is to evaluate the effectiveness of marketing in managing the development of enterprises producing mineral waters. Given the above, it is important to investigate the impact of marketing

tools used in the management of mineral water companies in three directions:

a) the effectiveness of the marketing tools used in the management of one manufacturing company;

b) the effectiveness of the marketing tools used in managing a certain number of mineral water producers;

c) the effectiveness of the marketing tools used in the management of the studied mineral water producers in the context of consumer assessment.

We will evaluate the effectiveness of the used marketing tools in the management of the studied mineral water producers in the Lviv region in a given sequence. In order to investigate the effectiveness of marketing tools used in management for individual mineral water producers, an integral indicator will be used, which has the following form (1):

$$\text{Kef.n.ins} = \text{Kpr.pr.mins} + \text{Kv.m.ins} + \text{Kef.f.-g.}$$

where Kef.m.ins. - coefficient of effectiveness of the used marketing tools in the management of the enterprise;

Kpr.pr.m.ins - rate of promotion of products on the basis of used marketing tools in management;

K v.m.ins. - ratio of marketing costs incurred;

Kef.f.-gd. - coefficient of efficiency of financial and economic activity of the enterprise, taking into account the use of marketing tools in management.

The rate of promotion of products based on marketing tools used in the management of the enterprise is defined as the ratio of the value of sales, in the process of marketing which were used to improve the promotion of such products, to the value of all sales.

The coefficient of marketing expenses incurred will be defined as the ratio of the costs incurred by the enterprise in the production and promotion of products used in marketing, to the costs of all manufactured products and their sales over the same period. The coefficient of efficiency of financial and economic activity of the enterprise on the basis of used marketing instruments in the management of the enterprise is defined as the ratio of net profit received from the sale of manufactured products, in the process of promotion of which marketing means were used, to the net profit received from the sale of all manufactured products in the enterprise.

Exploring the main economic indicators of PJSC "Morshyn Mineral Water Plant "Oscar" for the period 2014-2018, we can outline the following trends (Table 1.).

Table 1.

Dynamics of the main economic indicators of PJSC «Morshyn Mineral Water Plant «Oscar», the UAH *						
Indicators	Rs 2014	2015	2016	2017	2018	2018 +, until 2014.
Revenue from sales of products (mineral waters)	553478	661630	73852	849443	121586	+662378
Revenue from the sale of products (mineral waters) in the course of which marketing tools were used	152332	206789	23452	288123	439556	+287224
Costs incurred for the production and sale of all sales (mineral water)	45731	567731	66659	81319	113541	+678100
Costs incurred for the production and sale of products sold (mineral waters), in the course of which marketing resources were used	98123	110488	15341	17256	238183	+140060
The financial result from the sale of all products: profit	96137	93899	72063	36294	80415	- 15722
The financial result from the sale of products, in the process of promoting which marketing tools were used: profit	54209	96301	81131	11557	201373	+147164

* Source: calculated by the author based on the financial statements of the enterprise

During the period under review, the amount of mineral water sales increased by UAH 662378 thousand or 2.2 times. However, at the same time, the costs incurred for the production and sale of all sold products increased by UAH 678100 thousand, or 2.5 times, where the increase in costs outweighs the increase in sales revenues for the specified period. And if we analyze the changes in the financial results of the investigated enterprise for 2014-2018, their amounts decreased by UAH 15722 thousand. (from UAH 96137 thousand to UAH 80415 thousand).

The lowest indicator of financial results for the studied enterprise from the sale of mineral waters is observed in 2017.

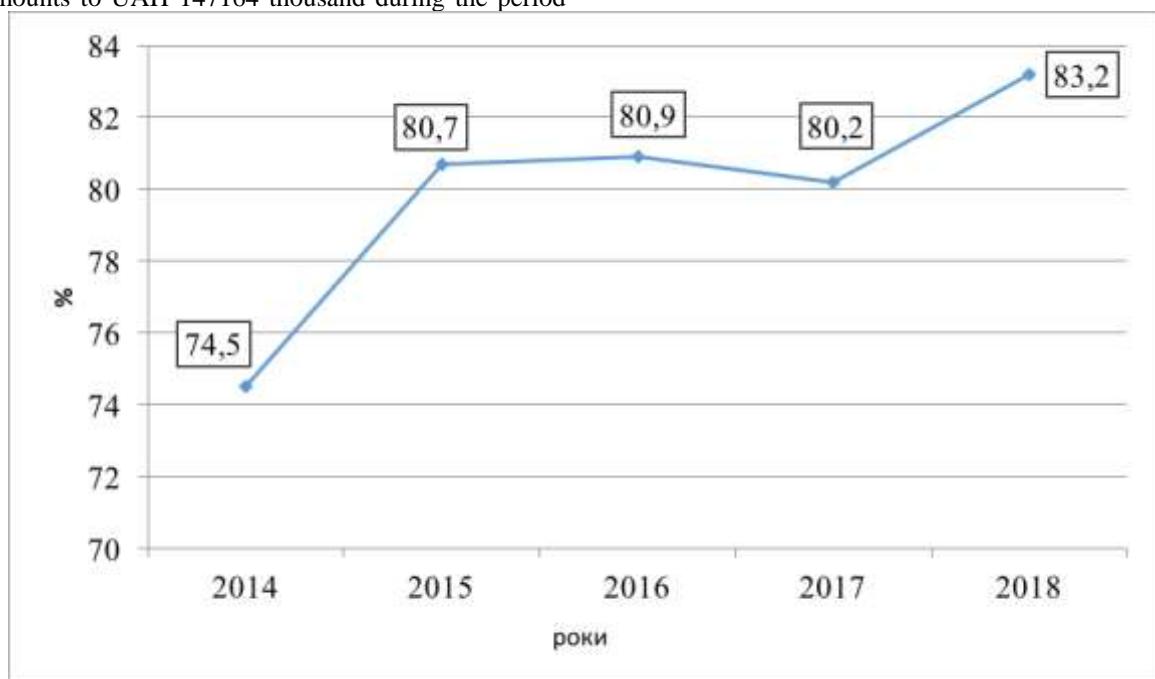
Such a change in the main economic indicators for this enterprise can be explained by the fact that over the last five years the price of mineral water has increased slightly, but the increase in the prices of energy carriers (electricity, fuel) and other materials has been growing faster than before, which led to diminishing returns.

The share of material costs in the structure of elements of operating expenses increased from 74.5% in 2014 to 83.2% in 2018 (Fig. 1.).

The analysis of the income from the sale of mineral waters at the enterprise, in the process of sale of which marketing means were used in order to improve their promotion, proves that it increased by almost UAH 287224 thousand or almost three times during the studied period. Costs incurred for the production and sale of these products naturally also increased by UAH 140060 thousand, but their growth rate is smaller (2.4 times) than the increase in costs incurred for the production and sale of all products in the enterprise. In addition, in this case, from the sale of mineral waters in the enterprise, in the course of which marketing means were used in order to improve their promotion, the increase in income outstrips the increase in costs for its production and sale in comparison with the trend observed in the whole enterprise. Comparison of the financial results from the sale of mineral waters at the

enterprise, in the course of which marketing means were used in order to improve their promotion, shows their significant growth in the dynamics, which amounts to UAH 147164 thousand during the period

under study. or 3.4 times more, while the financial results from the sale of all products in the company for 2014-2018 decreased significantly.

*Fig. 1 The share of material costs in the structure of elements of operating costs of JSC "Morshyn mineral water plant" Oscar, % **

*Source: calculated by the author based on the financial statements of the enterprise

The conducted research and analysis of the main economic indicators of PJSC "Morshyn Mineral Water Plant" Oscar "certifies the corresponding effectiveness of the used marketing tools in managing the enterprise, in particular in the process of sales of products - mineral waters. Thus, the integral indicator of the effectiveness of the used marketing tools in managing the enterprise

in the dynamics for the studied period increases from 0.351 in 2014 to 1.025 in 2018.

The results of the calculation of the integral coefficient of efficiency of the used marketing tools in the management of PJSC "Morshyn Mineral Water Plant" Oscar ", taking into account the initial data, which are shown in table 2.

Table 2.

Evaluation of the effectiveness of the use of marketing tools in the management of PJSC "Morshyn Mineral Water Plant "Oscar"**

Indicator	Formula for calculation	2014	2015	2016	2017	2018
K pr.pr.m.ins. - ratio of product promotion based on marketing tools used in management	The ratio of the value of sales, in the process of marketing which were used to improve the promotion of such products, to the value of all sales	0,275	0,313	0,318	0,339	0,362
Kvm.ins. - the ratio of marketing costs incurred	The ratio of costs in the enterprise incurred in the production and promotion of products, in the process of marketing which used marketing means, to the cost of all manufactured products and its sales for the same period	0,215	0,195	0,230	0,212	0,210
K ef.f-gd. - coefficient of efficiency of financial and economic activity of the enterprise, taking into account the use of marketing tools in management	The ratio of net profit received from the sale of manufactured products, in the process of promotion of which marketing means were used, to the net profit received from the sale of all manufactured products in the enterprise.	0,564	1,026	1,126	3,184	2,504
Kef.mins. - coefficient of effectiveness of used marketing tools in the management of the enterprise	Kef.mins. = <u>K pr.pr.m.ins.+</u> <u>+ Kvm.ins.+ K ef.f-gd.</u> 3	0,351	0,511	0,558	1,245	1,025

*Source: calculated by the author based on the financial statements of the enterprise

The value of the integral coefficient of efficiency of the used marketing tools in the management of the studied mineral water producer in dynamics proves its growth, which testifies to the positive influence of the use of marketing technologies in the management of the mineral water producing enterprises.

Important in the study and the next stage is to evaluate the effectiveness of the used marketing tools in the management of the studied enterprises producing mineral waters from the position of consumers of products produced. Important in such an assessment are the interests of consumers in the context of: evaluations of marketing tools used by mineral water-producing enterprises that influence consumers and encourage them to buy mineral water, branding (the marketing effectiveness of those enterprises whose brands consumers prefer when purchasing mineral water), estimates of breadth and depth of range, evaluation of channels of promotion and advertising of products, including new assortment and types of products, merchandising evaluation (display of mineral water on the shelves) and existing systems of discounts on mineral water in stores personal assessment sale.

At the next stage of the survey, the formulation of a questionnaire for express survey of mineral water consumers was conducted in the context of evaluating the effectiveness of marketing tools used in the management of the studied mineral water enterprises. In the next stage, the obtained data were processed on the basis of the questionnaire, where for each questionnaire a certain amount of points was determined. In the fifth stage, the results of the survey were summarized for all completed questionnaires.

In conclusion, the average estimate of the effectiveness of the used marketing tools in the management of the studied mineral water producing enterprises was calculated based on the responses of the entire population of consumers who took part in the survey.

As the survey calculations clearly show, most mineral water consumers have assessed the marketing tools used are not yet adequate. This is evidenced by an average score of less than 3.9 points. However, this assessment proves the need to improve the use of marketing tools in the management of the studied mineral water producers and to increase their efficiency. In connection with the above, there is a need to develop appropriate measures and formulate a marketing concept in managing the development of enterprises producing mineral waters.

Conclusions and suggestions. For successful operation, development and maintenance of competitive positions, enterprises must be guided not only by cost-effective ways of development of production and advanced technologies, but also by applying the most effective systems of management of marketing activity, which would be oriented to marketing. Only the complexity and systematic action in these areas will ensure the improvement of product quality, the formation of a positive image of the enterprise and, as a consequence,

the strengthening of competitive positions of the enterprise.

The conducted research points to the necessity of integration of marketing communications in marketing activity of the enterprise, because it is one of the most important criteria for the success of the company in competition. The main tasks of the enterprises engaged in the production of packaged water, under modern conditions, are to increase the competitiveness of their products, which is due to the increase in the number of subjects in this segment of the market, and, accordingly, the intensification of their struggle for consumers. Studies of marketing management of marketing activity at PJSC "Morshyn Mineral Water Plant" Oscar "shows that in practice the use of marketing technologies is fragmentary in nature and there are disadvantages in its individual elements.

Ideal is the fact that there is a systematic marketing management of the enterprise and, in particular, its important function is the sale of commodity products and services [63].

The reorientation of the enterprise under study to marketing management requires the implementation of three groups of measures:

- organizational (making appropriate changes to the structure and methods of enterprise management based on marketing technologies);
- administrative and legal (administrative fixing of the established functional departments and services, development of provisions for each department, staffing list, introduction of corresponding changes in the Charter of the enterprise);
- scientific and methodological (development of recommendations for marketing activities).

REFERENCES:

1. Kotler F. (1990). Upravlenye marketynhom. Mojlmf: Yekonomyka, 1990, 450 p.
2. Bukhhalterska finansova zvitnist PrAT «Morshynskyi zavod mineralnykh vod «Oskar», 2014. Retrieved from: <https://www.morshynska.ua/static/official>
3. Bukhhalterska finansova zvitnist PrAT «Morshynskyi zavod mineralnykh vod «Oskar», 2015. Retrieved from: <https://www.morshynska.ua/static/official>
4. Bukhhalterska finansova zvitnist PrAT «Morshynskyi zavod mineralnykh vod «Oskar», 2016. Retrieved from: <https://www.morshynska.ua/static/official>
5. Bukhhalterska finansova zvitnist PrAT «Morshynskyi zavod mineralnykh vod «Oskar», 2017. Retrieved from: <https://www.morshynska.ua/static/official>
6. Bukhhalterska finansova zvitnist PrAT «Morshynskyi zavod mineralnykh vod «Oskar», 2018. Retrieved from: <https://www.morshynska.ua/static/official>

SOCIO-ECONOMIC SECURITY OF AN ENTERPRISE: WORLD EXPERIENCE

Subota M.

*Ph.D. in Economics, assistant,
State Agricultural and Engineering University in Podilia*

Abstract

The article explores theoretical background and develops recommendations for strengthening the socio-economic security of business entities in foreign countries with market economies. The main tasks of public administration bodies for strengthening the socio-economic security of economic entities are identified. The scope of insurance is considered as a safeguard for receiving significant material losses by enterprises. Introduction of international practices of protection of business structures in Ukrainian realities is proposed.

Keywords: socio-economic security, enterprises, development, insurance, foreign countries.

The importance of studying the theoretical foundations and developing applied recommendations for strengthening the socio-economic security of economic entities in new market economy countries is caused mostly by the suspension of the pace of development of small and medium-sized businesses, decrease in the level of business activity of population, which does not allow to improve the basic indicators of development of enterprises, to reach the level of developed countries, to ensure the proper and equal access of every citizen to business activities. So, systematic structural analysis and implementation of positive world experience in ensuring the socio-economic security of economic entities are necessary.

At the same time, it should be noted that in economically developed countries more attention is paid to the development of theoretical and applied principles of enterprise development as well as formation of a favorable economic and legal environment for doing business. Instead, issues related to ensuring the direct socio-economic security of enterprises are relevant in countries that are radically changing the state system (in particular, they are undergoing a market transformation of the economy) and / or are in crisis (for example, in the post-war period, acute period), social conflicts or economic crises). Traditional (typical for market economy type) actions of public authorities are insufficient to ensure proper regulation of the market, do not meet the requirements of time and are not able to eliminate the disadvantages of transitional stages. In such circumstances, business entities, carrying out their important social and economic missions in society, find themselves in a situation of inadequate protection of their property and interests from the influence of environmental factors and sometimes even authorities (state control), etc. Therefore, the problem of ensuring the socio-economic security of enterprises is becoming more urgent in the face of a critical increase in the level of risk of doing business, insufficient, inadequate (regarding the aggravation of conditions for the functioning of enterprises) fulfillment of their functions by the authorities. However, world practice (including countries that have undergone a period of market transformation and are successfully implementing economic reforms) has a positive track record of ensuring the economic security of businesses, creating favorable conditions for doing business (even though in many countries, as a rule, target strategic planning documents for strengthening

economic security of enterprises), national, regional and sectoral economic security are not developed. Therefore, this experience is essential both for the development of the security system of domestic business entities and the security of the national economy as a whole.

First, the governments of many developed countries (including Japan, the United States [1]) formally acknowledge the objective existence of risks associated with increased market aggression and increased competition in various domains and markets worldwide. This requires specific organizational and resource support and sustainability measures for enterprises, in particular the SME sector in these extreme situations. The Government of Japan recognizes that, in the context of economic globalization, rapid and large-scale changes, enterprises of this sector of the economy need more aid and government support than large ones.

Secondly, aware of the objectively higher level of vulnerability of SMEs, as well as the direct correlation between facilitating the development of this sector of economy and business activity of population in economically developed countries over the last 15-20 years most administrative and legal restrictions were lifted, favorable financial and economic and tax incentives for development of economic entities were created. All this and other measures of public administration contributed to the active development of business. Consequently, nowadays the USA, Western European countries and Japan occupy the leading positions in terms of enterprise development, business economic security indicators and high level in international rankings in terms of business-to-business environment.

Third, an analysis of the world's experience in providing social and economic security to economic entities has made it possible to draw the following conclusions and generalizations, which are useful in the context of improving national public policy in this field.

In the countries of the world, which occupy a leading position in the ratings on the level of economic and legal environment in favor of doing business, specialized state bodies (administrations) (experience of the USA, Japan and practically all EU countries) have been created and function properly. Moreover, they have adequate funding and powers to implement state policies in the area of supporting and ensuring the economic security of enterprises. These state institutions perform

both strategic and operational functions related to the development and implementation of strategic and tactical programs to support business entities and to create a favorable environment for its functioning; implementation of measures for adaptation of enterprises (in particular small and medium-sized businesses) to the conditions of competition; development of sectoral-territorial business development programs and ensuring its economic security.

The advantage is that besides monitoring the level of development of enterprises, creation and implementation of proposals for improving state regulation of their development, the list of main tasks of public administration includes following:

- 1) development of strategic planning documents;
- 2) creation of structural subdivisions for conducting policy of socio-economic security of economic entities by branch-territorial feature [2];
- 3) systematic monitoring of internal and external markets and development of recommendations both for public authorities and enterprises directly on measures aimed at strengthening the competitive position of national enterprises, protecting their economic interests [3];
- 4) take action of strengthening of institutional framework for property rights' protection;
- 5) search and provision of sources of risk capital financing, including in the interests of innovative activity;
- 6) providing guarantees on investments in share capital and guarantees on loans of enterprises;
- 7) carrying out work on planning the life cycle of functioning of enterprises in various sectors and spheres of economy and providing advice on ensuring the high viability of entrepreneurship in accordance with their life cycles;
- 8) support of enterprises that start their activity by creating funds and financing mechanisms at different stages of their formation;
- 9) facilitating formation of a network of cooperative and competitive links between small and large enterprises to strengthen the competitive position of the small business sector.

A positive aspect of the global experience of strengthening the socio-economic security of business entities is provision of effective protection of the property interests of insurers by introduction of the compulsory state insurance supervision of insurance companies (most European countries). In addition to the main functions, such as implementation of regulation of the single national insurance market, establishment of general requirements for registration and licensing, methodological activities in the field of insurance, this state body should also be responsible for protection of interests of insurers (in particular in case of bankruptcy of insurers); monitoring the formation of tariff rates; analysis of the level of solvency and financial stability of insurance companies.

We should also emphasize on active development of institutions of effective self-regulation of the insurance sector. The requirements of the WTO and the EU, the principles and standards of the International Association of Insurance Supervision Bodies also provide

for the establishment and development of associative associations of insurance companies and insurance pools (voluntary associations of insurance companies), under which insurers establish common "rules games" independently and democratically, approve draft regulatory documents for the insurance sector, coordinate the implementation of insurance procedures, agree terms, rates, amounts of commission payments, etc., as well as pursuing a single international policy. Creation of insurance pools helps to increase the ability of the insurance industry to take on larger risks of business entities, as well as to increase the level of liability of insurers through the possibility of transition of repayment of liabilities from one member of the insurance pool to another.

Significant advantage of most developed countries and at the same time disadvantage of state enterprise development policy in Ukraine, in our opinion, is delegation of these powers to a greater extent at the local level. Local governments are objectively able to carry out this policy more effectively and ensure the most rational development of economic entities, as they are more aware of territorial, sectoral, historical, resource, technological specificity of business development in the region. So, in the most economically developed countries of the world a rational separation of functions is ensured between central, regional and local bodies of state power with the delegation of appropriate powers to administrative-territorial units, while maintaining central functions of central authorities. The methodological basis of performance of ensuring the socio-economic security of enterprises in economically developed countries is that local self-government and economic entities are active structural elements of civil society. They are integrated into a single system of values and objectives of civil society, pursuing their own functions and tasks. They provide processes for its development.

Activity of economic entities as structural elements of a developed civil society concentrates on the most active properties of economic entities. Governments of all levels consider economic activity not only as a mechanical set of economic entities formed in the system of non-political and non-state relations and institutions of society, which form its economic basis and self-governing components (cooperatives, associations, business corporations, etc.), which expresses the diverse values, interests and needs of a particular social layer of people, but also as an economic and social phenomenon in a civil society, which is oriented on innovation, and as some kind of a catalyst of economic and social development. According to such an understanding and guarantee of its compliance basic rules and principles are formed in the society that do not allow to arise systemic risks and obstacles both development and socio-economic security of enterprises.

In addition, economic activity of enterprises in countries with developed market economies plays a significant social and economic role, as well as forms local regulatory mechanisms to influence the market environment, to create optimal conditions for their own activities and relations between the producer and consumer. So, doing business is not only a civil resistance

to the political and organizational interference of the state in economic relations, but also assumes responsibility for compliance with state legal norms that regulate economic life of society, including the sphere of social and labor relations, acting as a participant in processes of social partnership. Summarizing all mentioned above, it can be argued that local self-government and enterprises as elements of civil society are carriers of certain interests and values as well as socially important functions. They interact within a certain territory and have a significant impact on the course of economic and social development of the socio-economic system.

A separate institutional tool for ensuring the socio-economic security of business entities in many countries of the world is the activity of associative and public business organizations, in particular, in the direction of guaranteeing the physical and economic security of business entities, improving relations with authorities, participation in decision-making and developing a policy of entrepreneurship regulation. At EU level, decisions have been taken at EU level to expand the range of services provided by independent non-governmental institutions, taking into account property evaluation, inspection and market research, consumer protection, environment, occupational safety, health, certification and standardization of goods.

In order to ensure demonopolisation of certain activities and markets, strengthen the level of control and transparency in the regulatory sphere, in most developed countries public and associate business organizations are involved in decision-making (and / or public control of decisions) of administrative authorities by recognition at the regional level of principles of implementation of functions, mentioned above, equalization of rights and responsibilities of representatives of business associations, which are members of such advisory bodies, to the level of the state service staves, etc. This objectively leads to a decrease in the level of monopoly power both in certain areas of economic activity and in the decision-making by administrative authorities; improving the competitive environment; ensuring equal access of all enterprises to local resources and formation of a system of "transparent" relations between

business and administrative authorities; elimination of subjective barriers and speeding up of enterprises' permitting and approval procedures. The experience of implementing such a practice contributes to the development of civil society, reducing the level of dependence of enterprises on the decisions of the authorities and, accordingly, strengthening its economic security.

It should be noted that implementation of positive aspects of the analyzed experience of strengthening the socio-economic security of enterprises in Ukraine is receiving insufficient attention. Using these proposals in practice will significantly improve existing traditional mechanisms of state support of development of economic activity in Ukraine, intensification of performance of public administration in this direction will enhance socio-economic security of domestic enterprises and their ability to access foreign markets as well as development of venture companies, etc. Development of the insurance sector can also be an effective mechanism for reducing the risks of domestic social capital, in particular, in the system of international migration processes.

REFERENCES:

1. Anishchenko I. V., Pinchuk Yu. B. (2005). Otsinka efektyvnosti realizatsii ta finansove zabezpechennia prohram rozvytku maloho biznesu v rehioni [Assessment of implementation efficiency and financial support of small business development programs in the region]. Ekonomika ta derzhava - Economy and the state. Vol. 10, pp. 29-33.
2. Arzhenovskyi S. V., Molchanov Y. N. (2001). Statysticheskiye metody prohnozyrovaniya [Statistical Forecasting Methods]. Rostov n/D: Yzd-vo RHЭU, 412 p.
3. Bazhenova O. V. (2004). Analiz stanu ekonomiky Ukrayny v konteksti yii ekonomichnoi bezpeky [Analysis of the Ukrainian economy in the context of its economic security]. Problemy razvityia vneshezkonomicheskikh sviazey u pryvlecheniya ynostranniykh ynvestytsyi: rehyonalnyi aspekt : sb. nauch. tr. DonNU [Problems of developing foreign economic relations and attracting foreign investment: regional aspect]. Donetsk : Yzd- vo DonNU, pp. 839-845.

RUSSIAN STRATEGY IN THE WORLD GAS MARKET: CLEAN BUSINESS OR POLITICAL CALCULATION?

Shakhovskaya L.

*PhD in Economics, Prof. of the Department of Entrepreneurship Economics,
Volgograd State Technical University*

Timonina V.

Master of Economics, Volgograd State University

Abstract

The article raises issues of Russian strategy in the global gas market.

Keywords: world gas market, russian strategy.

20 years ago, the main LNG importers on the world market were only nine countries. At present, their number has grown to 42, and in the future new consumers are expected to appear in the gas market. According to HIS Markit forecasts, in mid-2020 the demand for gas will increase to 465 million tons per year, while in 2018 the demand was only 320 million tons), and by mid-2030 this indicator can reach 630 million tons [6].

Company "Refinitiv" conducted research of the global LNG market with detailed consumption trends. Thus, world LNG supplies increased by 36 billion cubic meters in 2018, reaching a record 432 billion cubic meters. At the same time, a significant change in demand is expected in the APR countries [7].

For Russia, cooperation with the APR countries has trade and investment value, as the key source for exports is the energy resources of the Far East. This region contains more than 14% of oil reserves (approximately 4 billion tons) and 17% of natural gas (or 42 trillion cubic meters). The degree of competitiveness of the Far East territories is determined by the existing projects, which at the present stage already bring results to all partners - participants of business projects on LNG production [8].

One of projects is Sakhalin-2 (Sakhalin Energy), the shareholders of the project are "Gazprom" (50%); "Shell" (27,5 %); "Mitsui" (12,5 %) and "Mitsubishi" (10 %). The two main technological lines receive about 14.9 billion cubic meters liquefied natural gas, 11 million tons of which is exported to Asia-Pacific countries. The project targets primarily the gas markets of Japan and South Korea.

Another project - "Yamal LNG", ranks the stage of practical implementation and already reaches the capacity of 16.5 million tons/year. This project is implemented in cooperation with companies: "Total" and "CNPC" - 20%; "Silk Road Fund" - 9,9 % [9]. According to many experts, the strategically profitable position of the project will allow to export produced gas not only to Europe, but also to the countries of the APR. The success of this project is also ensured by the fact that in 2014 the project received 150 billion rubles from "The Russian National Welfare Fund", which acquired the issued bonds "Yamal - LNG". In 2015, "NOVATEK" agreed with the Chinese "Silk Road Fund" to provide a loan of 730 million euros to the Fund to finance the construction of infrastructure specifically for this project. After the loan agreement, China's fund acquired 9% of "Yamal LNG 's" shares.

A new phase of cooperation between "Gazprom" and "CNPC" with regard to gas supplies through Altai to China under the project "Power of Siberia-2" is beginning. Many experts suggest that the export value will reach 30 billion cubic meters per year. Construction of the project is expected to begin in 2020. Until "Gazprom" and the Chinese company have reached a mutually beneficial contract, however, this project benefits China, as part of the infrastructure has already been created, and "Gazprom's" break-even point of gas projects is relatively low [10].

In addition, "Gazprom" entered into a 2014-year contract with "CNPC" in 30 years to supply China with 38 billion cubic meters LNG per year under the project "Power of Siberia". At the beginning of March 2017 it became known that the project significantly expanded, thanks to the allocated joint investments of 158.8 billion rubles. Mainly, China is interested in supplying Russian gas to three provinces in the northeast: Heilongjiang, Jilin, and Liaoning, which are in deficit not only in gas, but also in oil.

According to "Rosneft", the supply of only one oil to APR increased by 8.6% (about 43 million tons) by the beginning of 2017, not to mention gas.

On 8 March 2017, Russian and Indian Energy Ministers A. Novak and Dharmendra Mvhan discussed joint energy cooperation in projects on the Arctic shelf of Russia and future deliveries of Russian gas to India. With growing demand for gas in the Indian market and promising production projects in Russia, India's interest in supplying Russian gas has become strategic.

The development of Sakhalin projects in the Far East will not only double the supply of gas to the 2 countries, as well as win competition in the LNG market from Australia's main developing gas supplier in the sector. In 2016, Russian projects "Sakhalin-1" and "Sakhalin-2" supplied about 12 million tons of LNG per year to the Asian market, of which more than 70% to Japan.

At the same time, the Japanese company "Mitsui & Co" is discussing with "Russian Investment Holding" the project "Sakhalin-3" the field of which, together with two already implemented projects "Sakhalin," will completely replenish the resource base of Japan.

Competition in the world gas market (especially related to the development of the energy sector in the Middle East) does not allow that Russia is the largest suppliers in the market of the APR countries. However,

interest in Russian energy resources in the Asian market is constantly growing. China has long been present in the energy portfolio of Russian gas companies. This is due to its geographical position relative to Russia, as well as to the high reserves of hydrocarbons in the Far East, the safety of their supply, low political risks, etc.

The global energy market can be viewed from two points of view: first, in terms of the accumulation of

traditional energy sources in the subsoil, which are exhausted but not renewable; second, "where on the surface" these energy sources are a demanded resource for a world economy with inexhaustible demand.

The growth of the world's population, the gradual increase in living standards, like many other factors, stimulate world energy consumption, which will grow by 1.3% annually in the next 20 years (see figure 1).

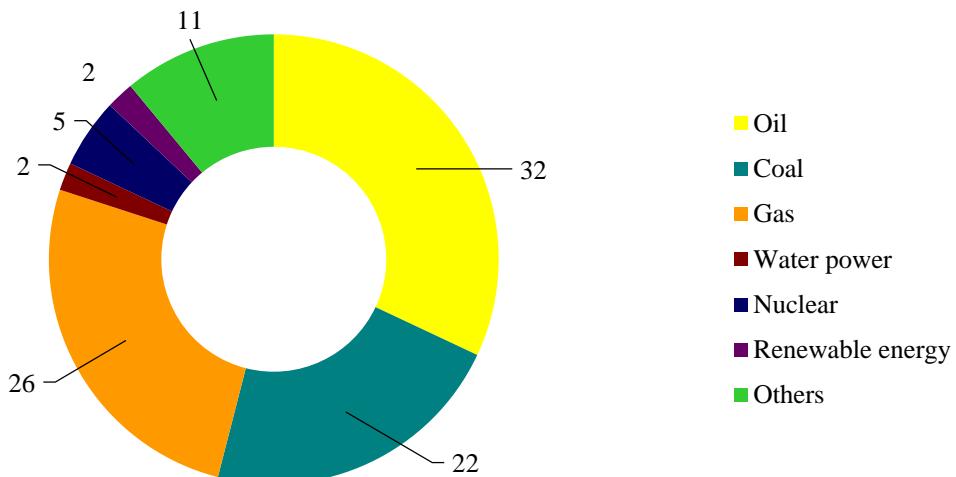

Fig. 1 Total primary resource consumption for 2019, % [1]

European countries are the largest buyers of Russian gas. In 2018 "Gazprom" delivered 200.8 billion cubic meters to Europe. Cheaper Russian gas with a well-established gas pipeline system makes supplies

from Russia more profitable than those of the nearest competitors - Norway and Qatar. About 81% of Russian supplies come from Western Europe and 19% from Central Europe (see figure 2).

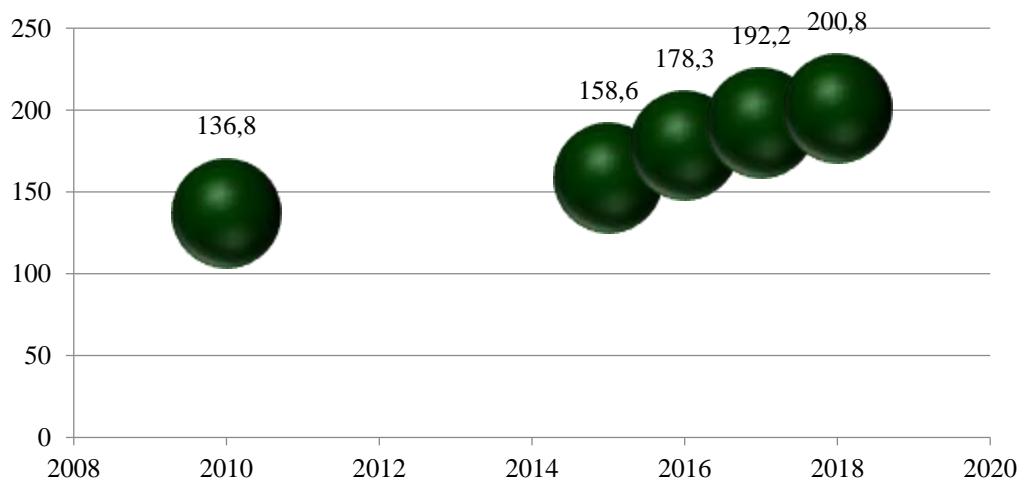

Fig. 2 Dynamics of Russian gas sales to Europe, billion cubic meters [5]

In 2018, Germany, Turkey, Italy, Great Britain and France – became the main gas importers in Western

Europe. In total, about 162.39 billion cubic meters gases were delivered to Western Europe (see Figure 3).

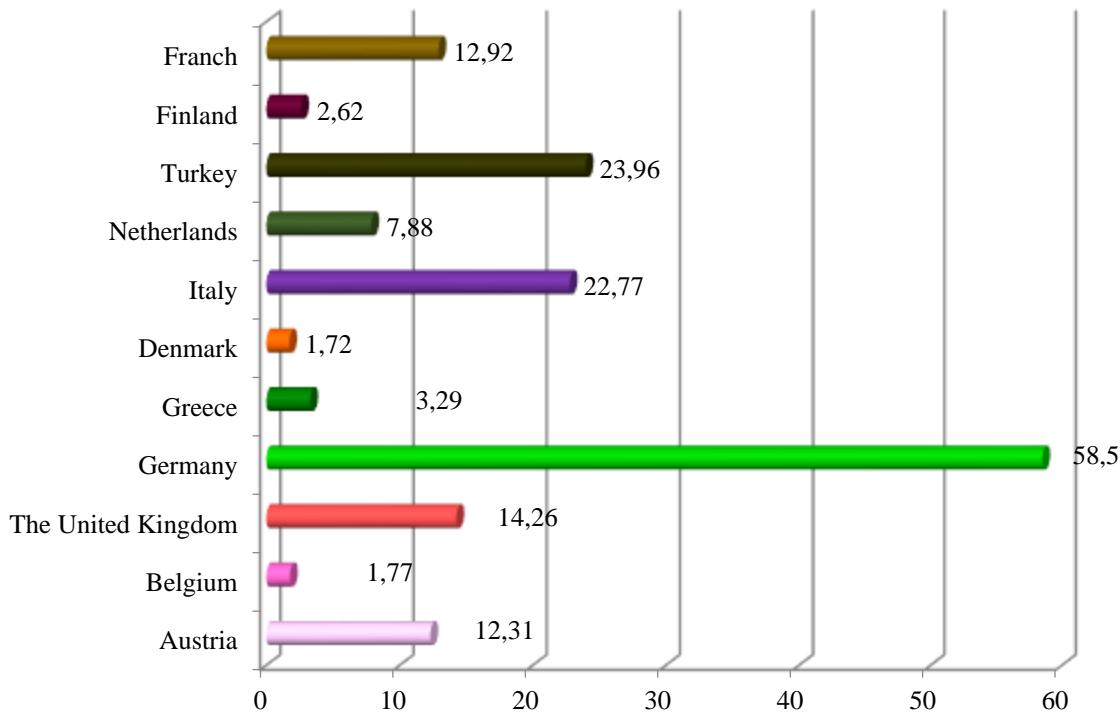

Fig. 3 Volume of supplies to the Western European market, according to data for 2018, billion cubic meters [1]

Germany was the first largest consumer of Russian gas. However, in early 2019 Germany announced that it plans to revise its energy policy by 2050 and abandon coal and gas in favor of RES.

Despite political conflicts, in 2016, another importer - Turkey, did not stop increasing the purchase of gas from Russia. This year alone, the growth of Russian gas imports increased by 6.7%, to 23.9 billion cubic meters. 1.

The third largest consumer of Russian gas is Italy, where consumption reached 22.77 billion cubic meters. Italy, compared to other countries, was energy dependent on Russia, in particular due to the explosion at the gas hub in Austria.

The market of Eastern and Central Europe is of particular importance due to its close geographical location to Russia. In 2018 the volume of the sold Russian gas was in these two regions of Europe 38.38 billion a cube meters (see Figure 4).

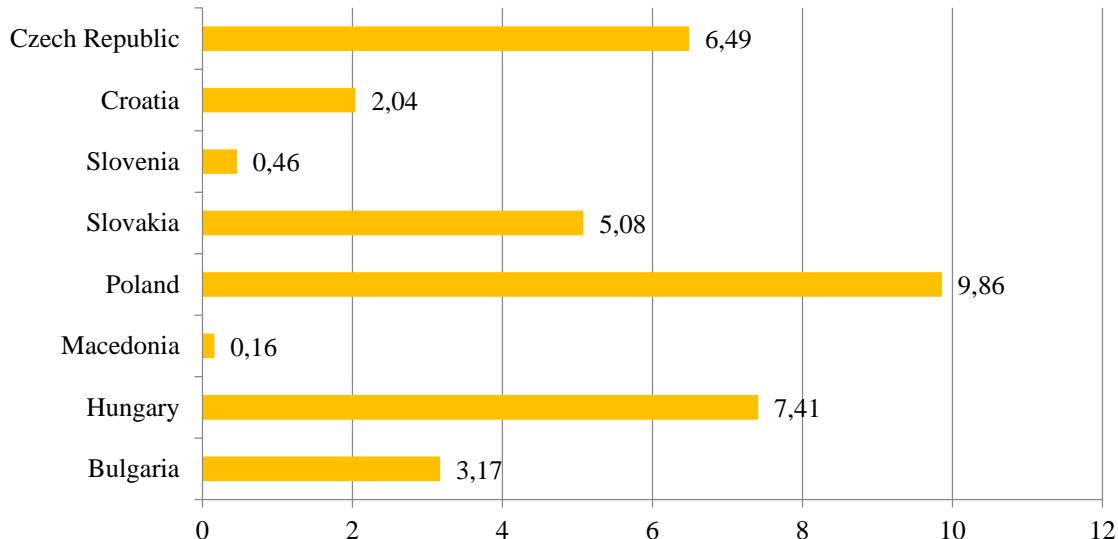

Fig. 4 Volume of deliveries to the Eastern and Central market according to data for 2018, billion cubic meters [5]

Thus, according to the authors, the analysis of the data showed that despite sanctions and the decline in oil prices, Russian companies launched investment programs to develop new fields, optimize and increase efficiency at traditional facilities. The steady trend of changing the structure of oil production in Russia is the increase in the share of gas condensate production, which is connected with active involvement in the development of new projects.

At the same time, at present, the current conditions of the world energy market allow to expand the capacity for production of LNG and oil. For example, the US

plans to implement about ten new LNG production projects. According to some reports, three projects are under implementation: Sabine Pass, Ventures Calcasieu and Golden Pass. In Russia, final decisions on "Nord Stream - 2" investment projects may soon be taken, which has recently attracted sufficient attention. "Nord Stream - 2" is two lines of gas pipeline that should connect Russia and Germany, while expanding the existing "Nord Stream" gas pipeline (see Figure 5).

Fig. 5 The route "Nord Stream - 2" [2]

After entering of "Nord Stream - 2", up to 110 billion cubic meters gas per year will be delivered to Germany. This is a huge volume that will cover a quarter of the European Union's total gas demand. As "Nord Stream" is operating by almost 100% (the gas pipeline in 2018 provided consumers in Europe with 58.8 billion cubic meters natural gas), the implementation of the new project raises some concerns from several European countries. They believe that behind the new Russian gas transit is the intention of the Russian authorities, who intend to abandon Ukrainian transit, thanks to the use of "Nord Stream - 2" and "Turkish Stream", and exclusively for political reasons.

However, Gazprom chairman - Alexey Miller noted that the gas pipeline project by passing Ukraine has no political component, but is driven by economic factors: first, the desire to limit the costs associated with the payment of transit, which reaches 2 billion dollars per year; and secondly, to reduce the risks posed by the unsatisfactory state of the Ukrainian gas transportation system.

At the same time, from Poland's point of view, Russia uses LNG for political interests, which is carried out through manipulation of raw materials supplies and

prices in order to form political positions beneficial to Russia. Thus, Poland pays more for gas from Russia than, for example, Hungary, which is further along the gas pipeline route and buys smaller volumes of gas. According to business logic, prices should be higher for Hungary, however, the fact is that Hungary is Russia's energy partner and that is why it receives some "energy discount" on blue fuel.

A similar situation is related to Germany, which also pays less for gas than Poland, although it is located further from Russian gas sources. The reason is that Germany is an investor in joint energy projects (for example, Siemens, which invests in the Russian electricity industry and in the same "Nord Stream - 2").

Poland, which is more than 50% dependent on Russian gas, is forced to pay a price above the market. Moreover, it has repeatedly faced restrictions on gas supplies, which, according to Polish experts, is a mechanism of political pressure. Following a 2012 antitrust investigation into Gazprom's unwarranted price differentiation for consumers and market fragmentation, the company not only did not reject the claim, but even proposed a settlement agreement (see figure 6).

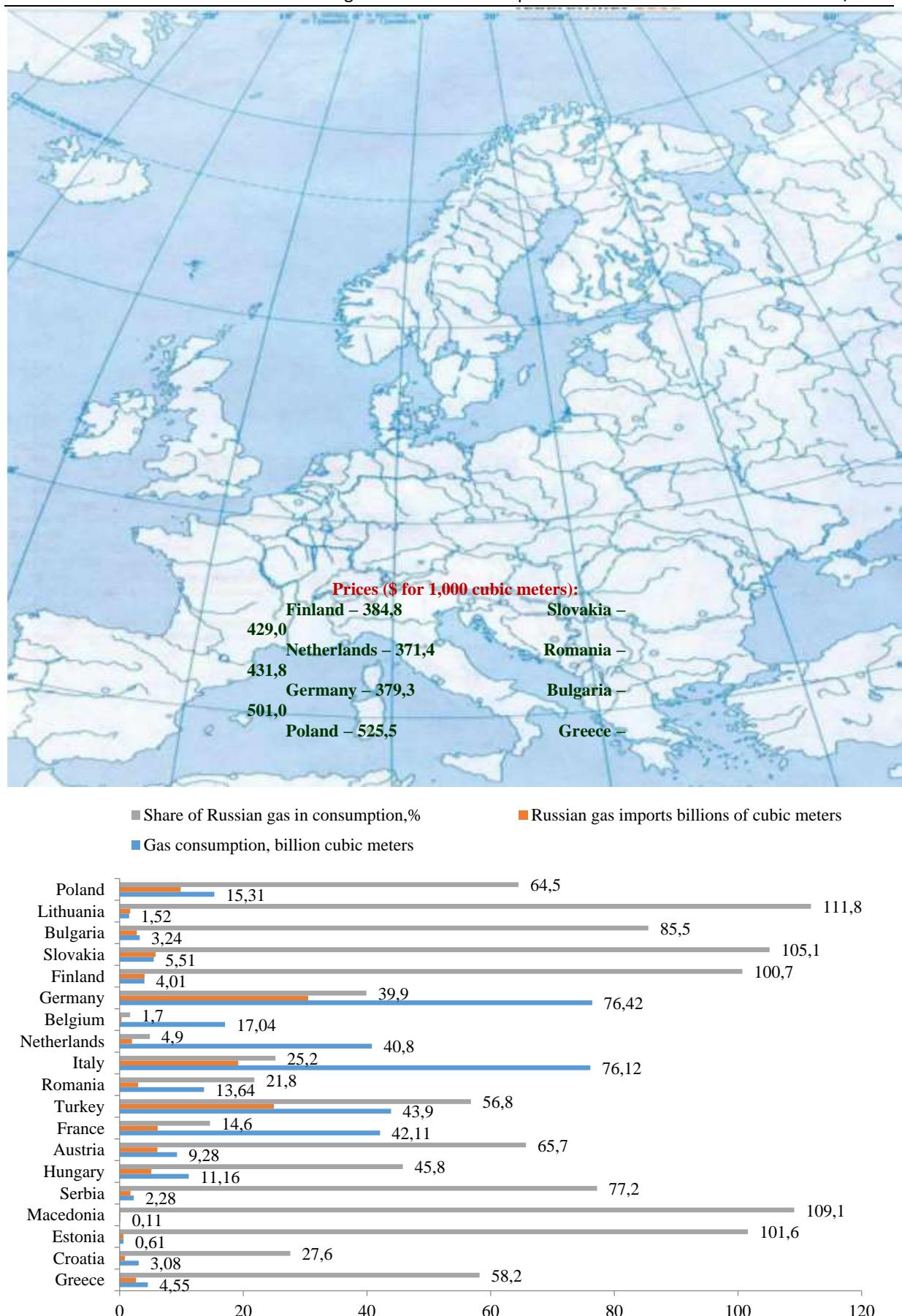

Fig. 6 Gazprom prices in Europe for 2017 [4]

Taking into account all the above, Poland has decided to diversify gas supplies in order to overcome dependence on Gazprom. In 2015, a terminal was commissioned to receive liquefied gas supplied from Qatar, the United States and Norway, which is capable of receiving 5 billion cubic meters of gas. Work is under way to achieve 7.5 billion cubic metres. In mid-2018, Polish "PGNiG" entered into an agreement with "Venture Global" to purchase 2 million tons of LNG per year. Deliveries are to be made in equal shares starting in 2022 with two, currently yet to be built plants in the Gulf of Mexico. At the same time, PGNiG said that American LNG will cost the company a 20 - 30% cheaper than Russian gas [3].

In 2022, it is planned to put into operation the "Baltic Pipe" gas pipeline with a capacity of 10 billion cubic meters, connecting Poland with Norwegian sources. It is also planned to develop services for the sale of small volumes of liquefied gas in the Baltic Sea - the so-called "small-scale" LNG. In general, the new projects will allow 100% to ensure the Polish need for gas without Russian supplies.

All these projects have one goal - independence from Russia. It is worth noting that having the possibility of alternative deliveries, Poland can extend the contract with Gazprom, which expires in 2022, on market terms.

So, why is Poland against "North Stream - 2"? Perhaps, it's all about her positions in Europe's gas market. After all, Germany is the largest exporter of natural gas in the European Union, despite the fact that it itself does not produce a significant amount of hydrocarbons. It is Germany that has benefited most from the re-export of Russian gas, because pipelines from Russia are drawn both to the existing hub in Austrian Baumgarten in the south, to France and to the Benelux countries.

In addition, Germany is implementing a European natural gas sales center plan competitive with Poland, with the bulk coming from Russia. Thus, there is a struggle for the same markets.

The next reason for Poland's opposition to "Nord Stream - 2" is the technical nature of the project. The Polish system of main gas pipelines was designed to serve the pumping of raw materials from east to west. The purpose of the construction of "Nord Stream - 2" and "Turkish Stream" is to eliminate this direction: in case of implementation of Russian plans, the gas that now passes through Poland would first enter the German "Greifswald", and then into the interior of Europe, through the gas pipeline "EUGAL" passing along the border with Poland.

Thus, from an economic point of view, "Nord Stream - 2" is an element of creating a competitive gas

hub against Poland. Over the next few years, there will be competition for natural gas markets in Central and Eastern Europe. Warsaw, like Berlin, would like to take first place in this competition, and "Nord Stream - 2" could give Germany a significant advantage.

Technical threats are related to the functioning of the Polish transmission system adapted to the transit of raw materials from east to west. The construction of "Nord Stream - 2" could lead the countries of the region, faced with the technical problems of transporting large volumes of gas from "Nord Stream - 2" through Germany to the east, to request the resumption of transit through Ukraine, even at unfavourable prices.

REFERENCES:

1. Global Energy Statistical Yearbook 2019. URL: <https://yearbook.enerdata.net/natural-gas/gas-consumption-data.html> (accepted 04 Nov 2019).
2. Nord Stream - 2. URL: <https://www.nord-stream2.com/ru/> (accepted 04 Nov 2019).
3. Nord Stream - 2: Poland vs. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190805/245585408.html> (accepted: 05.11.2019).
4. ENI in Russia. URL: https://www.eni.com/en_IT/home.page (accepted: 05 Nov 2019).
5. Henderson, J., Sharples, J. Gazprom in Europe - two «Anni Mirabiles», but can it continue? / J. Henderson, J. Sharples // Oxford Energy Insight. - URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/gazprom-europe-two-anni-mirabiles-can-continue/?v=f9308c5d0596> (accepted: 05 Nov 2019).
6. Upstream Oil & Gas. URL: <https://ihsmarkit.com/products/upstream-oil-gas.html> (accepted: 05 Nov 2019).
7. Is the LNG market turning in 2019? URL: <https://www.refinitiv.com/perspectives/market-insights/lng-market-turning-2019/> (accepted: 05 Nov 2019).
8. Kutuzova, M. Who will settle a new wave of LNG? : <https://neftrossii.ru/content/kto-osedlaet-novuyu-volnu-spg> (accepted 02 Nov 2019).
9. Kutuzova M. Arctic: from plans to development / M. Kutuzova // "Oil of Russia" Journal. - 2016. - № 11 - 12. - P. 37 - 42
10. CNPC is ready to build "Power of Siberia - 2" itself: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/06/15/645346-cnpc-silu-sibiri> (accepted 02 Nov 2019).
11. Dynamics of gas sales to Europe: <http://www.gazpromexport.ru/statistics/> (accepted 02 Nov 2019).

HISTORICAL SCIENCES

CLASSIFICATION OF TURKIC PEOPLES BY THE LANGUAGE SYSTEM

Biltayeva A.

*Master's degree student of second year the Department of Archeology and Ethnology
Al-farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty*

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРСКИХ НАРОДОВ ПО ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

Бильтаева А.Ж.

*Магистрант 2 курса кафедры археологии, этнологии и музеологии
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби,
Казахстан, город Алматы*

Abstract

In linguistics, the study and classification of languages has long been an actual task. A significant role for ethnic anthropology is played by the identification of related associations in the study of various languages of the peoples of the world. This article discusses the systematization of Turkic languages based on the scientific works of linguists-turkologists.

Annotation

В лингвистике исследование и классификация языков издавна являются актуальной задачей. Значительную роль для этнической антропологии играет выявление родственных объединений при изучении различных языков народов мира. В этой статье рассматривается систематизация тюркских языков на основе научных трудов лингвистов-туркологов.

Keywords: Turkic peoples, Turkic-speaking peoples, language system, Turkic languages, linguistics, anthropology, classification of languages.

Ключевые слова: тюркские народы, тюркоязычные народы, языковая система, тюркские языки, лингвистика, антропология, классификация языков.

В данной статье рассматривается проблема общей языковой системе тюркских народов. Здесь необходимо уметь выявить тенденцию общесторической связи между антропологией и систематизацией тюркского языка. Конечно, следует учитывать, что благодаря важности результатов, полученных достоверными сравнительными методами, даже подробно сформулированная система классификации нуждается во внесении рациональных дополнений. По этим причинам мы хотели бы сосредоточиться на существующей системе тюркского языка. Мы не можем уделять должное внимание языкам и истории письменности тюркских народов, принципам систематизации и особенностям древнего языка. Это проблемы, которые специально исследуют ученые лингвисты. Поэтому, учитывая более 20 таблиц классификации тюркского языка, мы основываемся только на научных трудах Н. А. Баскакова [1], А. Н. Кононова [2], Т. Текина [3] о систематизации тюркских языков. Теперь, опираясь на это, давайте остановимся на современных видах систематизации тюркских языков.

По мнению специалистов, основное противоречие в классификации тюркских языков – это создание одной таблицы на основе двух принципов этих языков: синхронной и диахронической взаимосвязи и последовательности. Мы, как предположение, ограничились лишь условным изъятием синхронных и диахронических принципов. Потому

что “основы состава тюркских языков сформировались в XV-XVI вв.”, - сказал Н. А. Баскаков. В 70-е годы Баскаков систематизировал их на пять региональных групп, поскольку большинство тюркоязычных народов распространялось в широком масштабе Евразии [4, С. 7-12]. Но в эти группы не вошли представители многочисленного тюркского общества Западной Европы, Анатолии и полуострова Балкан.

В состав первой региональной группы по систематизации данного автора вошли татары из Литвы, Белоруссии (не упомянуты польские татары), караимы, крымчаки, урумы, крымские татары, гагаузы.

Во вторую региональную группу вошли азербайджанцы, относящиеся к огузской языковой группе Кавказского региона; представители кыпчакской группы – кумыки, карачай-балкары, ногаи.

В третью региональную группу вошли представители булгарского языка в Волгоградском регионе – чуваш; представители кыпчакской группы – татары и башкиры.

Четвертую региональную группу по этнолингвистической системе составляют представители карлукской группы – узбеки и уйгуры; представители кыпчакской – казахи и каракалпаки; представители огузской – туркмены; представителями кыпчак-киргизской группы являются киргизы.

К пятой группе относятся многочисленные восточные тюркоязычные народы, расположенные в

Сибирском регионе. В том числе тувинцы, тофы (карагасы), составляющие Восточную уйгурскую часть; представители сахов - сахи, долганы; представители хакасов – хакасы, шорцы, северные алтайцы, чулымцы, камасинцы; представители киргиз-кипчаков – южные алтайцы [4, С. 7-12].

Существует несколько общих сторон классификационных образцов, сделанных Н. А. Баскаковым и А. Н. Кононовым на тюркские языки. Из систематизации по данным языкам А. Н. Кононова мы рассматривали только те языки, которые сегодня используются. По классификации А. Н. Кононова все тюркские языки систематизированы в семь больших групп [2, С. 202-203]:

1. Булгарская группа. В ней входит современный чувашский язык.

2. Огузская группа. К ней относятся на современном этапе азербайджанский, гагаузский, тюркский, туркменский языки.

3. Кыпчакская группа. Эта группа состоит из трех подгрупп: кыпчак-половецкий, кыпчак-булгарский и кыпчак-ногайский. Первую подгруппу составляют: языки каракаимов, карачаев, балкарсов, кумыков, крымских татар, белорусских татар. А кыпчако-булгарскую подгруппу: языки башкирских и волжских татар. Третью, то есть, образующие кыпчак-ногайскую подгруппу: казахский, каракалпакский, ногайский языки.

4. Карлуко-уйгурская группа. Это современные узбекский, уйгурский, саларский, лобнорский языки, входящие в эту группу.

5. Уйгурско-огузская группа. К этой группе относятся языки карагасов (тофы), тувинцев, хакасов, шорцев, чулымцев, Сибирских татар.

6. Киргизско-kyпчакская группа. Этую группу составляют алтайский и киргизский языки.

7. К группе Саха (якутская) относится только один язык саха [2, С. 318-322].

Кроме того, таблицу систематизации тюркских языков можно увидеть в трудах тюркского ученого Т. Текина [3, С. 387-389]. Он, исходя из шести фонетических принципов языка, разделяет сегодняшние тюркские языки на двенадцать групп в целом.

I группа состоит из чувашского языка.

Во **II группу** входит только один халаджский язык.

III группа состоит из якутского языка (саха тыла).

VI группу составляет тувинский язык.

V группа состоит из трех подгрупп: 1) хакасский язык; 2) среднечулымский диалект чулымского языка и язык татаров Верней Оби; 3) язык желтых уйгурский.

VI группу составляет северо-алтайский язык.

VII группа состоит из языков Южного Алтая.

VIII группу составляет единственный киргизский язык.

IX группа состоит из двух общих подгрупп: 1) узбекский язык, 2) новый уйгурский язык.

X группа состоит из трех подгрупп. Первая подгруппа состоит из двух ветвей: а) казахского и каракалпакского языков; б) ногайского языка. Вторая подгруппа состоит из трех ветвей: а) татарского; б) башкирского; в) барабинско-татарского языков. Третья подгруппа состоит из двух ветвей, к первой относятся: а) карачай-балкарский; б) северный крымско-татарский языки, а ко второй ветви относятся: а) хорезмский диалект узбекского языка; б) карагашский; в) южный крымско-татарский; в) кумыкские языки.

XI группа образует один саларский язык.

XII группа состоит из четырех подгрупп. В первую часть входит туркменский язык, во вторую часть хорезмско-огузский диалект узбекского языка, в третью - азербайджанский язык; четвертая подгруппа состоит из двух ветвей: а) тюркский; б) гагаузские языки.

Таким образом, проанализировав научные труды вышеперечисленных лингвистов, мы пришли к выводу что классификация тюркских языков А. Н. Кононова более точно и подробно систематизирована. Мы надеемся получить новые научные факты о ранее неизвестных этнических и антропологических родственных объединениях с помощью таких классификационных таблиц тюркских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969.
2. Кононов А. Н. Опыт анализа термина «турк» // Советская этнография. – 1949. Дооктябрьский период. Изд. 2-ое. – Л., 1982.
3. Текин Т. Проблема классификации тюркских языков // Проблемы современной тюркологии. – Алма-Ата, 1980.
4. Баскаков Н. А. Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов СССР. Том второй. Тюркские языки. – М., 1966.

TO THE BASE OF SOURCES OF ADVENTIAL COMMUNITY OF THE CITY OF UZHGOROD 1940-s.

Tershak A.

*Graduate student of the Department of History and Archeology
National University of Ostrog Academy
Ukraine, Ostrog*

Abstract

The article considers a still unknown, in the scientific community, document on the life of the Adventist community of Uzhgorod in the 1940s. It analyzes its origin, as well as the informative potential as a historical source. The task is to introduce it into scientific circulation.

Keywords: book of church membership, Seventh-day Adventists, Transcarpathia, historical source.

Introduction. The democratic transformations in Ukraine, after its independence, proclaimed a rethinking of the state-church relations of the Soviet era and revived interest in the history of the church. However, despite numerous works in this direction, there are still «white spots» in the study of the history of religious communities, especially at the regional level. A detailed study of archival documents on the history of the late Protestant communities of Transcarpathia, as well as the historiography of the declared topic, makes it possible to understand that books of church membership as sources on the history of the ethno-confessional state of the region, still requiring a scrupulous point of view of the researcher. Using this type of source, you can find out the dynamics of internal church processes (birth, death, weddings), demographic indicators of communities, gender position and the like. In modern Ukrainian historiography, according to Lubomyr Sergin, metric books began to be actively studied only after Ukraine gained independence [18 p. 67], the information from which is currently used by such scientific fields as: genealogy, historical studies of local lore, cultural studies, onomastics, and others.

Igor Skochilas draws attention to the fact that «the Ukrainian scientists themselves, who for various reasons ignored the sources of church origin», and they, in his opinion, are the unchanging key to the resolution of a number of research problems [19, p. 530-531]. So, one of the modern problems in research is the poor introduction into the scientific circulation of new sources on church history. Now we can state the absence of special works devoted to the study of church membership books (metric books) of the Adventist communities of Transcarpathia. Given the above, it is worth attention that we found a book of church membership (metric book) of the Seventh Day Adventist community (ASD) in Uzhgorod, Transcarpathian region.

During the repair work in the church house for the minister of the Adventist community of Uzhgorod, in the early summer of 2019, a damaged church membership book (metric book) of the 1940s - 1950s was found. The book is printed on heavy craft paper, black hardcover, measuring 21 cm by 30 cm, and contains 44 sheets or 88 pages. Typographic output was not preserved. The name on the title page has not been preserved, but if we turn to other, similar books that are stored in other Adventist communities of the region, then the title page should have the inscription – «Record Book» or «Journal of Records».

For a better understanding of the informative potential of a historical source, it is necessary to briefly outline its features. Structurally and externally, it is typical of church membership books (metric books), which are stored in Adventist communities with. Ilnitsa, Irshava district [13], p. Yasnaya Polyana [15], the Rakhovsky district and with. Muzhievo Beregovo district. In our opinion, the issue of the author of the recordings became very important. Analyzing the features of the handwriting and color of the used ink, it can be argued that several people kept records. All entries were made with an ink pen, some of which were black (from 2 to 8, as well as 72, 73, 85 pages), and the other blue (from 8 to 31 pages). Present additions made with a simple pencil and highlight with colored pencils in blue, red and black.

Now, in the absence of additional information, we will not be able to identify the author of the entries made in blue ink, however, given the fact that among the entries made in black on pages 72 and 73 there is a list of ministers of the community, among whom there is no secretary elected to serve, this gives us the right to nominate the assumption that these functions were assigned to the community leader, pastor, Ondrash (Andrey) Benevsky. A comparison of the handwriting with which the names are written, the name of the senior pastor in the region, A. Benevsky, shows the identity in all similar books found in the region, that is, the handwriting is the same.

The same handwriting can be seen in filling out the list of church members in the book of church membership in Uzhgorod made in black ink. All these facts give us the opportunity to assume that it was A. Benevsky who for the time being led this book. The start time of the book can be determined by the first list of community leaders which is dated 1943, the late date for filling out the book is 1952. According to Natalya Kryukova, a researcher in the history of the Adventist communities of Transcarpathia, as a result of the Munich agreement in 1938, the territory of modern Transcarpathia was annexed to Hungary in 1939, because of which the Adventist communities of the region became part of the Hungarian conference, the leadership of which appointed A. Benevsky responsible for the spiritual work in this territory.

From the personal data filled in by Benevsky Andrey Yosipovich on April 28, 1939 in Uzhgorod, we learn that he was born on October 2, 1898 in the city of

Nagykallo, modern Hungary. By nationality, Hungarian, according to preliminary dogma, Greek Catholic. Education received: 6 years of primary school, 3 years of civic education and 2 years of industrial education. He also graduated from the Lodice School of Mission, a preacher course in 1932. By profession, a male and female hairdresser. During the First World War, from 1917 to 1919 he served as a gun commander of the thirty-ninth regiment of heavy artillery in the cities: Eperesh (Pryashev), Arad, Miskolts. He was fluent in four languages: German, Hungarian, Czech, Slovak.

Main part. He was baptized in an Adventist church in 1922. In the city of Kosice, a preacher was performed by the preacher Keselya Fridyesh. In 1925 he married, his wife's name is not indicated, it is only known that she was born in Zashkalia on March 19, 1893, however, from the church membership book (metric book) of the SDA community in Uzhgorod, we learn that her name was Morgita, her maiden name Kmed [14, from. 9]. When submitting the questionnaire in 1939, they had three children: Matei (born in 1926), Esther (born in 1927) and Daniel (born in 1930). He began his ministry with a ministry as a kolposporter. From 1922 to 1925, he distributed books in such cities as Kosice, Torn, Gelszyce, Berehove. From 1927 to 1932, he was a biblical worker in the cities of Pozhon (modern Bratislava) and Ershekujvaros, and from 1932 to 1936 he worked as an assistant preacher. In 1934, at a conference in Bratislava, he was elected head of the colportory service of the Slovak Missionary Field. In 1936 he was ordained a preacher.

The questionnaire indicates that he served in the places of Yershukuyvarosh, Uzhgorod and throughout the "Subcarpathian Russia" (the territory of modern Transcarpathia). Back in 1938 in Banska Bistrica (Slovakia), he represented the new community of the city of Uzhgorod. The following year, he met with the head of the Hungarian conference L. Mikhnoi together they visited all the communities of the region. During the unfavorable period of World War II, he continued to serve as senior pastor throughout the region. From archival documents we learn that in the difficult, transitional, post-war period, when the political system of the region changed and a new model of state-church relations was introduced with a biased and very hostile attitude towards believers, A. Benevsky was listed as the senior preacher of the SDA church in Transcarpathia.

According to archival data, he lived in Uzhgorod since 1927, where he was sent by the Czechoslovak Adventist Union from the city of New Castles, in Slovakia. Due to the change of ownership of the region in the Soviet Union and difficult political conditions, he was forced to leave Transcarpathia. In 1947, according to the agreements between the Czechoslovak Republic and the USSR [3, p. 40] he migrated to the Czech Republic [3, p. 42]. Returning to the document, we can say why it was still unknown to researchers. Its introduction into scientific circulation will contribute to replenishing the source database on the history of the Protestant communities of Transcarpathia and will provide additional opportunities for clarifying the religious situation in the region and in the city of Uzhgorod. Now

the considered source is stored in the personal archive of the author of the article.

In the context of the book, it's worth looking at the history of the community with which it is directly connected. Modern, intra-church documents covering the history of the Uzhgorod community report that followers of Adventist doctrine appeared in the city in the 1920s. In the 1930-s Pastor Peter Chizhmar served here, and from 1940 to 1947 A. Benevsky. At the beginning of 1940 the community was legalized and had its own house on the street. Czech (Czech) No. 17 (in Soviet times, Ostrovsky St., today it is Masaryk Tomas St.), where a charity canteen operated. The recollections of one of the leaders of the Hungarian church, Murani Arpad, who wrote the following about Uzhgorod society, have also been preserved: «There are only 6 brothers in Uzhgorod, but in the evening about 30 people gather in the apartment of A. Benevsky, there are many who are interested and close».

Due to the annexation of the territory of the Carpathian Ukraine, most of modern Transcarpathia was occupied by Hungarian troops (1939-1944). Adventist communities in Hungary in the 1940s remained unrecognized by state bodies and did not have legal rights, and the authorities were supposed to report on the conduct of services. Only in 1941 did they manage to get a registration under the name of the Bible Followers Society in Hungary [20]. In the territory of modern Transcarpathia, when the region belonged to the Czechoslovak Republic (1919-1939), Adventist communities were recognized as early as the 1920s. [17, p. 117-130].

Therefore, in the conditions of the Second World War, despite the arrests of some clergymen of other faiths, for their active work during the Carpathian Ukraine [1, p. 225], and the subjugation of all institutions to the new state with especially close attention to all societies and people of the region, when people were fired for political views, however, we did not find documents about the oppression of Adventist citizens in Uzhgorod except general restrictions that apply to the entire population of the region such as curfew, oath of allegiance to the Hungarian state and the like.

Researcher T. Visitskaya claims that subsequently no research documents were found on repressions in non-confessional religious communities, with the exception of members of the Jehovah's Witnesses association [1, p. 230]. However, this situation changed dramatically with the advent of Soviet power in October 1944 a few years later, 1947, the church house was confiscated by state authorities, and pastor A. Benevsky went to Czechoslovakia that same year, the church went underground. A new «breath» of the community began only in 1970 when the family of Danilycha from Tyachiv district came to live in Uzhgorod, in which there were no Adventists left [12, p. 2-3]. These data were recorded mainly on the basis of the recollections of old church members, therefore they contain an element of subjectivity.

When archival heuristics were carried out in the State Archive of Transcarpathian Region, we found one, small in size, document confirming the existence of the Seventh-day Adventist community in Uzhgorod

as of 1946, this is information about «Places in Transcarpathian Ukraine, in which the communities of the All-Union Union are located Seventh-day Adventists with their ordained elders». With 9 communities, No. 1 is the community of Uzhgorod, which had 20 members, and A. Benevsky was the presbyter of the community. Divine services were carried out in Uzhgorod on Cheshskaya street, No. 15 (in the apartment) [5, p. 17].

Written by hand on a sheet from a notebook, supplements the data from the report of the Authorized Council for Religious Cults S. Lyamina-Agafonov, for the IV quarter of 1946. From the last we learn about the presence in the region of 9 ASD communities [2, p. 11], in accordance with one of them was the community of Uzhgorod. However, for reasons unknown to us today, among Adventist communities that received state registration from 1945 to 1947. She does not appear.

In the archive funds, we also did not identify refusals to register this community. Even the statistics that inform about the presence of 8 unregistered Adventist communities in the region, for the 1960s, in the city of Uzhgorod, not a single one is listed [7, p. 4]; [4, p. 37-38]. Nothing is reported about the presence of followers of Adventist doctrine and data on the religious situation in the city of Uzhgorod 1986 [8, arch. 1-3]. One of the first, documented evidence, after the 1946 documents about the presence of an Adventist group in the city dates back only to 1987 [9, p. 27]. Available archival documents inform that the state registration of the religious community of the Seventh-day Adventist Church in Uzhgorod, which took place only on October 19, 1989 [11], made it possible to register the executive body and the audit committee of the company on November 13 of that year [10].

By this time, a small group of followers of Adventist dogma officially belonged to the community of Mukachevo [9, p. 27], which was more than 40 km. For obvious reasons, in order to satisfy religious needs, Adventists were forced to go either to worship in Mukachevo, or to hold illegal gatherings in Uzhgorod in the premises of their parishioners. In the protocols of the Transcarpathian association of the SDA church, we find information on unregistered communities and groups in the Transcarpathian region in 1988, among the 10 listed under number 2, the community of Uzhgorod is listed. According to the protocol, it numbered 36 members, which were officially recorded by members of the community of Mukachevo, the distance between the communities was also indicated – 45 km [16, p. 2].

Due to the lack of additional information, when studying the religious situation in the region, it might have been the opinion that the followers of Adventist doctrine, in Soviet times, appeared in Uzhgorod quite late, only in the second half of the 1980s, however, as can be seen from above, such a generally accepted point of view does not correspond to historical reality. Consequently, the introduction into the scientific circulation of a previously unknown book of church membership (the metric book) will not only expand the source database on the history of the Adventist church in Uzhgorod, but will help determine the «portrait» of society, the scope of activity of its members, gender and

age position, which in turn will help expand understanding of the religious situation of Uzhgorod.

In this article, we set the goal to reveal the informative potential of the book, taking into account the above outlined its importance and a unique uniqueness as a source. It is worth noting that the source is the only intra-church document of the 1940s that has survived to this day, which makes it a unique source in terms of origin and information content.

Thus, we proceed to determine the structural parts of the book. So, found a book of church membership of the Adventist community consists of 6 parts. The first is general information, instructions from the leadership of the Bible Followers Society in Hungary regarding the production of the book, how to fill it out, where to store it and how to make changes (1 page). The second part is information about community members (32 pages, 16 tables). In the third structural part, information on marriages is recorded, indicating the names of the newlyweds, their parents, the dates of the wedding and the name of the preacher who performed the ceremony (4 tables in total). The next part reveals information about the composition of the church council, data from the community presbyter, cashier, secretary, senior deacon, leaders of the Saturday school, missionary, youth department of the society and the regional (district) pastor and pastor of the community (9 tables). A separate part provides information about the deceased members of the community (their names, dates of death, the minister who performed the ceremony, with a total of 4 tables). The final part of the book contains a list of believers expelled from society (their names, date of expulsion and the name of the minister who chaired the membership gathering, total 4 tables). It should be assumed that the book is not maintained properly, since not all columns in the tables are filled in accordingly.

As noted above, the book in question is typical of the Adventist communities of Transcarpathia in the 1940s. The document was printed in Hungarian (88 pages), filled out in Hungarian (11 pages), and Russian (24 pages). Up to 4 tables of the list of community members, the book was filled out exclusively in Hungarian, starting from 4 tables – a list of community members, the language of maintaining the document is changed to Russian, serial numbering also changes from No. 17 to No. 3 immediately, the names begin to be written in alphabetical order, and the previous order does not continue, the dates of baptisms begin to go not in chronological order, but in accordance with the alphabetical order of spelling of names, there is a gap in dates, the last record in Hungarian dates from 1945, and the first Russian in 1950.

All this suggests the use of this book of church membership of the community of Uzhgorod by another Adventist community, which inscribed the existing list of their community in this document. While we do not have information what caused this decision. This assumption reinforces the analysis of the new list, where the community of Mukachevo dominates, in which the ceremony of baptism and admission to the community is carried out. The information provided gives us reason to believe that the community of Mukachevo began to

use this book in 1950, the late date for filling out the book is 1952, and at the moment we do not have the information that caused the termination of the use of the book.

The change in document maintenance from Hungarian to Russian could be due to a number of reasons, one of which was connected with a change in the political and administrative structure of the region, and the incorporation of territory into the USSR, in which Russian as the state language dominated. Another could be due to an ethnic change in the composition of the community, in which, besides Magyars (15 people) and Slovaks (3 people), a significant number of members were Ukrainians (33 people), and also Gypsies (2 people), and Russian (1 pers.) For whom Hungarian was not their native language.

A characteristic difference between Adventist church membership books (metric books) is that, due to their ritual practice, only an adult, baptized person who shared the religious views of the SDA could become a member of the Adventist community. Therefore, the books on church membership of Adventist communities differed from ordinary metric books in that although the latter contained information similar in meaning and structure, the only characteristic difference between Adventist books was that they recorded information not about newborns, but about adults, baptized people. Based on the foregoing, the book contains information only about adults, baptized members of the church, without informing us about all those present in the church, such as children, youth and Adventists, who have not yet become full members of the community.

An analysis of the information contained in the pages of the book of church membership (the metric book) gives us reason to assert that the document contains extremely important information regarding members of the Adventist community due to the fact that it provides detailed information about them. Directly, he informs about the address of their residence, date and place of birth, year of baptism, profession, pre-religion, name of parents, nationality. Thus, all this gives us the opportunity to see not only the ethnic composition of the community, but also to obtain additional information about it. In addition to the list of church members, the book contains data on the leadership of the community in 1943 and 1944. And indicates the name of the regional minister A. Benevsky, in these years.

Our attention will be focused on that part of the book, which is written in Hungarian and is directly related to the Adventist society of Uzhgorod, all other information, including regarding members of the community of Mukachevo, needs a separate study.

According to the records of the church membership book, the SDA community of Uzhgorod had 17 members, as of 1945, of which 6 were men (35%) and 11 women (65%). By age, the youngest member of the community was 19 years old, and the oldest was 80 years old. Thus, the average age of the community was 53 years. Ethnic composition of the community was divided as follows: 11 Hungarians and 6 Slovaks [14, p. 2-8]. It should be noted that the heterogeneous ethnic map of Transcarpathia in the mid-twentieth century determined the ethnic composition of the Adventist communities of the region, where Ukrainians (Ruthenians) predominated in the mountains, and Hungarians and Slovaks prevailed in low-lying areas.

According to marital status, the community was divided as follows: out of 17 church members, there were only 3 single, the total number of children was 36, and in three families, there were no children at all [14, p. 2-8]. However, a significant number of children does not indicate that all children attended services, given that their parents at different ages became followers of the Adventist doctrine, so adult children could not share the new religious views of their parents. It is extremely difficult to follow the dynamics of church books on how children accept their parents' faith.

The summary table of dates of births and baptisms gives us the opportunity to see the age of baptism by members of the Uzhgorod community, as well as their church «experience», that is, the period they profess the Adventist creed. At the age from 16 to 30 years, 4 people accepted the baptismal rite, from 30 to 40 - 5, from 40 to 50 - 4, from 50 to 60 - 2, from 60 and older - 2 people. The average age of all baptized is 39 years. This fact gives us reason to argue that Adventist teaching was of interest to middle-aged people. The community consisted of middle-aged people with a large (significant) number of children (an average of 2 to 5 children per family). Data from the book informs about the previous creed of members of the Adventist community. The overwhelming majority moved from Catholic doctrine - 8 people, 5 from the Greek Catholic faith, 2 from the Gospel doctrine, 1 from the Reformed Church and 1 from the Adventist family. This change of religion mainly occurred because of the missionary activity of community members, who could also be influenced by various factors, from the search for inner peace during times of instability, from the war-related activities to the search for truth and a closer relationship with God.

The indicators on the employment of community members are quite interesting, which are the following: homemakers (10), private entrepreneur (1), farmer (1), bricklayer (1), midwife (1), carpenter (1), insurance agent (1) and the preacher (1). Unfortunately, there is no way to determine the educational level and well-being of community members from these data, and then its financial situation. The fact is that an ordinary house wife could have different material conditions, the same applies to employment in various fields of activity. Therefore, based on the foregoing, we cannot state the educational state of society, except for its heterogeneity in the professional and material state.

Because of the post-war redistribution of Europe, the state borders of Ukraine changed migration processes took place, because of which some members of the Adventist communities of Uzhgorod ended up in another state. 7 people left for Czechoslovakia, and 1 went to Hungary. There is also information about 2 expelled from the society and one deceased. Due to these circumstances, from 17, according to the list of believers in the community, only 6 remained in 1947 [14, p. 2-8].

The anti-religious policy of the Soviet government was aimed at eliminating small religious communities and eliminating them, especially regional cities. Religious communities were forced to move to other cities, and state authorities in every possible way prevented the registration of communities in the regional center of Ukraine. Quite often, permission to register a particular religious community was dictated by the political situation and state policy to combat other faiths [6, p. 49].

Often, government bodies have contributed to the registration of ideological opponents in the religious sphere. Here are a few examples about this. One way or another, however, the Adventists of Uzhgorod did not receive state registration, and today we have not found official documents on their existence, except for a large number of documents about which we spoke above, including the document we found.

Conclusions. Thus, the results of the study of the book of church membership, the metric book, the SDA community in Uzhgorod show its great informative capabilities, therefore, its introduction into scientific circulation will help to replenish the source database on the history of the Adventist community in Uzhgorod. The found document fills the gap in restoring the religious situation in the Transcarpathian region of the 1940s. And contributes to a more complete coverage of the church, confessional, history of the region.

The book clearly testifies to the functioning of the SDA community in Uzhgorod during the 1940s. So, we have the opportunity to introduce into the scientific circulation a little-known document on religious life in the city of Uzhgorod. Opportunities that have appeared recently help us synthesize little-known information on this from internal church sources and combine it with open materials from state archives, ultimately it will help to more fully illuminate both state-church relations and the history of the church in Soviet times in Transcarpathia.

REFERENCES:

1. Висіцька Т.Ф. Християнство на Закарпатті: документальне дослідження становлення та розвитку (XIV-XXI ст.). Ужгород: Вид-во О. Гаркуші, 2012. 676 с.
2. Державний архів Закарпатської області (далі – ДАЗО). Ф. Р-195. Оп. 1. Спр. 40. Квартальні звіти Уповноваженого Ради у справах релігійних культів області і листування по цьому питанню. 1946 р. 168 арк.
3. ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 1. Спр. 44. Списки осіб угорської, української, єврейської національності на оптацію Чехословацького громадянства і переписка по цьому питанню. 1947 р. 270 арк.
4. ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 13. Спр. 145. Директивні листи Ради в справах релігійних культів при Раді Міністрів СРСР і Уповноваженого ради по Українській СРСР по питаннях вивчення діяльності релігійних культів, про нагляд за додержанням місцевими органами законодавства про культу і про заходи по ліквідації порушень законодавства про культу. 1962 р. 41 арк.
5. ДАЗО. Ф. Р-1490. Оп. 1. Спр. 4. Листування з Радою у справах релігійних культів при Раді Міністрів СРСР, місцевими радянськими органами про діяльність релігійних сект (Списки релігійних сект). 1946 р. 28 арк.
6. ДАЗО. Ф. Р-1490. Оп. 2. Спр. 20. Листування з Радою у справах релігійних культів при Раді Міністрів СРСР, Уповноваженим Ради у справах релігійних культів при Раді Міністрів УРСР, місцевими радянськими органами і служителями культу про діяльність релігійних сект. 1959 р. 59 арк.
7. ДАЗО. Ф. Р-1490. Оп. 2. Спр. 41. Статистичні відомості і листування по ним. 1962 р. 14 арк.
8. ДАЗО. Ф. Р-1490. Оп. 3. Спр. 111. Довідки про релігійну ситуацію в містах Ужгород, Мукачево та районах області. 1986 р. 94 арк.
9. ДАЗО. Ф. Р-1490. Оп. 3. Спр. 125. Дані про населені пункти області із складною релігійною ситуацією станом на 1987 р. 35 арк.
10. Архів Управління національностей та релігій Закарпатської обласної державної адміністрації. Довідка про реєстрацію виконавчого органу і ревізійної комісії релігійної громади. № 131 від 13 жовтня 1989 р. Справа № АСД (адвентисти 7-го дня) м. Ужгород.
11. Діючий архів громади АСД м. Ужгород, Закарпатська область. Довідка про реєстрацію релігійного об'єднання від 13 листопада 1989 р.
12. Діючий архів громади АСД м. Ужгород, Закарпатська область. Документ. Українська Уніонна Конференція. Паспорт громади в м. Ужгород. Київ: Джерело життя. 1998. 28 с.
13. До питань джерельної бази Церкви адвентистів сьомого дня на Закарпатті. Сайт Української уніонної конференції церкви адвентистів сьомого дня. 2017. URL: <https://uuc.adventist.ua/do-putan-dzherelnoyi-bazy/?print=print>. (дата звернення: 23.12.2019).
14. Книга записів. 1943-1952 pp. 88 с. Особистий архів Тершак А. І. (1976 р.н.) м. Ужгород.
15. Книга реєстрації релігійного товариства адвентистів сьомого дня 1943-1988 роки. Сайт Української уніонної конференції церкви адвентистів сьомого дня. 2017. URL: https://uuc.adventist.ua/knyga_reyestratsiyi/. (дата звернення: 23.12.2019).
16. Книга протоколів совета Закарпатского объединения и пресвитерских совещаний 1981-1987 г. 63 с. Особистий архів Шевчука В. А. (1961 р.н.) м. Львів.
17. Крюкова Н. Р. Из истории первых адвентистских общин в первой трети XX в. на территории современного Закарпатья. Богословские размышления. Спецвыпуск «Реформация: восточноевропейские измерения». 2016. №17. С. 117–130.
18. Сегін Л. Метрична книга села Великі Дідушичі як цінна пам'ятка і як джерело для ономастичних досліджень. Вісник Львівського університету. Серія філологічна. Львів, 2019. Вип. 71. Ч. II. С. 66 – 73.
19. Скочиляс І. Недатований реєстр духовенства, церков і монастирів Львівської єпархії за владицтва Йосифа Шумлянського. Записки наукового товариства імені Шевченка. Т. CCXL. Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 2000. С. 520–589.
20. Hetednapi Adventista Egyház. Сайт hu.wikipedia.org. 2020. URL: <https://hu.wikipedia.org>. (дата звернення: 07.01.2020).

SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL REGULATION OF BEATINGS

**Nigmetova V.,
Leonova A.**

*students of the Institute of prosecution
Saratov State Academy of Law*

Lopashenko N.

*Scientific adviser, doctor of jurisprudence, professor of the department of
criminal and executive law of the Saratov State Academy of Law, Honored lawyer of the Russian Federation,
winner of the National prize for literature in the field of law*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОБОЕВ

**Нигметова В.Д.
Леонова А.А.**

*студенты Института прокуратуры
Саратовская Государственная Юридическая Академия*

Лопашенко Н.А.

*Научный руководитель, д.ю.н, профессор кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права СГЮА, Заслуженный юрист РФ,
лауреат Национальной премии по литературе в области права*

Abstract

The article is devoted to the consideration of one of the problems of qualification of beatings in the Russian Federation. The authors consider the issues that arise in practice of bringing to criminal responsibility persons who committed this crime against relatives. The current legislation is analyzed, and ways to solve the situation are proposed.

Аннотация

Статья посвящена одной из проблем квалификации побоев в РФ. Авторами рассматриваются возникающие на практике вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших данное преступление в отношении близких лиц. Анализируется действующее законодательство, и предлагаются пути решения сложившейся ситуации.

Keywords: beatings, domestic violence, harm to health, crime, prevention law.

Ключевые слова: побои, домашнее насилие, вред здоровью, преступление, закон о профилактике.

1. Опасность домашнего насилия

Семья в России традиционно рассматривалась консервативно, как закрытый институт. На протяжении долгого времени не было принято выносить за ее рамки межличностные отношения между супружами, родителями и детьми. Существовавший патриархальный уклад позволял оправдывать насилие в отношении близких лиц и воспринимать его как норму жизни. Чаще всего, в случившемся винили жертв, которыми преимущественно становились дети, женщины, пожилые люди, то есть наиболее незащищенные слои населения, а социальное порицание препятствовало обращению за помощью своевременно, что еще больше повышало опасность домашнего насилия. На сегодняшний день ситуация не изменилась, и определенные категории граждан до сих пор подвергаются нападкам со стороны членов своих семей.

Высокий уровень актуальности вышеупомянутой проблемы, помимо сказанного, подтверждается латентностью совершаемых деяний, сопряженных с зависимым состоянием жертвы и пагубным влиянием на ее психику, в конечном счете, разрушением семейных ценностей. Мы оцениваем проблему домашнего насилия как одну из наиболее актуальных в современной России, поэтому в данной статье

представляем обзорное рассмотрение недостатков правового регулирования уголовной ответственности и наши предложения по их исправлению.

2. Понятие домашнего насилия

В настоящий момент законодательно закрепленного определения понятия домашнего насилия нет; в связи с этим за деяния, связанные с ним, может наступать ответственность не только уголовная, но и административная, а отсутствие общего понятия, несомненно, затрудняет единообразный подход к проблеме, который может быть выражен в виде назначения справедливого наказания, в частности, недопущения применения разных мер за деяния, совершаемые при одинаковых обстоятельствах.

Данный пробел предлагается заполнить с помощью федерального закона, который на январь 2020 года находился на стадии разработки и еще не был внесен на обсуждение в Государственную Думу. В законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия» выделяют четыре вида насилия: сексуальное, физическое, психическое насилие и финансовое злоупотребление[1]. Само домашнее насилие предлагается называть семейно-бытовым и дать ему следующее определение: семейно-бытовое насилие — умышленное деяние, причиняющее

или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления.

Не станет ли подобное понятие препятствием для правоприменения и не затруднит ли еще более существующую систему? Разработчики законопроекта указывают в соответствующей пояснительной записке, что принятие отдельного федерального закона против семейно-бытового насилия обусловлено отсутствием системного подхода к данной проблеме в России[2]. Однако, стоит обратить внимание на следующий момент. Мы видим, что планируется урегулировать отношения, не входящие в сферу действия уголовной и административной ответственности, указывающие на более низкий уровень общественной опасности деяния, что вызывает небеспринчное недовольство социума, полагающего, что в таком случае государство безосновательно вмешивается в частную жизнь граждан[3].

Мы считаем, что подобный подход не оправдан, он деструктивен для нормального семейно-бытового общения, поскольку более серьезные нарушения остаются незамеченными. Прокомментируем изменения в уголовном законодательстве, вызвавшие бурные дискуссии по заявленной теме.

3. Конкретный состав

Для нас наибольший интерес представляют ст. 116 и 116.1 УК. На данный момент диспозиция ст. 116, как и ст. 116.1 УК, предусматривает общественно-опасное деяние в виде нанесения побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, предусмотренных ст.115 УК. Хотя побои и не влекут последствий в виде вреда здоровью различной степени тяжести, в тоже время они сопряжены с физической болью, и, бесспорно, наносят потерпевшему психологические, нравственные страдания. По нашему мнению, именно здесь возникает пробел в правовом регулировании, поскольку в случае причинения вреда здоровью различной степени тяжести, а также иных последствий, существующий в уголовном законодательстве комплекс уголовно-правовых мер представляется недостаточным. Побои унижают честь и достоинство личности, поэтому нельзя упускать их из зоны внимания, а совершенные близкими лицами, они могут явиться в дальнейшем причиной серьезных психологических травм, в том числе, повлиять на нормальное нравственное развитие ребенка.

Мы отмечаем, что на настоящий момент в составе уголовно-наказуемых побоев нет признака «совершение деяния в отношении близких лиц», но, по нашему мнению, его не хватает, что связано с распространностью этой категории преступлений именно в отношении близких. Интересно, что ранее он присутствовал. В июле 2016 года вступил в силу закон № 323-ФЗ от 03.07.2016, устанавливющий новую редакцию ст. 116 УК РФ, по которой в статью был добавлен признак «в отношении близких лиц», а также изменился механизм защиты прав пострадавших лиц таким образом, что дела по этой статье стали относиться к частно-публичному обвинению, а это не позволяло потерпевшему забрать

заявление о нанесении побоев в отношении лица. Близкими лицами в указанном случае считались близкие родственники, опекуны, попечители и сожители. Предполагалось, что эти меры будут эффективно действовать, преодолевая одну из наиболее важных преград, связанных с особенностью данной группы преступлений (жертвующее всего находится в определенной зависимости от преступника).

Однако в этом виде норма просуществовала всего полгода. Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ[4] в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в систему уголовно-правовых норм, предназначенных для защиты интересов личности от насилия, в том числе бытового (домашнего), были внесены изменения, согласно которым побои в отношении близких родственников перешли в разряд административных правонарушений, если не содержат признаков ст. 116 УК РФ. Уголовная ответственность за такие действия наступает, только если правонарушение совершено два и более раза в течение года.

В качестве примера из практики приведем Постановление № 1-210/2019 Чайковского городского суда Пермского края от 30 июля 2019 г. по делу № 1-210/2019[5], по которому было прекращено уголовное преследование женщины, обвиняемой в совершении преступления по ст. 116.1 УК в отношении своей малолетней дочери. Установлено, что обвиняемая, будучи лицом, подвергнутым административному наказанию, нанесла побои девочке, но дело было прекращено в связи с примирением сторон по инициативе законного представителя ребенка. Однако, остается открытым вопрос, как это отразится на самом ребенке.

4. Недостатки ст. 116 и 116.1 УК РФ

Обобщая все сказанное, мы хотим отметить два главных аспекта, которые, по нашему мнению, препятствуют эффективному и справедливому назначению наказания в отношении лиц, совершивших побои, и проблемы механизма привлечения к ответственности.

Наличие административной преюдиции в ст. 116.1 УК в последней редакции от 18 февраля 2020 года в качестве доказательства, подтверждающего нецелесообразность использования её как юридической конструкции, приводится ее противоречие научной теории преступления и условиям криминализации. Сама конструкция является искусственно созданной, усложняет действие нормы и приводит к объективному вменению[6, с.70].

Учитывая сложившийся уровень правосознания населения, существуют обоснованные опасения в возможности создания мифа о ненаказуемости данного деяния. Фактором роста побоев объективно станет усложнение механизма привлечения к уголовной ответственности за них; «этапность» в случае совершения ошибки правоприменителем позволит реально преступившим закон лицам избежать наказания. В рамках домашнего насилия это приведет к тому, что агрессор вновь возвратится в семью, но уже с ощущением вседозволенности, продолжит совершать насильственные действия в отношении близких, что не исключает более серьезных последствий в следующий раз.

Нельзя забывать, что уголовная ответственность традиционно рассматривается как наиболее неблагоприятная мера по отношению к лицам, преступающим закон. Поэтому и в этом случае она позволит эффективно реализовывать общую и специальную превенцию, что и должно быть главной целью законодательства в этой сфере – защита потенциальных жертв. Считаем, что угроза наступления уголовной ответственности за единожды совершенное деяние станет более рациональным, чем привлечение к ответственности в рамках административного законодательства, способом заставить лиц отказаться от противоправных действий в целом.

Следующим недостатком является наличие штрафа в санкциях по тем составам, по которым лицо может привлекаться за побои в отношении близких лиц, как в административном, так и уголовном праве. Это нецелесообразно, поскольку его выплата, как правило, ложится бременем на всю семью. Между лицами, состоящими в семейных отношениях, часто возникает финансовая зависимость, не исключена ситуация, когда выплата штрафа будет осуществляться из собственного дохода потерпевшего, что категорически недопустимо. Объясняется это помимо того, что наказывают фактически невиновного, тем, что пострадавшие от насилия станут просить помощи лишь в исключительных случаях, реже обращаться в правоохранительные органы, а это будет еще одной причиной, почему в России данная категория деяний является латентной[7, с.25], что также говорит о недостатках существующего уголовно-правового механизма привлечения к ответственности.

5.Наше решение проблемы

Нами предлагаются следующие пути решения проблемы. Необходимо обозначить, что существующие сегодня редакции ст. 116 и ст. 116.1 УК не позволяют в полной мере, не учитывая особенности совершения преступлений в семье, как защитить лиц от насилия со стороны близких, так и наказать виновных, что связано с выбором законодателем неудачных мер и порядка привлечения к ответственности в анализируемых составах. Сама проблема имеет комплексный характер, поэтому предлагаем начать с мер социального и криминологического порядка, которые должны составлять единую линию с уголовно-правовыми. Так, во-первых, считаем, что необходимо прибегнуть к опыту западных стран, установить меры по ограничению дальнейшего контакта потерпевшего и виновного, например, раздельное жительство супругов, принятие судом решения о том, что обвиняемый не может приближаться к местам, посещаемым женой и детьми.

Еще одной, по нашему мнению, удачной, является применяемая в ряде западных стран мера, которая заключается в закреплении за «проблемной» семьей социального работника, который будет выступать в качестве медиатора при разрешении семейных конфликтов, так как она позволит снизить вмешательство государства в частные отношения.

Во-вторых, отмечаем, что сами уголовно-правовые меры, наказание, назначаемое виновному в совершении деяния против близких лиц, должны носить не материальный, а скорее воспитательный характер. В этом и будет проявляться связь между

социальными и уголовно-правовыми мерами. Так, можно применять уже существующий вид наказания «обязательные работы» с некоторыми дополнениями, которыми, в частности, могут выступать уточнения, связанные с местом и характером выполняемых работ. Не лишним будет назначение виновному в дополнение к основному наказанию прохождения различных учебных курсов, бесед с психологом.

В-третьих, необходимо поддерживать профилактическую деятельность общественных объединений, осуществляющих реабилитацию жертв, подвергшихся домашнему насилию.

Однако, и они недостаточны без уголовно-правового закона, поскольку могут применяться формально, не решат проблемы воздействия на лиц, уже совершивших преступления в отношении близких.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в РФ необходимо принимать законы о профилактике, подходить к проблеме комплексно, а в рамках уголовного законодательства вернуться к прежней модели ст. 116 УК, существовавшей до июля 2016 г. Необходимо преодолеть существующие в обществе стереотипы относительно жертвы, стремиться к уходу от замалчивания домашнего насилия, в связи с чем в рамках уголовного законодательства следует пересмотреть систему мер и порядок привлечения к ответственности. Иными словами, мы считаем, что Государственная Дума РФ должна тщательно разработать и принять новый ФЗ «О предотвращении семейно-бытового насилия», включающий в себя следующее: меры по предотвращению взаимодействия в дальнейшем обвиняемого и потерпевшего, психологическую помощь жертвам насилия. Так закон сможет наиболее полно защитить указанные объекты уголовно-правовой охраны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Законопроект № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия»:<https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6>
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия»:<https://base.garant.ru/57262574>
3. Закону о домашнем насилии не дают ход:<https://www.kommersant.ru/doc/4235343>
4. Федеральный закон "О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации" от 07.02.2017 № 8-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 7.Ст. 1027.
5. Постановление Чайковского городского суда Пермского края от 30.07.2019 о прекращении уголовного дела в отношении Сентяковой:<https://sudact.ru/regular/doc/9DNH7kodrXZH>
6. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.
7. Сидоренкова Т.А. Криминологические проблемы предупреждения насилия против женщин в семье: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2014. С. 25.

PEDAGOGICAL SCIENCES

FORMATION OF THE REFLEXIVE COMPONENT OF CORPORATE CULTURE OF UNIVERSITY STUDENTS: EMPIRICAL ASPECT OF THE RESEARCH

Brovko C.

*Postgraduate student of Borys Grinchenko Kyiv University,
Pedagogical Institute, Kiev, Ukraine*

СФОРМИРОВАННОСТЬ РЕФЛЕКСИВНОГО КОМПОНЕНТА КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бровко Е.А.

*Аспирант Киевского университета имени Бориса Гринченко,
Педагогический институт, Киев, Украина*

Abstract

The article highlights the issues of diagnosing the state of formation of the reflective component of the corporate culture of university students. The essence of the concepts of «corporate culture of the individual», «reflexive culture» are revealed. The component structure of the corporate culture of the individual is determined. Criteria, indicators and levels of formation of the reflective component of the corporate culture of university students are determined.

Annotation

В статье освещаются вопросы диагностики состояния сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета. Раскрыта сущность понятий «корпоративная культура личности», «рефлексивная культура». Определена компонентная структура корпоративной культуры личности. Определены критерии, показатели и уровни сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета.

Keywords: corporate culture, reflection, reflective component, students, university.

Ключевые слова: корпоративна культура, рефлексия, рефлексивный компонент, студенты, университет.

Корпоративная культура как специфическое культурное формообразование в течение достаточно долго времени оставалась за пределами философской рефлексии и рассматривалась преимущественно в социологической или культурологической плоскости. В эпоху развития международных связей, интеграции глобализационных процессов в обществе, система высшего образования, обеспечивает профессиональную подготовку будущих специалистов способных к индивидуальной мере проявления рефлексивности, которая признана наиболее значимым фактором современного культурного прогресса человечества. Интеграция украинской системы высшего профессионального образования в современное европейское пространство выдвигает ряд высоких требований к качеству подготовки специалиста. Он должен быть компетентным в сфере своей профессиональной деятельности, обладать высоким культурным уровнем, иметь надлежащим образом сформированные нравственные представления, ценности, идеологические установки, нормы и правила поведения, мировоззрение. Следовательно, необходимость изучения уровня сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета относится к числу актуальных задач современной науки, а так же выступает методологической основой

междисциплинарных исследований социокультурных синтезов к которым относится корпоративная культура.

Проблема формирования корпоративной культуры личности всегда вызывала большой интерес среди исследователей различных отраслей научного знания. Вопросу формирования рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета уделяется должное внимание в психолого-педагогических исследованиях многих авторов, в частности, таким ее аспектам: культуре как особого общественного феномена, что проявляется в активной позиции личности и позволяет ей не только придерживаться принятых в данной среде норм и ценностей, адаптироваться к ним, но и производить новые ценности, соответствующие изменившимся условиям (И. Агиенко, И. Беккер, Р. Бенедикт, Ф. Вольтер, Г. Гегель, И. Герде, И. Кант, Л. Кога В. Межуева, Т. Ойзерман, П. Сорокин, К. Янг и др.) формированию профессиональных и личностных качеств будущего специалиста (В. Андрушенко, И. Бех, С. Витвицкая, Н. Демьяненко, И. Зязюн, В. Кремень, К. Левковский, С. Мартыненко, Н. Морзе, Н. Ничкало, В. Огнев'юк, В. Тернопольская, С. Сысоева, А. Сухомлинская, Л. Хоружая и др.) особенностям формирования корпоративной культуры (А. Бабич, Л. Балабанова, М. Коваленко, Т. Соломанидина, В. Спивак, D. Arnold, L. Capella,

W. Burke, G. Hofstede, F. Trompenars и др.) корпоративной культуре, как фактора, влияющего на профессиональное становление студента (В. Бочелюк, А. Кайбиянен, Г. Мальцева, П. Склар); формированию у студентов профессиональной рефлексии (К. Альбуханова-Славская, Б. Ананьев, Л. Выготский, В. Желанова, А. Карпов, М. Найдьонов, С. Рубинштейн, С. Степанов и др.).

В контексте заявленной проблемы исследования возникает вопрос о раскрытии сущности такого социокультурного и педагогического феномена как корпоративная культура личности, сложность изучения которого подчеркивают специалисты различных отраслей знаний, сторонники различных направлений и подходов в рамках одной проблемы.

Корпоративную культуру мы рассматриваем как систему общих убеждений, верований, ценностей, что служит направлением по поддержке корпоративного поведения личности [1, с. 176]. Она выступает социальным механизмом, который призван ориентировать индивида к решению общих задач организации, мобилизации инициативы и обеспечение эффективности взаимодействия всех членов указанного коллектива [2, с. 17].

В структуре корпоративной культуры личности можно выделить следующие структурные элементы: система материальных и духовных ценностей, предсказаний, верований, ожиданий, норм и стиля поведения, поддерживаемых большинством субъектов организации, а также определяет способ их действий и межличностного взаимодействия в профессиональной и повседневной деятельности. К структурным компонентам корпоративной культуры личности можно отнести: мировоззрение, корпоративные ценности, стиль поведения, нормы, исповедующих члены организации.

В словаре иностранных слов, рефлексия рассматривается как осмысление человеком собственных действий и их законов, деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека [5].

По мнению В. Желановой, профессиональную рефлексию будущего педагога следует рассматривать сквозь призму синтеза рефлексивного мышления, рефлексивной деятельности и рефлексивного сознания, направленные на самоанализ, осознание, переосмысление себя, своей и совместной деятельности, а также взгляда на себя «глазами других» в контексте будущей профессиональной деятельности во всей ее многоаспектности [3, с. 10].

Рефлексивная культура по В. Сластьонину – это интегральное личностное образование, состоящее из рефлексивности профессионально-личностного и ценностно-смыслового потенциала, ответственности в качестве критерия социальной и профессиональной зрелости личности, которые являются адекватными природе педагогической деятельности и такими, которые сложились в результате внутренней активности ее субъекта [4].

С целью определения уровня сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета было проведено

экспериментальное исследование на базе Педагогического института Киевского университета имени Бориса Грінченко (студенты специальностей «Начальное образование», «Дошкольное образование»). Для достижения этой цели студентам было предложено 2 методики, а именно: «Диагностическая методика А. Карпова, В. Пономаревой на определение индивидуальной степени проявления рефлексивности», а также «Методика исследования самоотношения С. Пантелеева» в которых предложен перечень суждений, характеризующих отношение человека к себе, к своим поступкам и действиям.

Рефлексивный компонент корпоративной культуры сочетает в себе склонность студентов к анализу собственной деятельности, а также поступков других людей, выяснения причин и следствий своих действий как в прошлом, так в настоящем и в будущем. Характеризуется склонностью воспринимать все стороны своего «Я», принимать себя во всей полноте поведенческих проявлений.

Следовательно, уровень сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов мы определяли по коммуникативным аспектам и следующим показателям: 1) понимание и ощущение силы собственного «Я»; 2) склонность к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и событий, произошедших; 3) детализация планирования поведения; понимание мировоззрения, характера, мотивов и эмоциональных состояний других людей.

Для выяснения уровня сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета, а именно понимание и ощущение силы собственного «Я», нами была использована методика исследования самоотношения (С. Пантелеев), посвященной исследованию самоотношения личности, а также выраженности отдельных компонентов самоотношения: закрытости, самоуверенности, саморуководство, отраженного самоотношения, самоценности, самопривязанности, внутренней конфликтности и самообвинения, следует констатировать следующее «см. рис. 1.».

По шкале «замкнутость» 25,3% студентов имеют высокие показатели, 61,3% средние показатели, 13,3% низкие показатели. Итак, относительно данной шкалы студентам свойственно избирательное отношение к себе, а также преодоление некоторых психологических защит при актуализации других, особенно в критических ситуациях. По шкале «самоуверенность», 84,4% студентов имеют высокие показатели, 15,3% средние показатели, 0,0% низкие показатели. Следовательно, у студентов наблюдается выраженная самоуверенность, чувство силы собственного «Я», высокая степень смелости в общении. Доминирует мотив успеха. Студент уважает себя, доволен собой, своими начинаниями и достижениями, чувствует свою компетентность и способность решать многие жизненные вопросы. Препятствия на пути к достижению цели воспринимаются как те, которые можно преодолеть. Проблемы затрагиваются неглубоко, пе-

реживаются недолго. По шкале «самокеривниство», 50,6% студентов имеют высокие показатели, 41,3% средние показатели, 8,0% низкие показатели. Такие студенты основным источником развития своей личности, регулятором достижений и успехов считают только себя. Они переживают собственное «Я» как внутренний стержень, который координирует и направляет всю активность, организует поведение и отношения с людьми, делает их способными прогнозировать свои действия и последствия, возникающие из контактов с окружающими. Они чувствуют себя способными сопротивляться внешним воздействиям, сопротивляться судьбе и стихии событий. Им присущий контроль над эмоциональными реакциями и переживаниями относительно себя.

Что касается шкалы «отраженное самоотношение», то 28,6% студентов имеют высокие показатели, 60,6% средние показатели, 10,6% низкие показатели. Преобладание средних показателей в ответах студентов, означают избирательное восприятие ими отношение окружающих к себе. С их точки зрения, позитивное отношение окружающих распространяется только на определенные качества, на определенные поступки. Другие личностные проявления способны вызвать у них раздражение и неприятие.

По результатам набранными по шкале «самоценность», 74,0% студентов имеют высокие показатели, 17,3% средние показатели, 8,6% низкие показатели. Итак, большинство студентов достаточно высоко оценивает свой духовный потенциал, богатство своего внутреннего мира. Они склонны воспринимать себя как индивидуальность и высоко ценить собственную неповторимость. Уверенность в себе помогает им противостоять воздействиям среды, рационально воспринимать критику в свой адрес.

По шкале «самопринятие», 48,6% опрошенных имеют высокие показатели, 40,6% средние показатели, 10,6% низкие показатели. Следовательно, такие студенты характеризуются склонностью воспринимать все стороны своего «Я», принимать себя во всей полноте поведенческих проявлений. Общий фон восприятия себя положительный. Они часто испытывают симпатию к себе, ко всем качествам своей личности. Свои недостатки считают продолжением достоинств. Неудачи, конфликтные ситуации не дают основания для того, чтобы считать, себя плохим человеком. Относительно шкалы «самоплив'язанистъ», 20,6% респондентов имеют высокие показатели, 57,3% средние показатели, 22,0% низкие показатели. Преобладание средних показателей указывает на избирательность в отношении студентов к своим личностным свойствам, стремление к изменению лишь некоторых своих качеств при сохранении других.

По шкале «внутренняя конфликтность», 40,0% студентов имеют высокие показатели, 51,3% средние показатели, 8,6% низкие показатели. Следовательно, в таких студентов характерно отношение к себе и установка видеть себя зависит от степени адаптированности в ситуации. В привычных для себя условиях, особенности которых хорошо знакомы и прогнозируемые, наблюдаются положительный фон отношения к себе, признание своих достоинств и высокая оценка своих достижений. Неожиданные трудности, возникающие дополнительные препятствия могут способствовать усилению недооценки собственных успехов.

Что касается результатов по шкале «самообвинения», то 18,0% студентов соответствуют высокому показателю, 48,0% среднем 34,0% низкому. Такие показатели свидетельствуют о избирательное отношение студентов к себе. Обвинение себя за те или иные поступки и действия сочетается с выражением гнева, досады в адрес окружающих.

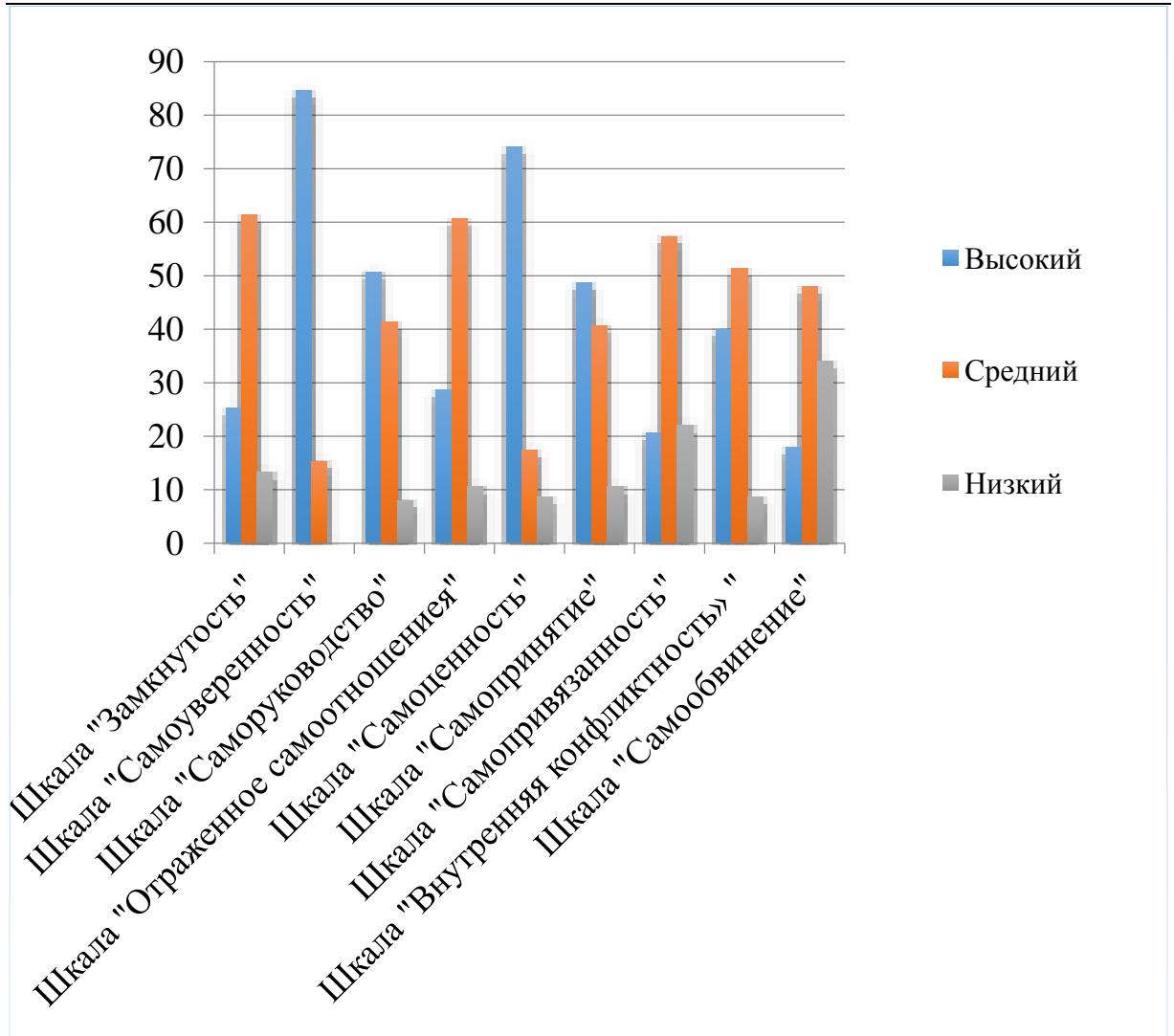

Рис. 1 Самоотношение студентов университета

Относительно методики А. Карпова, В. Пономаревой на определение индивидуальной степени проявления рефлексивности нами было выявлено, что 62,6% студентов имеют высокий уровень рефлексивности, 30,0% студентов следует отнести к среднему уровню рефлексивности, другие 7,3% имеют низкий уровень рефлексивности «см. рис. 2».

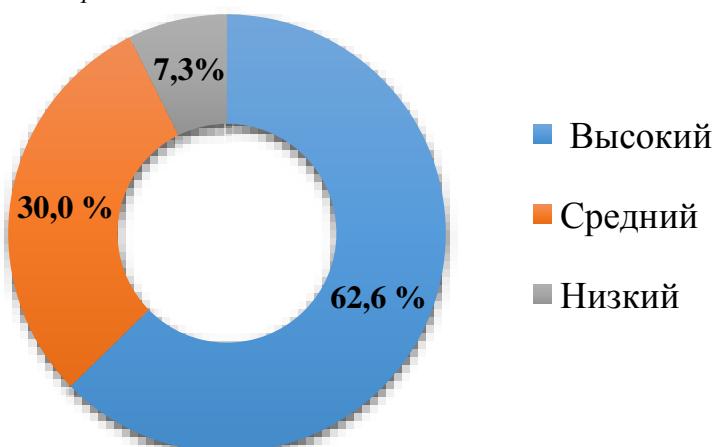

Рис. 2 Уровень рефлексивности студентов университета

Полученные результаты свидетельствуют о склонности студентов к анализу собственной деятельности, а также поступков других людей, выяснения причин и следствий своих действий как в прошлом, так в настоящем и в будущем. Такие студенты могут планировать свои действия и прогнозировать их возможные последствия, способные принимать нестандартные решения, приводящие к эффективному решению поставленной задачи.

Проведенное экспериментальное исследования позволило определить уровни сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета: *высокий, средний, низкий*.

Высокий уровень сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета отмечается тогда, когда студенты умеют согласовывать свои действия с действиями окружающих и осуществлять эмоционально-волевую регуляцию поведения и самоконтроль. Им также свойственна развитая рефлексия, они способны к пониманию и ощущение силы собственного «Я». Склонны к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и произошедших событий. Такие студенты могут планировать свои действия и прогнозировать их возможные последствия, способные принимать нестандартные решения, приводящие к эффективному решению поставленной задачи. Студенты также понимают мировоззрение, характер, мотивы и эмоциональное состояние других людей.

Средний уровень сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета характеризуется недостаточно развитыми навыками саморегуляции. Такие студенты испытывают трудности в понимании и ощущение силы собственного «Я». Рефлексивные процессы могут носить нерегулярный характер, а рефлексивный анализ осуществляться поверхностно. Не всегда понимают мировоззрение, характер, мотивы и эмоциональных состояния других людей.

Низкий уровень сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета присущий студентам у которых отсутствуют навыки самоконтроля и саморегуляции поведения. Они характеризуются несформированностью личностной рефлексии. Студенты как правило, испытывают трудности с планированием своей деятельности, склонны к шаблонному мышлению, не проявляют способности к анализу совершенных ошибок в прошлом, не умеет использовать приобретенный положительный или отрицательный опыт в преодолении сложных ситуаций. Не понимают мировоззрение, характер, мотивы и

эмоциональное состояние других людей. Они равнодушны к эмоциональным состояниям других людей, не уважают их человеческое достоинство.

Выводы. Результаты изучения уровня сформированности рефлексивного компонента корпоративной культуры студентов университета дают основания утверждать, что в студенческом возрасте развитие рефлексии, то есть самопознания в виде размышлений над собственными переживаниями, ощущениями и мыслями обуславливает критическую переоценку ранее сложившихся ценностей и смысла жизни с возможностью их изменения и дальнейшего развития. Формирование рефлексивных способностей в студенческие годы тесно связано с развитием автономии, самостоятельности, ответственности в различных сферах жизни личности.

Следует отметить, что рефлексивный компонент корпоративной культуры студента определяется умением личности устанавливать причинно-следственные объяснения своих состояний, мыслей, желаний, овладение механизмами эмпатии и толерантности, направленной на продуктивное межличностное взаимодействие основанное на морально-этических принципах, способности рассматривать рефлексию как важный компонент психологической культуры, регулировать ситуацию к взаимодействию, представлять себя со «сторонами» и с «внутреннего мира» относительно своих чувств, мыслей, координации согласованных взаимодействий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Brovko K. A., Ternopilska V. I. Corporate culture of personality: psychological aspects // Topical issues of contemporary science: Collection of scientific articles. – C.E.I.M., Valencia, Venezuela, 2017. – PP. 176–178.
2. Бровко К. А. Вплив куратора академічної групи на формування корпоративної культури студентів / К. А. Бровко // «World Science». – Warsaw: RS Global Sp. z O.O. – 2018. – Vol.5, March № 3(31). – С. 16–20.
3. Желанова В. В. Таксономія типів професійної рефлексії педагога: міждисциплінарний контекст / В. В. Желанова // Педагогічна освіта: теорія і практика. Психологія. Педагогіка. – 2017. – № 27. – С. 9–14.
4. Сластенин В. А. Рефлексивная культура учителя как субъекта педагогической деятельности / В. А. Сластенин, В. К. Елисеев // Педагогическое образование и наука. – 2005. – № 5. – С. 37–42.
5. Словник іншомовних слів [Текст] / за ред. О. С. Мельничук. – К. : Голов. ред. УРЕ, 1985. – 966 с.

VOLLEYBALL AS A METHOD OF MYOPIA PREVENTION OF 5-8 GRADES CHILDREN**Kondratska G.***Doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of sports and tourism
Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University***Budinkevich S.***Senior Lecturer in the Department of Sports and Tourism
Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University***Matieshin I.***Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Education
Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University***Abstract**

The purpose of the study is to disclose the methods of volleyball as means of myopia prevention of 5-8grades children.

Materials and methods. The experiment involved 440 children of 5-8 grades of Drohobych Lyceum № 3named after Ivan Chornovil and Drohobych Lyceum № 4 named after Lesya Ukrainska. Before the experiment , childrens' eyes were checked with the help of the table by Sivtsev and Landolt and they were consulted with an ophthalmologist. The results of the study show that 75 (33%) of the surveyed students have myopia of vision, 24 (32%) of them have mild myopia. As a method of vision prophylaxis for children with low degree of myopia, we chose volleyball.

Results. The results of the study show that in 5 children of the experimental group (up to 3 diopters), this (20.8%) vision improved, in 2 (8%) children a slight deterioration was observed and in 17 (70%) vision remained unchanged. There was a strengthening of the retina and focusing reflection, which had a positive effect on myopia of children.

Conclusions. Volleyball for students is one of the means of preventing low-grade myopia. Therefore, the treatment is long lasting, it has almost no negative effects and is safe and beneficial for the eyes and the body as a whole. The proposed method of playing volleyball has its advantages, namely: the exercise can be performed for a long period, each successive series, performed without falling the ball, will lead to the improvement of the performance of the techniques of volleyball, which will affect the strengthening of the retina and focusing the display, which will bring moral satisfaction and strengthening the body as a whole.

Keywords. volleyball, myopia, technique, children, 5-8 grades

Introduction

Visual impairment is one of the common problems in the child's environment. Information space at school age quickly captures children, which negatively affects the formation of the retina. Myopia is a defect of vision, namely the ability to better see objects close and poorly see them from afar. Among the common causes of myopia are: genetic predisposition, complications after illness, trauma, increased load on the eyes, improper working conditions, lowered immunity. The following factors will also have an adverse effect on the power supply of the eye, such as prolonged work on gadgets, slow-moving lifestyles, long indoors, over-watching TV and movies, gaming on computers and telephones, non-compliance with hygiene requirements, violation of the basics of rest, poor diet and drinking of children.

About 30% of people on our planet have myopia. The diagnosis of myopia can be made at any age. It is known that myopia is a relatively high percentage of myopia, namely about 250,000 and tends to progress myopia. It has also been found that with a low degree of myopia (up to 3 diopters), sports are allowed, while a moderate degree of myopia (3 to 6 diopters) can be exercised with moderate intensity, but there are some limitations. For example, when choosing the means of physical education from the school program, it is proposed to remove jumps higher than 1.5 m, as well as exercises that require a long physical activity. With a diagnosis of high-grade short-sightedness (6 diopters

and more), at the recommendation of a doctor, students can be exempt from physical activity or exercise in the rehabilitation department.

Thus, the display of focusing on the retina depends on the physiological features of the eye lengthening the eyeball or altering the curvature of its optical system. The physiology of the eye requires constant control over vision. Vision has the ability to deteriorate under different conditions and circumstances.

We found that a team of scientists, namely Bourne R.R., Stevens G.A., White R.A., Smith J.L., Flaxman S.R., Price H.l. in their research, they describe the causes of visual impairment worldwide 1990-2010. Also the prevalence of short-sightedness among members of society, high myopia and current tendencies to address these issues were investigated by Holden B., Fricke T.R., Wilson D.A., Jong M., Naidoo K.S., Sankaridurg P.

In our opinion, the research conducted by Dr. William Bates of New York (2013) forces us to rethink the causes, as well as the treatment and prevention of vision defects. Experts have found that vision defects usually occur not only because of irreversible changes in the shape of the eye, but usually due to functional disorders, which in most cases can be corrected by available, natural treatments without wearing glasses.

We have found out that scientists Budinkevich S.N., Chepelyuk A.V. (2011), Ermakov V. P. (1990), exploring myopia among children and young people,

found the reasons for its spread: low motor activity, lack of outdoor exercise. V. Murza's (2005) suggestions for strengthening the optical system of the eye and training the cervical muscle consist in the use of exercise with objects.

In our opinion, the recommendations of U. Ostermeier-Sitkovski (2009), which offers an effective means of preventing myopia - systematic occupation by special exercises and adherence to the norms of a healthy lifestyle, are correct. According to the researchers, this approach prevents and stabilizes the development of myopia in school-age children.

We believe that health and life are interconnected components of a child's success, and therefore have taken into account WHA66.4. Universal Eye Health Revealing the Global Action Plan 2014-2019 on Approaches to the Prevention of Vision (2013). Exploring the problem of the development of myopia in school children age, we have found that their prevention tools that have a positive effect on the quality of life and health of adolescents and, namely: Wong H.B., Machin D., Tan S.B., Wong T.Y., Saw S.M. (2009) offer a means of preventing myopic vision systematically exercise complexes; Jones L.A., Sinnott L.T., Mutti D.O., Mitchell G.L., Moeschberger M.L., Zadnik K. (2007), Morgan I.G., Xiang F., Zeng Y., Mai J., Chen Q., Zhang J. (2014) busy outdoor sports can prevent the short-sightedness of schoolchildren; they are also supported by Wu P.C., Tsai C.L., Wu H.L., Yang Y.H., Kuo H.K. (2013) and recommend outdoor pursuits and use exercises with subjects that require concentration of gaze .

Thus, it was found that physical education and sports contribute to solving the problem of short-sightedness in schoolchildren, because the number of negative habits increases in students of 5-8 grades: the time spent in the open air decreases, the time of using a smartphone, a tablet, a sedentary lifestyle increases..

The purpose of the study is to disclose the method of volleyball as a means of preventing myopia in children 5-8 grades.

Materials and methods

Study participants

The pedagogical study involved 440 pupils of 5-8 grades of Jaroslav Chornovol Drohobych Lyceum # 3 and Lesya Ukrainka Drohobych Lyceum # 4, 75 (33%) of pupils have myopia of vision, 24 (32%) of them have low-grade myopia.

Organization of research

The following methods and techniques were used in the study: analytical review of literary sources (scientific, methodological and specialized literature), pedagogical observations and medical methods of vision control, Sivtsev and Landolt's tables, ophthalmologist consultations.

To explain and interpret the advantages and disadvantages of volleyball, pedagogical approaches were used to prevent the short-sightedness of pupils in grades 5-8: axiological, which allowed students to focus on the variability and significance of volleyball in their life activities; acmeological, which gave students the opportunity to explain information about myopia and human health; synergistic, which revealed the system of formation of motor activity through the game of volleyball, its importance for the self-organization of the regime of the student's day.

Pedagogical observations of pupils with myopia, made it possible to select exercises for direct ball transfer in both directions (imagination and motion simulation), which strengthens the retina and focuses the reflection; volleyball ball exercises that strengthen the eyeball; ball exercises to correct incorrect eye accommodation, using systematic and gradual loading methods, exercise variability, and the availability of instructional techniques to guide the transfer of the ball with direct assistance in both directions (imagination and motion simulations).

The study reported the following indicators: 75 (33%) students have myopic vision, 24 (32%) of them have low-grade myopia (up to 3 diopters) are allowed to exercise.

Statistical analysis

The calculation was performed according to the table of Sivtsev and Landolt for determination of diopters.

Research results

The results of the study show that volleyball in 5-8 grade children with short-sightedness is poorly performed at least 3 times a week in physical education lessons, adhering to principles (accessibility, consistency, individualization). This approach generates a strong interest in exercise, contributes to the stabilization and strengthening of vision.

We believe that volleyball creates a concentration of gaze on an approaching and distant ball, or is located to the left and right of the subject, and many children can be involved at the same time. We believe that the factors that also develop peripheral vision (on partner, opponent, grid) should be taken into account when playing volleyball.

To solve these tasks, we select exercise for volleyball, taking into account the physical activity and emotional saturation of students in grades 5-8. To prevent short-sightedness in 5-8 grade children, constant vision control is required as children are active participants in the educational process in physical education classes and extracurricular activities.

Therefore, in the first stage of the study we conducted a survey and found 24 (32%) students with weak (see table 1).

Table 1**The results of vision test 5-8 grades children of the experimental group using the table Sivtsev and Landolt at the first stage of the study**

1. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,4}{0,5}$	2. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,4}{0,4}$	3. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,5}$
4. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,75}$	5. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,6}$	6. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,4}$
7. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,75}$	8. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,6}$	9. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,4}$
10. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,4}{0,4}$	11. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,4}$	12. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,3}{0,4}$
13. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,45}{0,5}$	14. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,5}$	15. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,6}$
16. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,4}{0,5}$	17. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,4}$	18. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,5}$
19. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,6}$	20. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,5}$	21. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,5}$
22. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,5}$	23. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,4}{0,4}$	24. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,5}$

In the second stage of the study, the students of the experimental group played volleyball three times a week during physical education lessons.

According to the authors, pedagogical approaches were used to interest students of 5-8 grades to volleyball: axiological, which allowed students to focus on the variability and importance of volleyball values in their life activities; acmeological, which gave students the opportunity to explain information about myopia and human health; synergistic, which revealed the system of formation of motor activity through the game of volleyball, its importance for the self-organization of the student's day schedule.

In order to understand the essence of the proposed technique for improving vision, it is necessary to review the study of Dr. William Bates (2013). Doctor's research is related to the study of anatomy and physiology of the eye, accommodation, namely the ability to see near and far objects equally clearly. The experiments conducted by this researcher showed that the shape of the eye still changes in the process of accommodation, due to the action of the external muscles of the eyeball, which control the movement of the eye in all directions (sideways, upwards, downwards).

We believe that the principles of the construction of short-sightedness prevention of 5-8 grades children are systematic and gradual loadings, variability of physical exercises and availability of methodical techniques of the teacher for controlling the transfer of the ball with direct help in both directions (exercise in imagination and in imitation of movements).

We have proposed a step-by-step method of using exercise complexes to strengthen the retina and focus the display.

The authors recommended that the ball be re-

peated at least 15 times in succession, and that the duration of each exercise would increase. All exercises are performed with the maximum focus on the balls:

Step one is to perform ball gear in volleyball to strengthen the eyeball.

1. Running the ball with two hands into the court only with the help of brushes 50 times. Two-handed ball transfer from top to wall directly in front, up to 25 cm, to the left and to the right (distance from the wall 0.5 m) without turning the head 50 times. Close, squeeze eyelids and open as many as possible - 10 times - 2 reps.

2. Two-handed ball transfer above, alternating top-up transmission up to a maximum height of 7 meters and a height of 20 cm, from 50 to 80 times. Keeping the ball with two hands in the court only with the help of brushes from the sitting position on one leg and transferring the body weight to the other leg 20 reps. Close and relax eye muscles - 30 s - 2 reps.

3. Two-handed ball transfer from above (up to 0.5 m in height), then transfer to the target wall 4 m from 20 to 50 times. The next two-handed gear series is 20 to 50 times with two hands. Fast blinking eyelids - up to 30 times - 2 reps.

4. Two-handed ball transfer from the bottom to the wall upwards after bouncing off the court without lifting your head to look up and down 30-60 times. Close and relax eye muscles - 30 sec. - 2 reps.

5. Two-handed ball transfer from above, moving from the front line to the net and from the net to the front, the next series is performed from below - each series perform 4 reps. From the sideline, performing two-handed transfers from above, we move to the other sideline, the next series of transmissions below each series to perform 4 reps. Wide open and close eyes 15 times - 2 reps.

Step two - exercises to eliminate factors that lead to incorrect accommodation due to the work of the external muscles of the eye.

1. From the front line to throw the ball directly in front of you at a distance of 5-6 m. Jerk to the ball and carry out the two-handed transfer from above over catching the ball in the jump, throw the ball behind our head and take the ball with two hands from below, a series of 15 to 30 repetitions. We look at the window for 30 seconds - 2 reps.

2. Transfer the ball with two hands from top to the wall (2 m distance) to the target up to a height of 2 meters and transfer again to the left and to the right (distance between marks 1 m, (three marks form a triangle) from 15 to 30. The next series of two-handed gears follow the index finger: the hand is placed directly in front of it, moving it to the tip of the nose, and to the left. Two-handed ball transfer from below from below after bouncing off the floor 50 times. Hit the ball into the court, and then pass under the ball, which again strikes the court, passing the ball with two hands from below after rebounding from the floor (if possible, twice, thrice under the ball) 15 times. Close your eyes and round your eyes - 30 times - 2 reps.

4. Ball transfer in triples - two players are placed on the sideline lines and in turn forward the transfer to the partner in the middle, he in turn performs 15 times the transfer of the ball with two hands from above the head to the partner behind. After a series of gears, change of places and tasks. We look left up and right down and vice versa - 30 times - 2 reps.

5. Two-handed ball transfer from top to wall in turn, after passing run back to teammates, each performs 15 assists. The next series is performed with two hands from the bottom to the wall. Close and relax eye muscles - 30 sec. - 2 reps. To the left, to the right - 30 times - 2 reps.

Step three - exercises that stabilize and improve vision.

1. Transmissions in the top three - one is on the sideline, the other two - one after the other, face opposite (the first at a distance of 1-2 m, the second after him at a distance of 6-7 m). The one on the sideline performs an alternate transfer to the players: the neighbor who returns the ball to him and the away player. The series is repeated in 10 gears to each partner. After a certain period of time, change of places and tasks. Alternately blink left and right eye - 30 times - 2 reps.

2. Standing on the front line to hit the ball in the court directly in front of you then perform lying down, stand up and take the ball with two hands from below upwards (as far as possible to perform the exercise without a hit, after the upward transfer, we focus on lying 15- 30 reps). Eyeballs left and right 15 turns each way - 2 approaches.

3. Four children are placed on one side of the net (one meter away), throwing balls alternately (the throw may be either close to the attack line or closer to the front line) to a player who is on the other side of the net

and moves from the first zone to the fifth. He, in turn, performs a ball transfer with the provocation of the teammate who made the throw, after which they are pulled behind the front line by touching her hand with 4 series. Close and relax eye muscles - 30 sec. - 2 reps.

4. When lifting the chest to a sitting position 20-50 times (lie down and rise), perform the ball transfers with two hands from in front above . Lying on your back to blink and open your eyes as much as possible - 30 times - 2 reps.

5. Holding the ball in the abdomen with our arms outstretched, lifting it upwards, bending 20-50 times. In the bar a quick blink of 30 s. up to 60 sec. - 2 reps.

The number of gears and the number of repetitions of complexes increases as the performance of this technique increases.

At the end of the class, it is recommended to close your eyes and perform a range of exercises for the spine that promote proper posture and recovery of breathing (to represent the work of the muscles of the body).

The results of pedagogical observation and medical control of 5-8 grade students with mild myopia at the end of the academic year show that 5 students in the experimental group (up to 3 diopters), and this (20.8%) vision has improved, in 2 (8%) children slight deterioration and in 17 (70%) vision remained unchanged. As a result of the examination and consultations with the ophthalmologist, pupils in grades 5-8 with mild myopia had a strengthening of the retina and focusing of the reflection, which had a positive effect on myopia in children.

Discussion of research results

Children's learning activities tend to be impaired due to negative habits. Also a sedentary lifestyle, prolonged stay in the premises (at school, at home), constant tension and psychological stress leads to overload on the eyes. Ball exercises stabilize the accommodation of the eyeball, the optical focus of the eye system. In our opinion, the result of volleyball is the need to relax the oblique and strengthen the direct muscles of the eye.

Our method of volleyball has its advantages: in the course of the game you can involve an unlimited number of children, playing volleyball is safe and useful for the eyes and the body as a whole, each subsequent series of exercises performed without dropping the ball will lead to the improvement of volleyball techniques and will help stabilize and strengthen the eyesight, improve blood supply to the eye, strengthen the retinal vessels, protect the eye from fatigue, strengthen the upper wall of the eye.

We have discovered the prevention of vision by the means of volleyball as a long process in physical education. In the second stage of the study (see Table 2), the results of a survey of students in grades 5-8 with a mild degree of myopia reflect small but positive changes in strengthening the retina and focusing the reflection.

Therefore, volleyball games can be recommended for the prevention of myopia.

Table 2**The results of vision test of 5-8 grades children of the experimental group using the table Sivtsev and Landolt at the second stage of the study**

1. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,4}{0,5}$	2. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,5}$	3. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,6}$
4. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,75}$	5. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,6}$	6. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,4}$
7. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,7}$	8. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,6}$	9. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,6}$
10. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,4}{0,4}$	11. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,4}$	12. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,3}{0,4}$
13. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,45}{0,5}$	14. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,5}$	15. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,6}$
16. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,4}{0,5}$	17. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,4}$	18. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,45}$
19. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,75}$	20. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,5}$	21. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,6}{0,5}$
22. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,5}$	23. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,4}{0,4}$	24. Vis $\frac{OD}{OS} = \frac{0,5}{0,5}$

Our study has led us to argue that the recommended technique using the transfer of the ball in volleyball strengthens the eyelid muscle and, at the same time, improves the overall physical condition of students in grades 5-8.

The constant and systematic use of volleyball effectively affects the physical education of children in grades 5-8, namely, preserving, improving and stabilizing students' health and vision.

Conclusions

We believe that volleyball for students of grades 5-8 is one of the means of preventing low grade myopia. Therefore, the treatment is long lasting, it has almost no negative effects and is safe and beneficial for the eyes and the body as a whole. The developed method takes into account pedagogical principles and approaches to the use of volleyball in physical education lessons, which directly influences the strengthening of the retina and focusing of reflection and brings moral satisfaction and improvement of the level of physical training of children.

The use of exercise (tennis, table tennis, badminton) during the educational process at school will be one of the means of preventing myopia.

Conflict of interests The authors declare no conflict of interest.

REFERENCES:

- Bourne RR, Stevens GA, White RA, Smith JL, Flaxman SR, Price H et al. (2013) Causes of vision loss worldwide, 1990-2010: a systematic analysis. Lancet Global Health.; 1: e339 – e349.
- Holden B, Fricke TR, Wilson DA, Jong M, Naidoo KS, Sankaridurg P et al. Global prevalence of myopia, high myopia, and temporal trends from 2000 to 2050 (in preparation).
- Resolution WHA66.4. Universal eye health. A global action plan 2014–2019. In: Sixty-sixth World Health Assembly, Geneva, 20–27 May 2013. Resolutions and decisions, annexes. Geneva: World Health Organization; 2013: 5 (WHA66/2013/REC1; http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA66-REC1/WHA66_2013_REC1_complete.pdf).
- Wong HB, Machin D, Tan SB, Wong TY, Saw SM. (2009) Visual impairment and its impact on health-related quality of life in adolescents. Am J Ophthalmol.; 147: 505–11.
- Jones LA, Sinnott LT, Mutti DO, Mitchell GL, Moeschberger ML, Zadnik K. (2007) Parental history of myopia, sports and outdoor activities, and the future of myopia. Invest Ophthalmol Vis Sci.; 48: 3524–32.
- Wu PC, Tsai CL, Wu HL, Yang YH, Kuo HK. (2013) Outdoor activity during class recess reducing myopia onset and progression in school children. Ophthalmology; 120: 1080–5.
- Morgan IG, Xiang F, Zeng Y, Mai J, Chen Q, Zhang J et al. (2014) Increased outdoor time reduced incident myopia - the Guangzhou outdoor activity longitudinal study. Invest Ophthalmol Vis Sci ; 55: 1272
- SN Budinkevich, AV Chepelyuk (2011) Volleyball as one of the means of improving the vision of students diagnosed with mild myopia in special medical groups. Scientific journal of the National Pedagogical University named after M.P. Drahomanov. Series No. 15 "Scientific and pedagogical problems of physical culture / Physical culture and sports /" 36. Scientific works / ed. AHEM. Arzyutova. - K .: Publishing House of the NPU named after M.P. Drahomanov, Issue 13. 60-63

9. VP Ermakov (1990) Development, Training, and Restoration of Children with Visual Impairments: [Reference manual for the teacher] M.: Prosvechenie, 223.
10. Murza VP (2005): Psychological and physical rehabilitation [textbook] Olan, 544-545.
11. William Bates (2013) Better eyesight without glasses / Per. with English. I. Head. 100. - 346 .ISBN 978-5-518-94256-1.
12. Ostermeir-Sitkovsky ears (2008) How to improve vision; translation from German. Kharkov, Belgrade; 173

FORMATION TECHNOLOGY OF INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS AS A BENCHMARK FOR INCLUSIVE LEARNING JUNIOR PUPILS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

Chupakhina S.

*Candidate of pedagogical sciences (PhD),
Associate Professor Department of theory and methodology of preschool and special education
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ukraine*

ТЕХНОЛОГІЯ ФОРМУВАННЯ ІНФОРМАЦІЙНО-КОМУНІКАЦІЙНОЇ КОМПЕТЕНТНОСТІ МАЙБУТНІХ УЧИТЕЛІВ ЯК ОРІЄНТИР НА ІНКЛЮЗИВНЕ НАВЧАННЯ МОЛОДШИХ ШКОЛЯРІВ З ОСОБЛИВИМИ ОСВІТНІМИ ПОТРЕБАМИ

Чупахіна С.В.

*кандидат педагогічних наук,
доцент кафедри теорії та методики дошкільної і спеціальної освіти,
ДВНЗ «Прикарпатський національний університет імені Василя Степаніка», Україна*

Abstract

The content and form of work to improve the information and communication competence of future teachers to accomplish tasks of inclusive education of children with special educational needs have been characterized in the article. It is proved that the increase of information and communication competence of the applicants involves a step-by-step approach beginning from the basic level.

The prerequisite for the effectiveness of the learning process is the motivation of applicants, making a decision to improve the level of competence in the field of information and communication technologies. Therefore, the main task is to develop the motivation in prospective teachers to use information and communication technologies in the conditions of inclusive primary school educational environment, value orientations, orientation in the content of information and communication technologies.

Анотація

У статті обґрунтовано зміст та форма роботи з підвищення інформаційно-комунікаційної компетентності майбутніх учителів задля реалізації завдань інклюзивного навчання дітей з особливими освітніми потребами.

Доведено, що підвищення інформаційно-комунікаційної компетентності здобувачів передбачає поетапність, починаючи з базового рівня. Необхідно передумовою ефективності процесу навчання стає вмотивованість здобувачів, прийняття рішення щодо підвищення рівня компетентності в сфері інформаційно-комунікаційних технологій. Отож основним завданням є формування у здобувачів мотивації до використання інформаційно-комунікаційних технологій в умовах інклюзивного освітнього середовища початкової школи, системи ціннісних орієнтацій, орієнтація у змісті інформаційно-комунікаційних технологій.

Keywords: information and communication technologies, information and communication competence, training of applicants, inclusive learning, children with special educational needs.

Ключові слова: інформаційно-комунікаційні технології, інформаційно-комунікаційна компетентність, підготовка здобувачів, інклюзивне навчання, діти з особливими освітніми потребами.

Вступ. Інформатизація сучасної освіти порушує проблему підготовки здобувачів – майбутніх учителів початкової школи до використання в професійній діяльності інформаційних і комунікаційних технологій. Важливість вирішення завдання з підготовки здобувачів вищої педагогічної освіти, перетворення їх в компетентних користувачів вирішується на різних етапах навчання. Однак в сучасних умовах педагогу недостатньо бути лише користувачем, важливо також оволодіти вміннями, які дозволяють використовувати інформаційні та комунікаційні технології для навчання інших задля

підвищення індивідуалізації та інтерактивності освітнього процесу в умовах інклюзії. Задля включення різноманітних доцільних інформаційно-комунікаційних технологій (ІКТ) в освітній процес вчителю важливо оволодіти відповідними педагогічними техніками і технологіями.

Мета дослідження полягає в обґрунтуванні технології підготовки вчителів до реалізації інклюзивного навчання в умовах інформаційно-комунікаційного освітнього середовища.

Результати та обговорення: Поняття «технологія» багатозначне. В пропонованому дослідженні

технологія визначається як процес досягнення певних результатів зміни вихідного стану об'єкта за допомогою використання сукупності методів, засобів і способів, властивих конкретній галузі діяльності [5]. Для розробки технології важливо об'єднати в одну систему мету, завдання, методи навчання, способи засвоєння змісту, умінь з формами навчально-пізнавальної діяльності, способами контролю, самодіагностики й корекції засвоєння структурованого навчального матеріалу [2].

Уесь зміст та форма роботи з підвищення інформаційно-комунікаційної компетентності (ІКК)

педагога задля реалізації завдань інклузивного навчання дітей з ООП побудовано на діагностиці їхніх потреб і запитів. Традиційно мета діагностики – простежити й об'єктивно проаналізувати взаємозв'язок між діяльністю вчителя та результатом його праці [6].

Анкетування, співбесіда з педагогами, аналіз матеріально-технічної бази і особливостей діяльності в умовах інклузивного освітнього середовища доводить необхідність змін, спрямованих на підвищення рівня підготовки фахівців.

Отож визначено низку завдань щодо підвищення ІКК майбутніх учителів (рис.1).

Рисунок 1. Завдання підвищення ІКК майбутніх учителів початкової школи

Аналіз результатів анкетування засвідчив, що педагогам, здебільшого складно усвідомити необхідність використання ІКТ у навчанні дітей з ООП, причини цього стали:

- проблема комп'ютерної тривожності (розуміється тривога та страх, які пов'язано із взаємодією з комп'ютером в освітньому процесі);
- низький рівень мотивації, який пов'язано з відсутністю досвіду до використання ІКТ (роздінні вивчати нові технології завжди важко; відсутність доступу до комп'ютера вдома чи на роботі.);
- складно усвідомити необхідність використання ІКТ в інклузивному навчанні дітей з ООП (важливо розуміти, що змінився соціальний запит на освіту);
- підготовка здобувачів у сфері ІКТ (навчання майбутніх педагогів у сфері ІКТ не має дублювати навчання вчителів інформатики, важливими стають компетентності, які можна використовувати в практичній діяльності) [5].

Для формування ІКК запропоновано певний інструментарій (методи і форми навчання) освіти дорослих, які будемо застосовувати під час ор-

ганізації підготовки в межах курсу «Сучасні інформаційні технології з основами інформатики та програмування».

У сучасній дидактиці прийнято виділяти: методи організації навчально-пізнавальної та навчально-виробничої діяльності (розвідь, пояснення, лекція, навчальна дискусія, диспут, робота з інтернет-ресурсами, практична діяльність, демонстрація, спостереження тощо); методи стимулювання та мотивації навчально-пізнавальної діяльності (створення проблемної ситуації, евристична бесіда, показ перспективи роботи, «методика успіху», пошук нового вирішення проблеми, створення атмосфери співпраці); методи контролю (усний, письмовий, лабораторний, практичний, тестування тощо) і самоконтролю в процесі навчання. Водночас виділено типові компоненти діяльності викладача: вмотивована установка; визначення змісту й основних компонентів діяльності здобувача; навчальна діяльність; керівництво пізнавальною діяльністю здобувача; корекція; рефлексія [3].

Особливістю вищої освіти задля реалізація особистісного підходу на початковому етапі навчання стає: перед початком викладу матеріалу, пояснення здобувачам того, що вони будуть вивчати і як вони зможуть застосовувати знання в практиці,

оскільки задля підвищення мотивації надзвичайно важливо бачити кінцеву мету свого навчання [6].

Важливо обґрунтувати, що ресурси ІКТ – це універсальний інструмент, здатний істотно полегшити процес та підвищити результати професійної діяльності в межах будь-якої традиційної технології навчання. З урахуванням означених підходів розроблено методичне забезпечення курсової підготовки, яка розкриває аспекти застосування засобів ІКТ в межах різних технологій навчання дітей з ООП [4].

Методи, які застосовували під час проектування курсу «ІКТ в інклюзивному навчанні учнів з ООП».

1. Розповідь-пояснення – комплексний метод, який поєднує виклад навчального матеріалу з грунтовним поясненням, порівняння, зіставлення, обґрунтування, висновки й опора на досвід здобувачів. Доцільним стає комп’ютерний супровід заняття в демонстраційному режимі.

2. Лекція – викладач впроваджував тривалого часу викладає навчальний матеріал, використовуючи при цьому прийоми активізації пізнавальної діяльності здобувачів, використовує комп’ютерну презентацію, яка містить різноманітні інформаційні об’єкти: фотографії, схеми, діаграми, відеофрагменти, анімації тощо. Все це сприяє активізації уваги, якіснішому викладу нового матеріалу, сприяє зануренню здобувачів в освітній простір інформаційно-комунікаційного середовища.

3. Діалог – шляхом запитань викладач спонукає здобувачів розмірковувати, аналізувати досліджувані факти та явища в певній логічній послідовності та самостійно підходити до відповідних теоретичних висновків і узагальнень. Під час діалогу важливо дотримуватись логічного плану, запитання і відповіді мають відображати послідовність розвитку теми.

4. Практична робота з інформаційними джерелами (тексти, електронні видання освітнього призначення, що реалізує можливість технології мультимедіа, робота в умовах Інтернет/Інтернет-ресурси тощо) і з інструментальним програмним забезпеченням (для створення презентацій).

5. Дослідницька лабораторна робота – здобувачі під керівництвом викладача за заздалегідь підготовленим планом виконують певні практичні завдання, які спрямовано на формування низку умінь здійснювати: автоматизацію обчислювальної та інформаційно-пошукової діяльності; організацію дослідження з використанням засобів ІКТ для навчання дітей з ООП; обробка інформації під час спостереження чи дослідження процесів розвитку молодших школярів з наступним прогнозуванням результатів роботи в умовах інклюзивного освітнього середовища початкової школи. У процесі пропонованої діяльності здобувачі навчаються використовувати нові підходи до викладу добре знайомого матеріалу, а також засвоюють технологічні прийоми роботи із засобами ІКТ. Пропоновані лабораторні роботи за методом програмованих завдань, є дидактичним способом організації проблемного навчання.

Проблемне навчання – це приклад технології навчання у співпраці. Під проблемним навчанням розуміється така організація заняття, в процесі яких у здобувачів формується ІКТ-компетентність, розвиваються розумові здібності в результаті вирішення проблемної ситуації, підготовленої викладачем. Роботу побудовано навколо ключових проблем інклюзивного навчання дітей з ООП, виділених викладачем. Відтак проблема попередує знанням, спонукає здобувачів до пошукової діяльності і знаходить потрібну інформацію, отримувати знання з різних джерел [2].

Проблемне навчання є одним з найефективніших засобів активізації процесів мислення. Зміст активності полягає в умінні аналізувати матеріал і здатності оперувати ним так, щоб отримати нову інформацію.

6. Самостійна робота – самостійна діяльність здобувачів за запропонованим йому завданням у виділений для цього час. Особливого значення набуває самостійна робота здобувачів (застосування засобів ІКТ, наявних у закладі освіти чи вдома).

Іншим різновидом навчання у співпраці та самоосвіти є метод проектів. Метод проектів – це комплексний метод навчання, що передбачає побудову навчального процесу з урахуванням інтересів здобувачів. Водночас майбутні вчителі навчають проявляють самостійність у плануванні, організації та вмінні контролювати власну навчально-пізнавальну діяльність. Досягненням методу проектів є те, що результатом спільної групової діяльності здобувачів стають не лише нові знання, а створений навчальний продукт, матеріальний результат їхної праці.

Проекти – це діяльність здобувачів, який має творчу, навчальну, ігрову складові, реалізується за допомогою комп’ютерних технологій. Водночас використовується дослідницький метод навчання, а самі комп’ютерні технології стають і предметом вивчення, і інструментом пізнання [2].

Кожен модуль дисципліни передбачає виконання міні-проекта. В межах методу проектів здобувачі працюють в командах з метою дослідження шляхів вирішення проблем з реального світу, створення презентації отриманих результатів, обробки знайденої інформації і даних та презентація їх партнерам. У порівнянні з навчанням, пропонований метод ефективніший оскільки: підвищує рівень знань навчального матеріалу, самоконтроль та мотивацію до навчання, формує дослідницькі навички та вміння знаходити шляхи вирішення проблем.

Задля формування ІКТ-компетентності здобувача програмою курсу передбачано створення електронного портфоліо вчителя як форма інтернет-підтримки його діяльності в умовах інклюзивного освітнього середовища початкової школи. Кожен вчитель в процесі професійного зростання створює навчально-методичний пакет (портфоліо вчителя). Портфоліо включає опис та вказівки до практичної роботи, методичні матеріали та рекомендації, які забезпечують виконання запропонованих завдань,

матеріали для атестації та самоаттестації, дослідницьку та творчу роботу.

Використання електронного портфоліо дозволяє урізноманітнити діяльність вчителя, зробити навчання більш особистісно зорієнтованим і індивідуалізованим, забезпечити змістовну online взаємодію вчителів з різних закладів та навіть країн.

Отож виникала необхідність в якісно іншій підготовці майбутніх учителів, яка поєднує фундаментальність професійних базових знань з інноваційністю мислення та практико-орієнтованим, дослідницьким підходом до вирішення конкретних освітніх проблем (рис.2) [1].

Рисунок 2

Завдання щодо підготовки майбутніх учителів початкової школи в умовах інформатизації освіти

Задля виявлення підвищення ІКК майбутніх учителів в процесі навчання використовували метод самооцінки та самодіагностики здобувачів [6]. Процес організації самооцінки та самоаналізу ІКК, передбачає врахування низки умов (рис. 3).

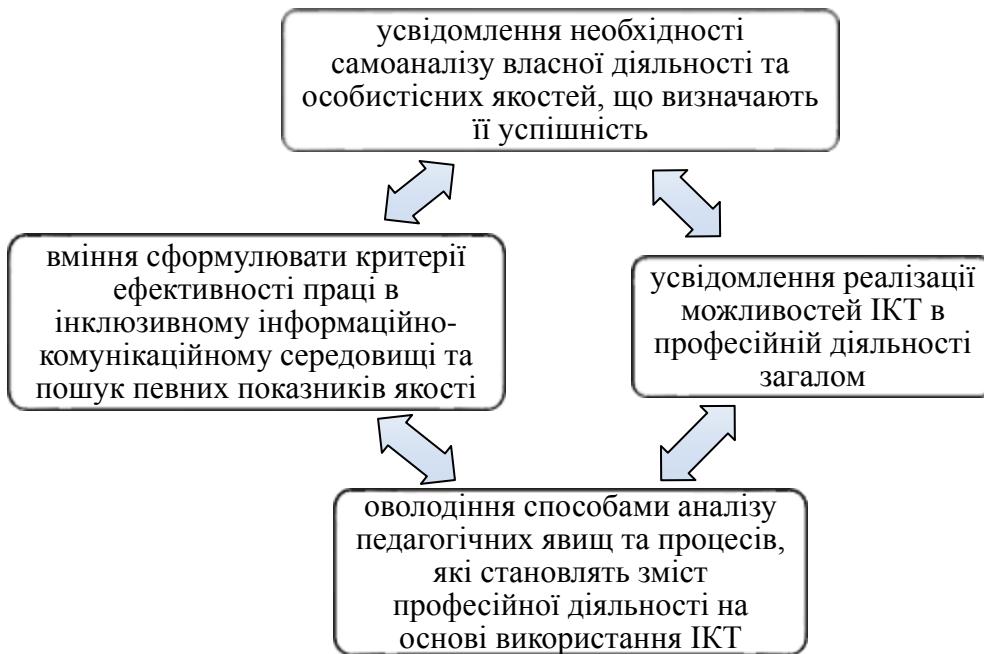

Рисунок 3 Умови організації самоосвіти та самоконтролю з підвищення ІКК здобувачів вищої освіти

За результатами самодіагностики здобувачам пропонували обґрунтувати залежність педагогічної діяльності від рівня розвитку ІЦК і виділити тенденції оптимізації взаємодії з учасниками освітнього процесу на основі ІКТ.

Результатом означеної підготовки стає досягнення оптимального рівня потреб в формуванні

ІКК та підвищується особистісна мотивація до навчання.

Організація системи контролю процесу формування ІКК майбутніх учителів передбачала низку етапів (рис. 4).

Рисунок 4 Система контролю процесу формування ІКК майбутніх учителів початкової школи

Дослідники з корпоративної психології, виділяють п'ять рівнів компетентності: некомпетентність, компетентність, яка формується, компетентність, висока компетентність, компетентність, яка транслюється [3].

Задля оцінки рівня навченості здобувачів використовувати ІКТ в інклюзивному навчанні визначено низку критеріїв (рис.5).

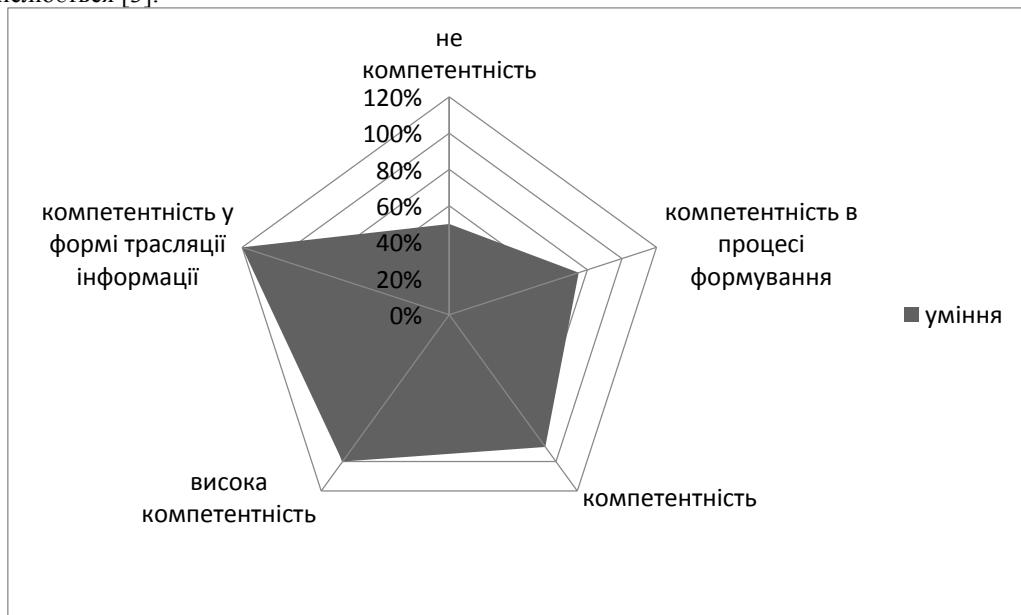

Рисунок 5 Критерії оцінки рівня навченості здобувачів щодо використання ІКТ в інклюзивному навчанні

Відтак з вищеозначеного стає зрозуміло, що підвищення ІКК здобувачів передбачає поетапність, починаючи з базового рівня. Необхідна передумова ефективності процесу навчання – це вмотивованість здобувачів, прийняття рішення щодо підвищення рівня компетентності в сфері ІКТ. Отож основним завданням стає формування у здобувачів мотивації до використання ІКТ в умовах інклюзивного освітнього середовища початкової школи, системи ціннісних орієнтацій, орієнтація у змісті ІКТ – вмотивованість – забезпечує рівень компетенності.

Загальну програму підготовки «Сучасні інформаційні технології з основами інформатики та програмування» складено для всіх здобувачів першого (бакалаврського) рівня вищої освіти.

Оволодівши початковими навичками комп'ютерної грамотності, здобувачам запропоновано низку дисциплін за вибором. Під час розробки навчальних програм враховувалися індивідуальні запити здобувачів. Групи комплектували з урахуванням рівня компетентності здобувача (рис.6). Загальну програму складено для здобувачів першого (бакалаврського) рівня різних спеціальностей.

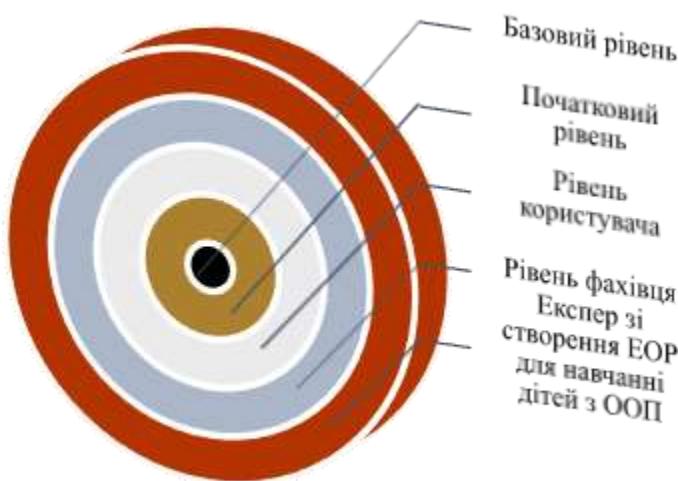

Рисунок 6 Рівні компетентності здобувачів першого (бакалаврського) рівня вищої педагогічної освіти.

На основі означеної програми складається індивідуальні маршрути з урахуванням запитів здобувачів для підготовки до діяльності в умовах інклюзивного освітнього середовища початкової школи. Проміжний контроль навчання має практико-орієнтований зміст, здобувачі виконують завдання щодо їх професійної діяльності. Практична робота виконується та захищається як проект, а також передбачає дидактичні матеріали, які використовувались під час практичної діяльності. Контроль оволодіння здобувачами компетентностями передбачає оцінювання технології портфолію.

Програма навчальної дисципліни «Медіадидактика» включає модуль «Електронні освітні ресурси (ЕОР) в корекційно-розвитковій роботі», який пройшов апробацію під час практичної підготовки здобувачів вищої педагогічної освіти в умовах інклюзивного освітнього середовища ПШ [7]. Означена підготовка належить до першого кластеру, відтак визначається як початковий рівень підготовки персоналу.

Програма навчальної дисципліни містить модуль «Інтерактивна дошка в освітньому процесі ПШ», який розроблена для підготовки здобувачів, реалізовувалася в межах спеціальності «Початкова освіта». Рівень підготовки майбутніх учителів визначався за базовою підготовкою як некомпетентність, відтак програма складалася з базового модуля та основного «Використання віртуальних лабораторій та інтерактивне обладнання». Результатом навчання стали відкриті навчальні заняття, практикуми, лабораторні заняття із залученням викладачів спеціальних дисциплін.

Успішний розвиток пропонованого проекту здебільшого залежить від підготовки здобувачів та рівня оволодіння ІКТ. Результати діагностики засвідчили, що 80% здобувачів першого (бакалаврського) рівня мають базовий рівень підготовки щодо інформаційних технологій, однак в умовах інклюзивного середовища закладу освіти важливим є оволодіння спеціальними ІКТ-компетентностями. Особливого значення набувають компетентності в межах вивчення низки взаємозалежних дисциплін (рис.7).

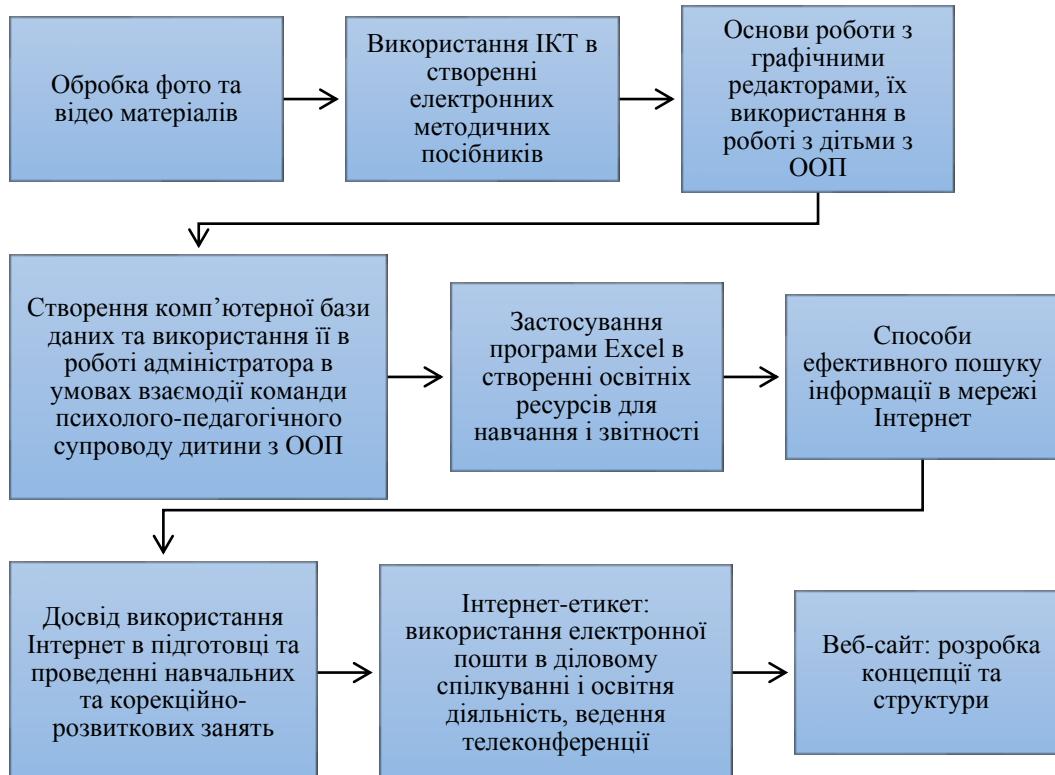

Рисунок 7 Спеціальні ІКТ-компетентності здобувача задля реалізації завдання інклюзивного навчання

Результатами навчання стали: відкриті навчальні заняття з використанням ІКТ для здобувачів вищої педагогічної освіти і викладачів; спільно з фахівцями проведення навчальних семінарів «Інформаційні технології в роботі спеціального педагога». «Електронні освітні ресурси в складанні навчально-методичні матеріалів»; створення електронного методичного кабінету.

За результатами навчання всі здобувачі укладли експертну карту професійно-педагогічної компетентності педагога, в якій ІКТ визначили як складову професійно-педагогічної компетентності. За підсумками анкетування здобувачів, за результатами вищеозначененої підготовки визначено, рівень професійно-педагогічної компетентності – вище середнього.

Висновки. Отож рівнева система підготовки здобувачів вищої освіти до використання ІКТ в умовах інклюзивного навчання молодших школярів з ООП на основі модульно-компетентнісного підходу сприяла: вивченю можливостей інформаційних технологій як інструментів конструювання навчально-методичного пакету навчального заняття, розділу, навчального курсу; урахування професійного педагогічного досвіду з використанням електронних ресурсів; результатом навчання стали програмні продукти, об'єднані єдиною педагогічною метою та єдиним інформаційно-технологічним середовищем, які можна використовувати в практичній діяльності; сприяли створенню нових освітніх моделей і технологій навчання; забезпечили самодіагностику.

Відтак можемо узагальнити, що результативність процесу формування ІКК здебільшого залеж-

жить від ефективності управління означенним процесом, що передбачає зорієнтованість освітніх програм на сферу педагогічної діяльності. Процеси інтеграції знань в освіті та діяльності педагога залежать від глибини диференціації формування у здобувача понятійних структур. Водночас знання є когнітивним підґрунтям для формування у майбутніх учителях власних практичних рішень, які стають не лише продукт засвоєння, а й знаряддям регуляції мислення педагога та його діяльності. ІКК формується під час навчання в практичній діяльності і перетворюється в систему підготовки з урахуванням індивідуальної траекторії підготовки фахівця.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Нікуличкіна О. В. Розвиток інформаційної компетентності вчителя початкових класів у системі післядипломної освіти: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04; Класич. приват. ун-т. Запоріжжя, 2009. 20 с.
2. Науменко О.М. Деякі аспекти підготовки майбутніх учителів до використання засобів ІКТ в навчальній діяльності. Інформаційні технології і засоби навчання. 2007. №3(4).
3. Нечипоренко К. П. Підготовка студентів спеціальності «Початкова освіта» до проектування мультимедійних освітніх ресурсів засобом хмаро орієнтованих сервісів. Вісник КНУ імені Тараса Шевченка. серія: педагогіка, 2018. С. 49-52.
4. Сучасні засоби ІКТ підтримки інклюзивного навчання : навчальний посібник ; за заг. ред. Ю. Г. Носенко. Полтава : ПУЕТ, 2018. 261 с
5. Сучасні інформаційні технології в науці та освіті : навчальний посібник С. М. Злєпко, С. В. Тимчик, І. В. Федосова та ін. Вінниця : ВНТУ, 2018.

-
- 161 c. URL: school teachers. Norwegian Journal of development of the International Science. Vol. 2, No 38, 2020. p. 34-38
https://ecopy.posibnyky.vntu.edu.ua/txt/2018/Zlepko
_tymchik_suchasn_inform_technol_np_p031.pdf
(дата звернення: 02.02.2020).
6. . Vember V., Nastas D. Modernization of the educational process of preparation of future primary school teachers. Norwegian Journal of development of the International Science. Vol. 2, No 38, 2020. p. 34-38
7. Chupakhina S. Pedagogical conditions for training future teachers to design electronic and educational resources in the inclusive primary school environment. Sciences of Europe (Praha, Czech Republic). Vol 4, No 48 (2020). p. 49-55

PHILOLOGICAL SCIENCES

TO THE QUESTION OF THE USE OF UTTERANCE INTENSIFICATION MEANS IN AUTOBIOGRAPHICAL WORKS

Trusova A.

Doctor of Philosophy, associate professor

Chigrinova A.

*Bachelor degree student The English Language Philology Chair,
The English Department Nizhny Novgorod State Linguistics University*

Abstract

The present paper deals with the means of utterance intensification in writing at various linguistic levels used in autobiographical works by contemporary foreign authors-musicians. The relatively frequent use of means of utterance intensification plays a significant role in conveying the author's main idea and represents one of the peculiarities of autobiography as a literary genre.

Keywords: means of utterance intensification, written language, autobiography, linguistic levels

Autobiographical works occupy a special place in the system of literary genres. Autobiography, according to the French literary critic and genre researcher Philippe Lejeune, is a retrospective prose narrative of a real person telling about his own existence with a special emphasis on the history of his personality [1]. Philippe Lejeune presents the features of this genre from the point of view of four categories, the main of which is the linguistic form, which allows a free narration form and the author's subjectivity in expressing his thoughts and emotional state.

Thus, among all narration styles, it is the colloquial style that is typical for autobiographical works, as it is characterized by the absence of any stylistic restrictions and informality, allowing a relatively high degree of emotionality [2]. The authors' emotional attitude is to be noticed towards all aspects of their lives: various events, personalities, thoughts and actions. In written speech emotionality is expressed by the abundance of utterance intensification means, i.e. by using intensifiers.

In Russian linguistics special attention is paid to the intensity category by professor Igor Turansky who defined it as 'a semantic category of a language based on the term of quantity gradation in a generalized sense' [3, p. 3]. From the linguistics point of view utterance intensity is observed as a 'measure of expressivity and evaluativity' [3, p. 3]. This measure is estimated through the degree of utterance emotionality graduated by inserting various intensifiers into its structure. The complex of intensifiers of a certain language represents the intensity category.

In this respect a borderline is to be drawn between the terms 'expressivity' and 'emotionality'. The latter does not constitute a linguistic category – it is a state of psyche influencing utterance expressivity in lingual terms. Thus, the emotional is construed as a means to create the expressive. Expressivity is defined as 'the effect created in speech through expressing emotive attitude of the speaker to the subject matter' [3, p. 8].

Intensifiers embrace all linguistic levels represented by six areas in order to simplify the structure:

text, sentence, phrase, word, morpheme, phoneme (Table 1). The linguistic unit division of the kind is most common in linguistics due to the fact that the units of each subsequent area are part of the previous one. The present paper deals with analysing intensifiers on all the language levels mentioned on the basis of autobiographical works by B.Dickinson (What does this Button Do?) [4], S.Erna (The Paths We Choose) [5] and D.Mustaine (Mustaine) [6].

Phonetical level

At the level of phonetics, speech expressivity is conveyed by the graphical representation. In oral speech intensification is achieved by such prosodic means as the increased voice pitch, appropriate intonation, emphatic pronunciation and placing the logical stress in the statement. In writing, it is expressed by capitalization (1), hyphenation (2), italicizing (3), word lengthening (4) or misspelling (5), which in some cases leads to the appearance of author neologisms:

1. 'FIX IT!' I screamed [4, p. 169].

She flew out of that bed screaming and swatting at her ears yelling, 'Ma! He poured acid in my ear. It burns, IT BURNS!' [5, p. 32]

2. Somewhere in the midst of this falling-into-a-musical-black-hole experience, two fellows came on stage dressed in brains [4, p. 63].

Maybe that's why I needed to come back with a big bag of I-told-you-so's for a lot of people, especially for Bill DeMonaco and my father – they were two people who had cut me down at the point and questioned my ability to make it as a musician [5, p. 206].

3. They're drums, they're supposed to be beat on [5, p. 189].

I don't have memories of him not drinking [6, p. 2].

It should be noted that in autobiographical works italics are often used to indicate the narrator's thoughts at the time of the action or event described, rather than to make the utterance intensified:

Tell me something I don't know, I thought [4, p. 119].

I had to wonder: *Who the hell punches a fifteen-year-old?* [6, p. 15]

4. ‘Heeeeere’s Johnny!’ [5, p. 102]

And then there’s the girls that are like, ‘Heyyyyyy!’ and grab you and hug you [5, p. 173].

5. ‘Faacking ‘ell ... ‘Oo faacking set fire to my faacking feet?’ [4, p. 33]

So as far as getting any kind of rest goes... fahgettaboutit! [5, p. 194]

Capitalization, apart from imitating the volume of the voice, allows the author to convey the emotional tension of the episode described and the abruptness of sounds:

Then, out of nowhere, SMASH! A fucking *arrow* comes screaming through our window and misses my sister’s head by about six inches [5, p. 13].

Suddenly, we heard this huge BANG above our heads. <...> Then, from through the smoke cloud, we saw these huge pieces of airplane coming down right on us [5, p. 24].

We’d go to play with this dude, <...> and [he] would hit that first bass note—*BWOWWWWW!*—and sterilize the neighbourhood [6, p. 31].

or to express the narrator’s shock and embarrassment from the unexpected event development:

There was a singing test, which was compulsory. <...> I was given a chit – a piece of paper – to deliver to my housemaster. On it was written: ‘Dickinson – Sidney House, NON-SINGER’ [4, p. 26].

Morphology level

While the intensification of the utterance external form is achieved through the graphical representation,

It just seemed like a natural thing.	It just seemed like the most natural thing in the world [6, p. 153].
I designed and built a useless and uncomfortable chair and an incompetent set of bookshelves.	In woodwork I was an abject failure, although I designed and built the world’s most useless and uncomfortable chair and the most incompetent set of bookshelves yet devised [4, p. 33].
It was a strange, eccentric educational institution.	It was one of the strangest, most eccentric educational institutions I have ever encountered [4, p. 17].
My goal at the time was to assemble a band and then upgrade the parts as needed until I had a lean, mean fighting machine.	My goal at the time was to assemble a band <...> and then upgrade the parts as needed until I had the leanest, meanest fighting machine possible [6, p. 104].
The sabbatical generally had been a good thing, leaving me healthier than I’d been.	The sabbatical <...> generally had been a good thing, leaving me healthier than I’d been in years [6, p. 320].

It is worth noting that the intensifying role of adjectives increases when relative rather than qualitative adjectives are used in the comparative or superlative degrees.

Within the framework of morphology, the ‘do’-operator should also be examined, as its intensifying function increases if the logical stress falls on it:

Martin, it’s been a long time. Do come in [4, p. 184].

I don’t know that I would have quitted Metallica, but I do believe we were destined to fracture [6, p. 100].

Third, when I do get the job, and I will, are you prepared for a totally different style and opinions? [4, p. 94]

the morphological means of expressing intensity deal with the utterance content. They include various cases of affixation i.e. usage of word-building morphemes aiming to increase the degree of quality of the object described.

There was a super-early flight on a 747 from Chicago to New York [4, p. 164].

I guess I was just what you’d call... *overactive* [5, p. 26].

Say what you want about lead singers: they’re arrogant, egotistical, immature, petulant, hypersensitive [6, p. 132].

Gadgets, posters, books and a stereo system, which I played super-loud in my room to the annoyance of anyone sleeping next door [4, p. 129].

As a rule, affixes ‘over-’, ‘super-’, ‘hyper-’ are used with adjectives and adverbs to single out one object distinguished by a special, extreme degree of a certain quality manifestation. It can be a person, a thing, or even an action, as shown in the examples above.

As for the form-building affixes worth mentioning in studies on the category of utterance intensity, they are represented by those taking part in forming degrees of comparison of adjectives and adverbs, since these parts of speech express the feature prominence degree in its purest form. Lexical amplifiers such as ‘possible’, ‘yet’, ‘ever’, ‘in years’, etc. are widely used in utterances with them. Here are some examples for comparison:

I did try, and I accept it is a very challenging and skillful sport [4, p. 280].

These sentences express the speakers’ confidence in their words, thoughts and actions. The ‘do’-operator utterances are suitable enough to formulate important life conclusions to convince the reader.

Lexicological level

Speaking of lexical intensifiers, it is necessary to consider cases of usage of various superordinate semantics adjectives (incredible, fabulous, pure, complete, perfect), amplifying particles and adverbs (really, just, so):

And maybe it was a coincidence.	And maybe it was just pure coincidence [6, p. 241].
Moreover, he was young.	Moreover, he was just so young [6, pp. 48-49].
What an enterprise the whole thing was.	For the next week we would be prisoners in the hotel, <...> until the moment we were released to go to the festival, and what an incredible enterprise the whole thing was [4, p. 168].
Our way of thinking changed fast	Our way of thinking changed <i>really</i> fast [5, p. 131].

Such structures enable the author to convey most accurately the strong impression of life experience gained, to express their attitude to it, formulate goals and intentions, emphasizing their originality.

When analysing adjectives of superordinate semantics, it is important to take into account the fact that

The welcome committee was cordial, relaxed and the complete opposite of any preconceived notion [4, p. 155].	The instrumental portion was virtually complete [4, p. 210].
Building the perfect beast – in this case the perfect band – takes time [6, p. 102].	Although we were tighter and made fewer mistakes, we certainly weren't perfect [6, p. 61].

While the sentences in the first column are emotionally coloured, those in the second one are considered evaluative, but expressively unmarked.

Adverbs-intensifiers (completely, absolutely, totally, sure) are not characterized by such dependence on their position in the sentence:

In the meantime, I was completely helpless until she got off of me [5, p. 45].

OK, I admit I had long hair and I was a freak, but I sure as hell didn't look like Ace Frehley [5, p. 123].

I was fifteen years old and, for all intents and purposes, totally on my own [6, p. 21].

Entertainment seemed absolutely the place to go [4, p. 59].

Finally, quantifiers fulfil the function of expressing an extremely large (or extremely small) quantity of an object and occupy a special place in the lexical language system. Among these are such structures as 'lots of', 'loads of', 'a ton of', 'not a':

A different and better question is, 'Have you made any mistakes?' And the answer to that one is equally easy – loads of them [4, p. 365].

I sold a ton of equipment to pay off my debts [6, p. 321].

They immediately shut me down and told me not to say a word to my sister [5, p. 37].

I was dead fucking broke. Not a dollar to my name [6, p. 96].

All the above-mentioned lexical intensifiers are used to emphasize the redundancy or lack, as well as the extreme manifestation of object feature. They enhance the impression made by the author's narration and contribute to the reader's immersion into the plot, allowing them to 'experience' the author's emotions.

Syntactic level

Syntactic intensifiers deal with two language levels - sentence and text - and include syntactic idiosyncrasies, splitting of sentence structure, exclamatory and subordinate comparative sentences, as well as syntactic repetition. In all cases, uttermost utterance intensification is achieved.

they can be used only attributively, otherwise the sentence will be considered unmarked from the point of view of its expressivity and, consequently, intensity. Here are some examples for comparison:

The welcome committee was cordial, relaxed and the complete opposite of any preconceived notion [4, p. 155].	The instrumental portion was virtually complete [4, p. 210].
Building the perfect beast – in this case the perfect band – takes time [6, p. 102].	Although we were tighter and made fewer mistakes, we certainly weren't perfect [6, p. 61].

Syntactic idiosyncrasies is typical for colloquial speech and can be represented by the construction of 'but + adjective'. Its purpose is to enhance the content of the stative predicate so that it becomes the semantic center of the sentence:

This made me grumpy – but interested [4, p. 92].

Splitting of sentence structure with the help of a negative particle 'not' serves the same purpose – to single out the semantic center of a statement. This means of utterance intensification is based on the opposition of homogeneous components, rather than on their juxtaposition, which adds to emotional expressivity:

We are dreamers, not killers [5, p. 101].

I was a leader, not a follower [6, p. 50].

Music, not singing, came first [4, p. 40].

In the absence of homogeneous constituents, intensification is achieved by using sentences exclamatory in meaning and interrogative in structure. As a rule, the initial position is taken by rhetorical addresses:

Man, was I psyched! [5, p. 15]

My God, could they puff away [4, p. 11].

Man, could he play the guitar [5, p. 106].

Among the subordinate clauses it is the comparative ones that are highly expressive, since they indicate the limit of the state degree. The subordinate clause begins with the conjunction 'as if' or the demonstrative pronoun 'that', and in most cases the antecedent includes the pronoun 'such' or the adverb 'so':

Such was the enthusiasm of the fans <...>, that we could have stood on stage in our underwear waving white flags and the reaction would have been the same [4, p. 156].

My hand remains dead, as if shot full of Novocain [6, p. XIV].

The layered harmony vocal was such a colossal change for the Maiden sound our jaws dropped as we heard the rough mixes [4, p. 104].

Six foot tall, with immense, black curly hair and a gaze that would fell a tree at 20 paces, she's worked as a servant girl [4, p. 14].

The above-mentioned examples prove the fact that the use of utterance intensification means at the sentence level helps the author focus the reader's attention on the most important component of the sentence, thus highlighting the key points in the text.

In its pure form, syntactic ways of expressing intensity are represented by repetition which has many varieties. Repetition is enhanced by using introductory constructions, adverbs-intensives or profanity, as well as various clarifying sentence structures inserted into the context:

What a rollercoaster of a year. Looking back further, what a rollercoaster of a life [4, p. 365].

And you know – you just fucking *know* – whatever you accomplish, somehow it will never be quite good enough [6, p. 242].

Impoverished, transient childhood? *Check*. Abusive, alcoholic parent? *Check*. Alcoholism, drug addiction, homelessness? *Check, check, check* [6, p. XXI].

Repetitions help create the effect of increasing narration tension necessary to convey the author's emotions and feelings.

After analyzing the utterance intensification means at all language levels and confirming their relevance, it seems appropriate to explain their frequent use by the authors of the works under consideration.

This tendency takes place primarily due to the personal orientation of the autobiography genre in general, since the quality of an autobiographical book directly depends on the quality and reliability of the impressions, thoughts and feelings conveyed by the author.

In their attempts to achieve the goal of being open to the reader, the authors are free to choose the appropriate means of self-expression, and in particular, the means of utterance intensification. Their use frequency depends on the emotionality of the writer, on the psychological characteristics of his personality and serves the purpose of conveying the main idea of the book.

Table 1

Means of utterance intensification at different linguistic levels

Types of intensifiers	Linguistic levels	Intensifiers
syntactic	text	syntactic repetition
		exclamatory sentences with interrogative structure
		subordinate comparative sentences
		splitting of sentence structure
		syntactic idiomatics
lexical	word	quantifiers
		adverbs-intensifiers
		lexical amplifiers: particles, adverbs
		adjectives of superordinate semantics
morphological	morpheme	affixation
		degrees of comparison of adjectives and adverbs
		'do' – operator
phonetical (graphical representation)	phoneme	italicizing
		capitalization
		hyphenation
		misspelling
		word lengthening

REFERENCES:

1. Lejeune P. Pour l'autobiographie. 1998. – 247 p.
2. Scrbnev Y.M. Ocherk teorii stilistiki / Gorky State Pedagogic Institute of Foreign Languages, 1975. – 175 p.
3. Turansky I.I. Sredstva intensifikatsii vyskazyvaniya v anglijskom yazyke / Kuybyshev State Pedagogic Institute, 1987. – 78 p.
4. Dickinson B. What Does This Button Do? / B.Dickinson. – London: HarperCollins Publishers, 2017. – 371 p.
5. Erna S. The Paths We Choose / S.Erna. – United States: Bartleby Press, 2007, 2013. – 286 p.
6. Mustaine D. Mustaine / D.Mustaine. – United States: HarperCollins Publishers, 2010, 2011. – 372 p.

POLITICAL SCIENCES

«COMMUNICATIVE ACTION» BY JÜRGEN HABERMAS IN THE DEVELOPMENT CONTEXT OF MODERN UKRAINE

Bezena I.

*Head of the Department of Social and Humanitarian Education,
Dnipro Academy of Continuing Education, Dnipropetrovsk Regional Council, Ph.D.,
Ukraine, Dnipro*

«КОММУНИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ» ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА В КОНТЕКСТАХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Безена И.М.

*заведующий кафедры социально-гуманитарного образования
КУВО «Днепровская академия непрерывного образования»
Днепропетровского областного совета, к.филос.н., Украина, г. Днепр*

Abstract

The article deals with the essence of Jurgen Habermas's worldviews on the issues of contemporary social relations between man and community, the processes of democratization of the social sphere of life and the constructive activity of civil society. The research concepts of foreign researcher Y. Habermas are compared with contemporary Ukrainian national worldviews on human problems, transformation in societies and development of democracy. The content component of ideas of foreign scientists and practical component of application in the national space of Ukraine are considered. The concepts of interpersonal communication, depth of communicative action and weight articulation, dialogical model of personality activity with other subjects of social activity are modeled. The risks of modern national society are outlined and the possible ways of neutralizing them and eliminating the causes of conflicts in the social environment in different spheres of activity are identified. The development of appropriate management, marketing and philosophical and educational tools should help to solve these issues, because it is through the managerial and life outlook that a person declares his / her desire to take responsibility for conscious social activity and effective decision of his / her own life destiny. In this sense, the worldview of the person acts as an intellectual clarification of the life situation, understanding of the strategy and tactics of its effective implementation.

Аннотация

В статье рассмотрено сущность мировоззренческих идей Юргена Хабермаса на вопросы современных общебюджетных отношений человека и громады, процессов демократизации общественной жизни и конструктивной деятельности общественного совета территории. Исследовательские концепты Ю.Хабермаса сопоставлено с современными идеями украинских ученых на проблемы человека, трансформации в обществе и развития местной демократии. Рассмотрено содержательные составные идеи ученых и практические составные в национальном пространстве Украины. Смоделировано концепты межличностного общения, глубины коммуникативного действия и весовая артикуляция, диалоговая модель деятельности личности с другими субъектами общественной деятельности. Очерчено риски современного национального общества и определения возможных путей ихнейтрализации и устранения причин конфликтов в общественной среде в различных сферах деятельности. За результатами исследования установлены выводы, что новые взгляды Юргена Хабермаса сформулированы в теории «коммуникативного действия», ненасильственных (невертикальных) способов социального бытия, универсального применения определяются особенной актуальностью для национального общества и публичных институтов. Выходя из очерченного состояния дел, публичных институтов имеют возможности изменить содержание деятельности и начать реальные изменения в процессах демократизации и децентрализации власти.

Keywords: society, public power, communicative action, «Inter-action», «Hard of skills» and «Soft of skills».

Ключевые слова: общество, публичная власть, «коммуникативное действие», «интер-акция», «Hard skills», «Soft skills».

Постановка проблемы. Человеческая цивилизация в очередной раз стоит перед дилеммой: перспективные пути развития, углубление перспектив развития местной и государственной демократии, новая личность и ее место в жизненном, общественном и природном пространстве. Ведь, с одной

стороны, активное развитие цифрового мира, продвижение в сферах жизнедеятельности общества и человека, а с другой стороны, увеличение потребности в трансформации демократических основ государства, публичных институтов и системы со-

временного образования, которые должны стать генераторами эффективного развития общества и личности.

В очерченных контекстах выстраивается проблема в научных, управленческих и социальных вопросах, от глобального до национального уровня: возрастающие риски в гуманитарной безопасности общества и личности; повышение значения коммуникативного действия власти и человека; проблемы с процессами формирования бюджетов социальных систем (государства, громады) и личности; новые вызовы в становлении «общества знания»; неравномерные тенденции в эффективном развитии демократических процессов в обществе и образовательной сфере; поиск эффективных механизмов развития информационно-коммуникативных моделей развития гуманной личности через образовательную среду и коммуникативное действие; потребность в новом уровне становления процессов самоорганизации публичных институтов общества и громады; поиск новых механизмов привлечения граждан к общественно-значимым делам; и др..

Очерченные аспекты развития современного человека стало предметом научного исследования современного немецкого философа Юргена Хабермаса (Jürgen Habermas). Очень оригинальными и конструктивными есть его идеи по вопросам развития постнациональной констеляции, будущего демократии, коммуникативного действия, новой миссии человека в тарифсформирующемся демократическом пространстве и др

Цели исследования. Мы поставили целью исследовать актуальные научные идеи Юргена Хабермаса по его мировоззренческим идеям об обществе и человеке, коммуникативном действии общественных институтов и развития громад (общин), сопоставление с украинскими национальными идеями современности.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато рассмотрение данной проблемы, на которые опирается автор. Мировоззренческие идеи Хабермаса Юргена нашли осмысление и исследование по отдельным философским и публичным аспектам в работах ученых – Глебова В., Белоусова В., Дмитренка К., Кулешова В., автор цих матеріалів і др..

Формирование целей статьи (постановка задачий). Определено основную цель направленную на исследование современных взглядов Хабермаса Ю. (Jürgen Habermas), сопоставлению их с национальными идеями про механизмы реализации принципов демократии и децентрализации в публичной сфере общества. **Методы исследования.** Анализ теоретических и практических источников по теме статьи, обобщения тенденций и синтез идей и практик деятельности.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Современная высокоразвитая человеческая цивилизация уже определила новые концепты по организации общества и человека, их природы, переоценки содержания окружающего мира и определения нового назначения человека в

цифровом современном пространстве и в условиях расширения демократии. И наконец, значительно изменяется современные представления об идеальном обществе и месте человека в этом социуме. Соответственно, осмысление практик в мире, очерчиваются непреодолимым желанием человека в индивидуальной свободе, справедливости, что приведет к пониманию порядка в самопознании и формировании гуманистической личности, которая реализует жизненные проекты и способствует развитию демократического общества, и др..

Сначала, мы рассмотрим идеи Хабермаса Ю. (Jürgen Habermas), который исследуя цивилизационные изменения на фоне потребностей в демократическом развитии общества и формирования современного типа образованного человека. Ведь, соответственно его идеи, «моральные взгляды эффективно ограничивают волю тогда ..., когда они укореняются в этические саморазумение, скрепляющего заботу об собственном благополучии с интересом в справедливости» [1, с. 4]. Неопровергимой мыслью, есть вопрос о современном цивилизованном мире в котором возрастает общественная и индивидуальная потребность человека в расширении жизненных рамок ответственной свободы деятельности, получении эффективных результатов жизнетворчества через понимание собственной миссии в жизни.

Мы хотим отметить, что Хабермас Ю. впервые использовал понятия «инструментальные» и «коммуникативные действия», позднее он включил еще и их четыре типа: стратегическое, нормативно-регуляторное, экспрессивное и коммуникативное действие. Так, стратегическое действие ориентировано на успех, на использование средств, которые отвечают за достижение целей. Хабермас Ю., отмечает мысль, что инструментальное действие соответствует подходу к человеческой деятельности, которая в узком значении и на основании социального взаимодействия людей через контексты эффективности действия. А в коммуникативном действии, соответственно его мысли, акцент делается на целенаправленном субъектном действии в поиске конструктивов взаимопонимания, компромисса и рациональности. Мерилом необходимости рассмотрения уровня рациональности есть: *во-первых*, инструментальная рациональность, которая определяется рациональностью решения технических вопросов через эмпирические знания; *во-вторых*, стратегическая рациональность, которая определяется поступательностью решения в интересах других и не имеющих выбора; *в-третьих*, нормативная рациональность, которая очерчивается рациональностью решения практических задач в контекстах принципов и очерченных правил; *в-четвертых*, рациональность «экспрессивной деятельности» через понятия и соответствие содержанию типологии действия [2]. Таким образом, можно отметить, что конструктивные экскурсы Хабермаса Ю., проходят через синтез человеком личного, а также одновременно отношение к окружающему миру и другим индивидам.

Вместе с тем, ученый пришел к трансформации ряда мировоззренческих выводов, которые раскрывают содержание понятия «коммуникативное действие». Данный процесс всегда связан с субъектами деятельности, а также соответственно у них проходят процессы: «говорят», «слушают», «воспринимают» и соответственно «реагируют». Все, очерченное у субъектов деятельности, всегда проходит одновременно и через индивидуально опосредованную коммуникацию с другими людьми. А соответственно, его исследование разума и интеллекта общества, как конкретной рациональности действия, интер-субъектности и коммуникативных измерениях действия, которые направлены на достижения консенсуса и взаимопонимания.

Наиболее интересными есть его идеи по следующим фактам: первоочередного и стратегического задания человека-ентелектуала: «первым почувствовать важное и начать действовать»; принятие любых жизненных решений через понимание важности фактора консенсуса и согласованости; понимание важности концепта, что «..истина – коммуникация, а значит, истинная коммуникация – коммуникация по поводу поиска истины» [3, 4, 5]. Особенностью современного мира есть инструментально-прагматическое отношение к природе, которое в конечном формате возвращается глобальными кризисами и проблемами: экологической, социальной, экономической, и др., в которых человек становится свидетелем, участником и жертвой одновременно. Например, актуализируется следующая жизненная дилема: отношение к природе, как к неиссякаемому источнику для удовлетворения собственных личных потребностей человека и, которые к ней возвращаются жизнеутверждающими проблемами. А коммуникативное действие придает символические акции для выстраивания системы отсчета в индивидуальном восприятии действительности, которая очерчивает процессы производства и выстраивания реальности в жизненных практиках, новых коммуникациях.

Если остановиться на идеях Хабермаса Ю., то необходимо отметить следующее: особое значение в процессе коммуникативного действия занимает процесс дискурса, который, во-первых, выполняет миссию социализации, обучения, воспитания, повышения компетентности и интер-субъектности личности; во-вторых, стает формой коммуникации, которая вовлекает людей в дискуссию, понимание позиций, процесс критики, принятия либо не принятия позиции других субъектов; в-третьих, способствует привлечению субъектов к изложению собственной позиции, которая будет проходить такую же проверку как и все остальные версии; в-четвертых, способствует достижению консенсуса на принципах открытости, как проявление понимания анонимных пожеланий [2]. Таким образом, дискурс набирает оригинального звучания, за обязательными условиями свободного обсуждения и критики современного социального бытия.

Так, развивая очерченные идеи росийский ученый Марков Б., очерчивает стадии формирования общественного мнения: язык, как интер-акция через которую проводится влияние на сознание другого человека; инициативная речь, основанная на позиции другого человека; аргументация выступающего, которая прослеживается через неформальную коммуникацию [7]. Очерченные вопросы очень актуальны для постсоветского пространства, так как определенные стереотипы и процессы вступают в противоречие с демократическими подходами современности.

Возвращаясь к идеям Хабермаса Ю., который в процессе исследования иногда противопоставляет коммуникацию и свободный дискурс общественности, а также рекомендует выявлять и преодолевать устаревшие стереотипы субъектов коммуникации по основам социального бытия, что также необходимо усовершенствовать на основе диалектики сопоставления конструктов целого и отдельного, индивидуального и вне индивидуального [7]. Особенностью национального пространства, его теоретического и практического концептов имеют свои особенности, в процессе трансформации необходимо их учитывать в соответствии с идеями немецкого ученого.

Откровенно говоря, ведь наследие прошлого еще давлеет в общественном мнении и деятельности, в отношении к личному мнению и его интересах, сопоставлении личного и коллективного. Мы, кроме всего пределяем и еще одну, не совсем позитивную тенденцию: имитация деятельности и процесса, которые в конечном результате приводят к искажению принципов демократии и коммуникативного действия [8, 9]. По-этому, в указаном контексте особого значения приобретает вопрос о целевом и рациональном действии общественной морали, солидарной ответственности, разумного реконструирования традиций коммуникативного процесса. Хабермас Ю., определяет принципы этики дискурса: «каждая норма должна отвечать тем условиям, чтобы прямые и побочные действия, ... могли без всякого принуждения были приняты всеми ...» [2]. Вот в таких, концептах в демократическом обществе могут проходить конструктивные процессы и будут достигнуты эффективные результаты: изменения в жизни и неконфликтные процессы поступательного развития общества.

Для национального научного и практического процессов реализации реформ публичной и экономической жизни в Украине, должны проходить в контекстах последовательных коммуникативных действий. Через понимание гражданами, публичными лицами и организационная деятельность должны проходить в свободном, беспристрастным диалогом, который направлен на достижение общественного консенсуса. Такой общественный дискурс создает предпосылки для плюрализма мнений и возможности услышать мнение каждого гражданина [10]. Потребность в таких процессах отмечает отмечают национальные исследователи проблемы.

Соответственно, в рамках представительской демократии через выборы происходит восстановление тождественности публичных институтов власти и общества в целом, но при ее потери проходят новые выборы. Такие потери проходят в периоды общественных конфликтов, разбалансирование избирателей, отсутствие доверия, конструктивного диалога, понимание к публичным институтам государства и их деятельности. Выход из такой тупиковой общественной и публичной ситуации, мы видим через восстановление доверия, путем развития общественного диалога и поиску компромисса.

Юрген Хабермас также отмечает, что сегодня особенного значения приобретает применение статуса «поликультурного гражданства», которое направлено на формирование общества и реализацию «политики признания» других идей и мировоззрения. Вед в большинстве случаев, индивиды зависят от разделения по «интер-субъективности» традиций, сообщества через идентичность и понимание «равности культурных прав» [3, с. 119]. В Украине проходят процессы укрепления демократических ценностей, углубление ее основ, развитие демократической идентичности. Общество, прислушиваясь к мнению рядовых граждан осуществляет трансформационные процессы демократизации и децентрализации публичной власти, укрепления местного самоуправления и развития местных громад для стабильного развития государства. Поэтому, на современном этапе развития Украины проходят период становления местного управления, определение стратегий развития громад, расширяются возможности у привлечении к деятельности граждан громады. В очерченном вопросе, актуализируется потребность в развитии индивидуальных общественных компетентностей и практике навыков взаимодействия с другими личностями громады в общественной сфере деятельности.

Каждая цивилизованная страна через определенное время проводит реформы и коррекцию курса развития общественных институтов, что дает возможность привлечь к общественным процессам рядовых граждан громады. Бессспорно, что в наше время, нельзя недооценивать существенное значение цифровых коммуникаций в политических и экономических процессах Украины, глобальных сферах жизнедеятельности человека. В данном контексте, еще видим, колоссальную потребность в стабильном развитии стратегии социальной миссии государства в вопросах создания равных условий к образованию и обеспечении условий для социальной справедливости в обществе.

Результаты наших исследований, подтверждают о наличии позитивных тенденций в общественной и образовательной сферах государства, которые сфокусировали свои действия на формирование нового типа граждан, формирование гуманных мировоззренческих концептов, ответственности и формировании самодостаточных местных громад по всей стране. Современное образование начало работу в контексте двух знаковых целей у личности: «Hard skills» та «Soft skills», которые определяют компетенции человека через языковую

коммуникацию, повышение качества жизни, индивидуального интеллекта, мотивации, эмпатии, критического мышления, ответственности и др.

Выводы. Таким образом, подводя некоторые итоги нашего исследования мировоззренческих идей Юргена Хабермаса и украинских ученых отмечаем следующее:

1. Актуальность идей «коммуникативного действия», «интер-акции», социального взаимодействия, «универсального примирения», гражданского общества и взаимодействия в контексте «власть-гражданин» для процессов публичной и общественной жизни громад в Украине – не неопровергима. Отмечаем наличие единого понимания в оценке процессов, тенденций и путях дальнейшего развития общества/государства.

2. Обобщая отдельные тенденции общественного развития, необходимо отметить особое значение образовательной сферы страны в процессах формирования, развития личности гуманной, активной, гибкой, последовательной и готовой к взаимодействию с другими гражданами для формирования комфортного и успешного общественного пространства.

3. Публичные и общественные институты государства должны найти баланс научного и социально-экономического компонентов для преодоления рисков в гуманитарной безопасности общества и цивилизации в целом, развития громады и граждан, формирование общества знания, развитой демократии и активной коммуникативной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: Весь Мир. М., 2002. 220 с.
2. Хабермас Ю. Постнациональная конstellация и будущее демократии. Логос, №4-5 (39), 2005. С. 105-145.
3. Хабермас Ю. Залучення Ішого. Студії з політичної теорії. Львів, 2006. 145с.
4. Хабермас Ю. Первым почувать важное. Что отличает интеллектуала. Неприкосновенный запас. Вып. 3, 2006. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/akademie/online/50332.pdf>
5. Jürgen Habermas. Die postnationale Konstellation und die Zukunft der Demokratie. 2019. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/akademie/online/50332.pdf>
6. Jürgen Habermas. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. 1989. URL: <https://mitpress.mit.edu/books/structural-transformation-public-sphere>
7. Марков Б.В. Демократия и Интернет. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/bpa/01ef235b26348f40c3256a3300415de6>
8. Бородін Є.І., Безена І.М. Марк Е. Генсон про шляхи демократизації та децентралізації публічних інституцій держави. Публічне управління та митне адміністрування. Науковий журнал. 2019, №10. С.194-202. URL: http://customs-admin.umsf.in.ua/archive/2019/3/3_2019.pdf

9. Безена І.М. Демократизація публічного управління та інформаційно-медійний розвиток компетентностей його посадовців. Держава і регіони. Науковий журнал. 2019, №3. С.27-32. URL: http://pa.stateandregions.zp.ua/archive/3_2019/7.pdf
10. Гарбалин А. Теорія комунікативної дії Ю. Габермаса: теоретична спорідненість з ідеями демократії. URL: <http://postua.info/garbadyn.htm>

CONSOLIDATION OF THE ANGLO-SAXON BLOC AS A POLITICAL TREND IN THE NEW DECADE

Pozdniakov E.

Student of the Pacific National University

КОНСОЛИДАЦИЯ АНГЛО-САКСОНСКОГО БЛОКА, КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕНД НОВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Поздняков Е.И.

Студент Тихоокеанского государственного университета

Abstract

The coming decade can radically change the balance of power in the geopolitical arena of the world. We are seeing the beginning of the consolidation of the countries of the Anglo-Saxon bloc, which is justified by the need to counter the growing economic influence of China. The article will examine the prerequisites for the unification of five English-speaking countries into a single political force, and also describe the forecast of the impact of the formation of such a block on the situation in the world and on China in particular.

Аннотация

Грядущее десятилетие может кардинально поменять расстановку сил на геополитической арене мира. Уже сейчас мы видим начало консолидации стран англосаксонского блока, что обосновано необходимостью противостояния нарастающему экономическому влиянию Китая. В статье будут рассмотрены предпосылки к объединению пяти англоговорящих стран в единую политическую силу, а также описан прогноз влияния становления подобного блока на ситуацию в мире и на Китай в частности.

Keywords: «Blue dot network», «One belt – one road», CANZUK, integration process

Ключевые слова: Сеть голубых точек, Один пояс – один путь, CANZUK, интеграционные процессы

Введение

В ноябре прошлого года, в ходе Индо-тихоокеанского бизнес форума, администрация Трампа заявила о намерениях, совместно с Австралией и Японией, создать программу развития инфраструктуры АТР «Сеть голубых точек», которую нарекли своеобразным конкурентом инициативы «Один пояс – один путь». Проект подвергся шквалу критики от различных изданий и политологов, однако главной ошибкой присваивания программе клейма «вторичности» является однобокость ее обзора. Дело в том, что «Сеть» зачастую вырывается из общемирового контекста и рассматривается в исключительно «соперновательном» с Китаем тоне. Несмотря на это, проект является своеобразным предвестником изменений геополитических трендов нового десятилетия, о чем свидетельствуют ряд произошедших событий за последнее время.

Выход Великобритании из Евросоюза, повлекший за собой начало новых обсуждений по вопросам создания CANZUK (предполагаемый политический и экономический союз Канады, Австралии, Новой Зеландии и Соединенного королевства), стал своеобразным предвестником тенденции стран англо-саксонского блока к сближению. Вышеупомянутый CANZUK, подкрепленный непрерывным и особенно важным в последнее время англо-американским диалогом, становится формальным по-

литическим и социальным базисом для объединения пяти стран. Идея о действующем свободном рынке в рамках CANZUK, помноженная на проект «Сети», позволяет говорить о едином экономическом пространстве между государствами. Что касается военного сотрудничества, то уже на данном этапе вышеупомянутые страны неотделимы друг от друга рядом соглашений, а также являются членами альянса «Пяти глаз», осуществляющего крупнейшую работу по шпионажу в истории человечества с момента окончания второй мировой войны. Помимо этого, страны имеют схожий культурный и ценностно-ориентированный базис, что автоматически делает их в глазах друг друга если не союзниками, то неплохими друзьями. Здесь же стоит упомянуть и о подавляющем использовании английского языка в каждом из озвученных государств.

Желание сформировать подобный блок англо-саксонского влияния уже прослеживается в речах ведущих лиц Великобритании и США. Осуществление подобного проекта может способствовать масштабным переменам на геополитической карте мира и, в частности, нанести непоправимый ущерб китайскому влиянию, которому по отдельности ни одна из стран противостоять не способна.

Есть ли жизнь после Brexit?

Выход Великобритании из состава Евросоюза - событие по-настоящему резонансное и монументальное. Для большинства 2020 год станет временем, когда Соединенное королевство сделало выбор в пользу развития собственного экономического потенциала без «влечения за собой нахлебников с континента». Действительно, причины столь радикальных перемен, на первый взгляд, исключительно «денежные», однако создание инициативы CANZUK в 2015 году [1], приход к власти политика правых взглядов Бориса Джонсона и усиленный диалог с Америкой с конца 2019 дает нам право задаться вопросом: а не существует ли у Brexit'a более глубокой подоплеки?

Стоит отметить, что Великобритания после 1945 года – страна, оказавшаяся на распутье, и не способная выбрать правильное направление. Не секрет, что государство, долгое время являвшееся единственной сверхдержавой, попросту не сумело найти место в мире, где оно является, скорее, игроком на вторых ролях, чем силой, реально определяющей положение вещей. Попытки определения собственной роли прослеживаются у каждого премьер-министра Соединенного королевства: так, Черчилль рассматривал Британию с позиции члена «братской ассоциации» с США, настаивая на равноправии двух держав, однако уже при Макмиллане возникает точка зрения, что представительница Старого света необходимо стать «мудрой наставницей американского Рима», передавая опыт растущей «империи»[2]. Существенная смена взглядов произошла менее чем за десять лет, что свидетельствовало о растерянности Великобритании и ее неспособности найти место на пороге нового тысячелетия. Тем не менее, временное решение было найдено в присоединении к Европейскому экономическому союзу, что превращало Лондон в своеобразный мост между Америкой и континентом. Обособленное положение внутри объединения долгое время устраивало британцев, однако постепенный «левый сдвиг» в умах правящих кругов Европы кардинальным образом разнился с британским менталитетом, что в очередной раз заставило Британию усомниться в необходимости продолжения участия в союзе. Находящаяся на задворках мировой политики Англия, тем не менее помнит о былом величии, что не соотносится с современным экономическим и политическим упадком Европы. Более того, Лондон никогда не ощущал «духовной» близости с тем же Берлином или Парижем. Сложилась ситуация, когда Великобритания оказалась в разы нужнее «кровным братьям» для обеспечения политических амбиций, чем искусственным приятелям с континента.

Отношения Британии и Америки с давних пор принято называть «особыми». Действительно, несмотря на длительное пребывание в Евросоюзе, Соединенное королевство не теряло глубоких экономических и военных связей с США. Так, на момент 2020 года, большая часть английского экспорта приходится именно на Вашингтон. Также велики американские инвестиции в

Великобританию[2]. Подобное, проверенное годами сотрудничество, может стать основным в мире, где Британия покинула Евросоюз. Помимо этого, благодаря удачному стечению обстоятельств, «у руля» в обоих государствах находят политики правого толка – Трамп и Джонсон, которые, к тому же, симпатизируют друг другу и проявляют небывалые интересы и поддержку к действиям сторон[3].

Однако, несмотря на вышеописанные факторы, в мире также происходят некоторые процессы, косвенно указывающие на отдаление двух держав друг от друга. Так, пожалуй, наиболее громким заявлением последнего времени стали слова Бена Уоллеса, министра обороны Великобритании о том, что Лондону необходимо уменьшить вовлеченность США в военную сферу [4]. Уоллес выразил обеспокоенность чрезмерной зависимостью от разведывательного сотрудничества с Вашингтоном и разработки технического обеспечения армий. Тем не менее, оба государства до сих пор связаны общими «милитаристским» бременем – большое число руководящего состава английских войск проходят военную подготовку именно в США, а на территории некоторых штатов существуют базы «совместного управления» [2].

Также масла в огонь подливает ситуация с CANZUK, в состав которого Штаты не вошли. Главной идеей создания подобного объединения стала мысль об обеспечении свободного экономического и миграционного коридора между странами со схожим уровнем жизни и культурным базисом. Именно этот проект может стать отправной точкой для становления Великобритании нового тысячелетия. Отсутствие в нем Вашингтона воспринимается многими, как заявление Лондона о начале периода «самостоятельности», без вовлечения «призраков прошлого». Однако необходимо отметить, что большая часть проекта сосредотачивается именно на экономическом взаимодействии, при этом, Австралия уже выступила в качестве соосновательницы «Сети голубых точек», что говорит о косвенном взаимодействии двух проектов.

Подобные подвижки в сторону образования союза продиктованы современной geopolитической ситуацией: обе страны подвергаются мощному воздействию общего противника – Китая, чья экономическая сила достигла таких высот, что противопоставить ему одну государственную единицу попросту невозможно. Объединение пяти англо-саксонских сил – есть неизбежный ответ на нарастающую угрозу со стороны Азии.

CANZUK и «Сеть голубых точек» как метод экономической борьбы с Китаем

Каким же образом страны англо-саксонского блока могут повлиять на экономическую гегемонию Китая? Отвечая на этот вопрос, в первую очередь необходимо затронуть Австралию, которой, по всей видимости, определена роль «рубежа западной цивилизации» в регионе АТР. Канберра является активным участником переговоров CANZUK, в частности, активно поддерживает экономическую составляющую возможного объединения[5]. С 2015

года Австралия высказывала теплую надежду по осуществлению единого рыночного пространства и, пожалуй, с особым трепетом ожидала выхода Великобритании из Евросоюза. Учитывая подобный расклад, немудрено задаться вопросом: с какой целью Канберра выступает со основательницей «Сети голубых точек»? Если проследить полное развитие диалога Австралии с Британией по вопросам создания CANZUK, становится понятно, что между странами установлены отношения в высшей степени доверительные, что наводит на мысль об отсутствии негативной реакции Лондона на совместный с США проект. Таким образом, проекты предстают перед нами не конкурирующими, а взаимодополняющими, что позволяет говорить о полноценном глобальном англо-саксонском влиянии в регионе.

Австралия является важной точкой взаимодействия с Индией и Сингапуром, именно поэтому она фигурирует в обоих проектах. Задача Великобритании и США – воспрепятствовать реализации китайской идеи «трех островных линий», согласно которой, контроль над пространством от Тайваня до Фиджи способствует экономической гегемонии Пекина в регионе[6]. Кризис 2008 года привел к ослаблению экономики Канберры, что отобрало у нее статус «покровителя» островных государств. Тем не менее, поддержка более крупных братьев с Запада, сможет привести к возвращению былого размаха Австралии. Однако почему именно это государство должно стать очагом воздействия на Поднебесную?

Отвечая на это вопрос, стоит еще раз обратить внимание на причины, повлекшие за собой возвышение Китая. Неоспоримым является тот факт, что главным двигателем Поднебесной на пути к экономическому благосостоянию была и остается ее рабочая сила. Несмотря на то, что в последнее время страны Запада пытаются перераспределить производство в другие уголки мира, найти столь же эффективного сочетания трудовых и интеллектуальных показателей работников практически невозможно. Подобная ситуация ставит в зависимость целый ряд развитых государств и, более того, в потенциале имеет возможность увеличить их затраты на производство, если принимать во внимание текущий уровень жизни в Китае. Таким образом, можно сделать вывод, что создать конкуренцию Поднебесной можно лишь в том случае, если будет создана новая «рабочая платформа», которой способно стать лишь одно государство – Индия. Рассматривая проблему с данного угла, можно заявить о том, что Австралия не должна испытывать проблем экономического взаимодействия с Нью-дели, ведь она является ближайшей страной западного блока, призванной стать своеобразным мостом между двумя цивилизациями.

Важность Индии понимают как США, так и Великобритания. Нью-дели уже числится в списке потенциальных членов CANZUK, а 27 февраля этого года состоялась встреча Дональда Трампа и премьер-министра Индии Нарендра Моди, в ходе которой было обсуждено сотрудничество в рамках

программы «Сети голубых точек» [7]. Стоит отметить, что Моди назвал проект перспективным и выразил заинтересованность Нью-дели в присоединении к его реализации. Индия является давним соперником Китая: явная поддержка Пакистана Поднебесной, проблема Тибета и неразрешенность ряда территориальных споров способствовали негативному восприятию странами друг друга. Подобный конфликт повлиял на низкий уровень поддержки Индией инициативы «Пояса и путей», что делает ее открытой к сотрудничеству с западным лагерем. Тем не менее, повторение Нью-дели пути Поднебесной затрудняется сохраняющимися традиционными порядками, снижающие вероятность мобильности общества страны. Здесь стоит упомянуть о нескрываемой симпатии населения Индии к Британии и к английскому блоку в целом, что позволяет нам заявить о теоретической готовности Нью-дели к роли «духовного ученика» западных держав. Логично предположить, что CANZUK и «Сеть голубых точек» будут идти по проторенной дорожке Поднебесной, выделяя льготные места университетов под страны-участницы проектов, что, несомненно, положительно повлияет на облик Индии в целом.

Не менее важным пунктом, скорее всего, станет Индонезия, чьи дипломатические отношения с Австралией в последнее время зашли в тупик. Джакарта занимает ключевую позицию в регионе и то, на чьей стороне она выступит, во многом зависит распределение сил в АТР. До недавнего времени Индонезия видела свое будущее в сотрудничестве с Пекином, однако ряд действий, предпринимаемых восточным драконом (в частности, решение об использовании китайских рабочих во время строительства железной дороги в Индонезии[9]), вызывают острые антикитайские настроения в обществе. С недавних пор, подобные сомнения по отношению к возможному гегемону разделяет и правительство государства. Причиной стала ситуация со Шри-Ланкой, которая была вынуждена передать Китаю порт, в обмен на прощение долгов[8]. Подобная агрессивная политика Пекина заставила задуматься целый ряд островных государств, что позволяет нам говорить о потенциальном включении Индонезии в состав проекта «Сети голубых точек».

Помимо этого стоит принимать во внимание и факт эпидемии коронавируса, которая непременно отразится на китайской экономике. Уже сейчас колоссальные денежные средства уходят на борьбу с вирусом, что, разумеется, повлияет на их возможность продолжать «спонсирование» ряда государств в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Страны Запада, несомненно, понимают сложившуюся ситуацию, и пытаются использовать ее в свою пользу.

Ожидаемые изменения на геополитической арене региона

В целом, уже сейчас можно заметить силы сближения между англо-саксонскими странами. В дальнейшем, тенденция будет иметь развитие, ведь в мире, где существуют исключительно временные союзники, а также открытая угроза экономического

превосходства со стороны Китая, кровное родство приобретает особый вес. Между странами несомненно существуют неразрешенные проблемы, однако культурная надстройка, общая для всех пяти государств, дает им право полагаться друг на друга в особо сложные времена.

В связи с ослабившимся экономическим влиянием Китая, следует ожидать усиленного воздействия Лондона и Вашингтона на АТР, что уже заметно по участникшимся визитам президента США в регион. Вполне вероятно, что Австралия будет продолжать налаживать экономическое сотрудничество с Великобританией, что послужит плацдармом для ее будущей роли в противостоянии цивилизаций.

Стоит уделить внимание и Таиланду: учитывая то, что на долю этого государства приходится меньше всего проектов инициативы «Пояса и пути», логично предположить, что страна станет опорным пунктом на континенте западного блока. Уже сейчас видно, что заявление о начале работы «Сети» было сделано именно в Бангкоке, а значит, у Токио, Канберры, Вашингтона имеются определенные планы на данное государство.

В ближайшее время ожидается усиление сотрудничества стран англо-саксонского блока, ведь сложившаяся ситуация, по понятным причинам, не устраивает никого из них. Мы стоим на пороге нового политического тренда, который, несомненно, станет определяющим жизнь людей третьего десятилетия 21 века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Why CANZUK? [Электронный ресурс]:// - Режим доступа: <https://www.canzukinternational.com/why-canzuk>
2. A weaker post-Brexit Britain looks to America [Электронный ресурс]:// - Режим доступа:

<https://www.economist.com/briefing/2020/01/30/a-weaker-post-brexit-britain-looks-to-america>

3. Boris and Donald: A very special relationship [Электронный ресурс]:// DANIEL LIPPMAN and NAHAL TOOSI - Режим доступа: <https://www.politico.com/news/2019/12/12/trump-boris-johnson-relationship-083732>

4. Britain must reduce reliance on US military, says UK defence secretary [Электронный ресурс]:// - Режим доступа: <https://www.sbs.com.au/news/britain-must-reduce-reliance-on-us-military-says-uk-defence-secretary>

5. Australia Plans For UK Trade Deal “Within Weeks” Of Brexit [Электронный ресурс]:// James Skinner - Режим доступа: <https://www.canzukinternational.com/2019/09/australia-2.html>

6. Китайский дракон готовится проглотить Океанию? [Электронный ресурс]:// Роман Мамчиц - Режим доступа: <https://www.if24.ru/kitaj-proglotit-okeaniyu/>

7. India likely to join US to counter China’s global connectivity plans [Электронный ресурс]:// Iftikhar Gilan - Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/en/economy/india-likely-to-join-us-to-counter-china-s-global-connectivity-plans/1746396>

8. Is Sri Lanka Really a Victim of China’s ‘Debt Trap’? [Электронный ресурс]:// Umesh Moramudali - Режим доступа: <https://thediplomat.com/2019/05/is-sri-lanka-really-a-victim-of-chinas-debt-trap/>

9. Indonesia’s government wants to get on with China in private [Электронный ресурс]:// - Режим доступа: <https://www.economist.com/asia/2020/02/13/indonesias-government-wants-to-get-on-with-china-in-private>

PUBLIC RELATIONS AS A TOOL OF POLITICAL ADVANCE

Sulkhanova E.

student, Russian University of Transport

Rudyka N.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian University of Transport

ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Сулханова Е.С.

студент, Российский университет транспорта

Рудыка Н.А.

к. полит. н., доцент, Российский университет транспорта

Abstract

A retrospective analysis is carried out and vectors of the formation of public relations in the political sphere are determined. Two main trends in the use of public relations in mass political propaganda at the present stage have been identified and characterized. The significantly increased role of the Internet in the implementation of public relations is determined.

Аннотация

Проведен ретроспективный анализ и определены векторы становления паблик рилейшнз в политической сфере. Выявлены и охарактеризованы две основные тенденции в использовании паблик рилейшнз в массовой политической пропаганде на современном этапе. Определена значительно возросшая роль сети Интернет в реализации паблик рилейшнз.

Keywords: public relations, public relations, PR-technologies, political marketing, political propaganda, network type of propaganda.

Ключевые слова: public relations, паблик рилейшнз, PR-технологии, политический маркетинг, политическая пропаганда, сетевой тип пропаганды.

Постановка проблемы. Политические процессы в современном мире постоянно усложняются. Такая тенденция обуславливает очень быстрое развитие сферы коммуникации в аспекте формирования общественного мнения. В постиндустриальном (информационном) обществе растет спрос на PR-технологии во всех сферах - в бизнесе, политике и социальной сфере. Связи с общественностью распространяются вширь и вглубь, становятся необходимым направлением международной деятельности.

Динамический обмен информацией обеспечивает принятие важных политических решений. Пропаганда в таких обстоятельствах растворяется в значительной массе разнонаправленных информационных потоков, потому чрезвычайно важным является анализ данной коммуникативной технологии со стороны научного сообщества.

Анализ последних исследований и публикаций. Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Западные ученые признают, что роль пропаганды как политической технологии в последнее время значительно возросла и в ней усиливается элемент public relations. Этой теме посвящается достаточно много научных работ: Дж.Браун, Г. Джовет, К. Джонсон-Керти, В. О'Донелл, Г. Копленд, Н. Лайтесс. Системное исследование коммуникационного среза пропаганды проводит Ф. Тейлор.

Исследование данного вопроса проводили с разных позиций такие отечественные ученые как О. Гришин, А. Зименков, А. Карабалина, С. Романюха, О. Саудуллаева, А. Толочкин и др. В то же время высокий уровень изменчивости политической среды и значительные отличия в национальных технологиях пропаганды требуют постоянных исследований в данной сфере, что актуализирует тематику исследований в данном направлении.

Цель статьи. Выделение особенностей и тенденций использования Public relations в процессе политической пропаганды.

Изложение основного материала. Паблик рилейшнз (Public relations, PR) - разновидность маркетинга, который заключается в стимулировании спроса на товар определенной фирмы путем формирования благоприятного общественного мнения об организации и ее продукции в целом. Понятие "PR" сначала сформировалось в сфере бизнеса, в наши дни оно стало употребляться и для обозначения политической агитации и пропаганды.

В 1900 г. бывший журналист Д. Майкелис открыл в Бостоне первое агентство public relations "Бюро паблисити". Позднее два бывших журналиста - А. Ли и Д. Паркер - учредили агентство с расширенным кругом клиентов: не только юридические лица, но и политические партии и правительственные органы. Можно сказать, что они

положили начало политическому маркетингу, консультируя кандидатов во время избирательных кампаний и ведя лоббистскую деятельность. А. Ли так сформулировал свое задание: "Наша цель - честно и откровенно ради интересов бизнеса и государственных учреждений обеспечивать прессу и общественность США надлежащей и точной информацией, которая касается этих субъектов, то есть информацией, которая интересует общественность и которую ей важно знать" [1, с. 14].

С увеличением информационных потоков в современном обществе, усиливается роль политической пропаганды, которая помогает сосредоточить внимание граждан на определенной проблеме, используя ряд приемов.

Пропаганда может рассматриваться как процесс передачи определенных идей, мыслей, представлений с учетом определенных особенностей recipiента, и формированием идей таким образом, чтобы они максимально воспринимались аудиторией. То есть пропаганда является способом информационного обеспечения целей коммуникатора, инструментом концентрации его политических усилий. От поставленной цели зависит качество информации и тип пропаганды [3, с. 102], которая может изменять политическую ситуацию: способствовать реализации позитивного политического проекта или иметь разрушительные направления действия.

На современном этапе можно наблюдать две тенденции в использовании паблик рилейшнз в массовой политической пропаганде.

Первая состоит в бессистемной передаче значительного массива разнообразных сообщений (такой тип массового информирования называется "дроблением информации"). В такой ситуации человек из массы несистематизированных и чаще всего не прокомментированных сведений не всегда способен отделить главное от второстепенного, существенное от неважного. Индивид в условиях хаотичности массива случайных и непредвиденных событий теряет социальную ориентацию, что в итоге приводит к аполитичности значительной части общества. Данная тенденция имеет полностью определенные политические цели, используя индивида, проинформированного о событиях, но не понимающего их сути, как очень удобный объект для политического манипулирования.

Вторая тенденция заключается в подчинении информационного потока идеологово-пропагандистским установкам - отбирается и сообщается с надлежащей детализацией только та информация, которая согласована с пропагандистскими заданиями, остальная информация замалчивается или критикуется (опровергается) [4, с. 119-120].

Необходимо также выделить значительно возросшую роль сети Интернет в реализации паблик

рилейшнз, что создает новые возможности для ведения политической пропаганды. Интернет является идеальным пространством для проведения высокоеффективных пропагандистских кампаний, что создают информационные паутины, которые постоянно расширяются и обеспечивают оперативное распространение пропагандистских сообщений для разных целевых аудиторий.

В политической пропаганде сетевого типа главные заказчики остаются невидимыми. Видимыми субъектами (исполнителями) выступают обычные граждане, которые выступают против политики отдельных партий, политических субъектов, руководства страны и пытаются донести свои мнения и переживания до широкой общественности [2]. Данные информационные потоки постоянно пополняются новыми сообщениями, распространяются с чрезвычайной скоростью и достигают масштабов, значительно превосходящих возможности правительственные структуры и традиционных каналов коммуникации. Это ведет к значительной сложности контроля содержания информационных потоков, управления общественным мнением и политической обстановкой в стране.

Выводы и предложения. В сложившихся условиях для национальных правительств возникает необходимость разработки комплексной стратегии мониторинга и противодействия распространяемой дезинформации средствами паблик рилейшнз в массовой политической пропаганде. Координаторами реализации этой стратегии должны выступить политические ведомства страны и государственные органы по обеспечению национальной безопасности с привлечением к выполнению определенных оперативных заданий представителей гражданского общества и общественных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вылегжанин Д. А. Теория и практика паблик рилейшнз. – М.: Флинта, 2008. – 405 с.
2. Манипуляция сознанием в СМИ и не только. - Feb. 16th, 2014. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/manipuljatsija-soznaniem-v-smi-i-ne-tolko>.
3. Политические коммуникации / Под ред. А.И. Соловьева. – М., 2004. - 332 с.
4. Скуленко М.И. История политической пропаганды. – К., 1990. – 168 с.

No40/2020

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
 - Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
 - Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
 - Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
 - Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
 - Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
 - Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
 - Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
 - Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
 - Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
 - Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
 - Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
 - Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
 - Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
 - Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
 - Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
 - Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
 - Chan Jiang (Peking University, China)
- and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>